

Макс Мах

Последыш IV

Непростые будни феодала

Annotation

Это четвертый и на данный момент заключительный роман о жизни и приключениях графа Ингвара Менгдена.

Послѣдъш IV (Непростые будни феодала)

Глава 1 (1)

1. Двадцать девятое ноября 1983 года

Скорость, с которой происходили события, ошеломляла. Порой даже не верилось, что «все это наяву и взаправду». Но так все и обстояло: «однодневная война», когда графство Менгден схлестнулось с негласно поддерживаемой императором Союзной ратью, магическое истощение, едва не сведшее Бармина в могилу, и наконец «золотой дождь»[1], пролившийся над ним в качестве «компенсации за принесенные неудобства». Вслух этого никто, разумеется, не сказал, но все всё поняли правильно. Если до начала военных действий, Ингвар являлся для Общества всего лишь экзотическим благородным дикарем[2] в духе вольтеровского Простодушного[3], то теперь он превратился в знаковую фигуру, вокруг которой сплотился едва ли не весь Старый Запад. Графство устояло, враг был разбит и жестоко наказан, а императору не осталось ничего другого, кроме как сделать хорошую мину при плохой игре: вернуть Менгдену всю Северную марку[4], а значит, и титулы князя Острожского, посадника Ревельского и Юрьевского, хёвдинга Карелы, Орехова и Выборга. Такая вот случилась с ним невероятная пруха: пошла вдруг карта, успевай только объявлять всякие там «фулл-хаусы», «флеш-рояли» и прочие «стриты». Ведь и года не прошло, как Ингвар перестал быть «ником» и стал кем-то таким, за кого по собственному желанию могла выйти замуж княгиня Полоцкая или герцогиня Сконе. Вернее, обе две, не считая трех других. И получалось, что старенький старичок профессор-эмеритус[5] Игорь Викентиевич Бармин, — скончавшийся по-видимому в городе Питтсбург, США, — обрел в этом *новом чудном* мире не только молодость и невероятную физическую силу, но также магию, богатство и любовь, как минимум, четырех прекрасных женщин. Впрочем, имелся у всего этого великолепия и некий побочный эффект: чтобы хоть куда-нибудь не опоздать ему все время приходилось бежать, и при том бежать быстро, — изо всех сил, — что, будем откровенны, не слишком-то комфортно, ибо утомляет. Но делать нечего, как говорится: любишь кататься, люби и саночки возить. Ну, или что-то там про грузди и кузов.

И вот «новый поворот, и мотор ревет...»[6] Не успели прибыть в Гетеборг, а на Ингвара Менгдена вновь просыпались странные дары Фортуны. Приватный разговор с кронпринцем Карлом Августом Ваза привел к неожиданным решениям и ожидаемым подвижкам в «расписании на завтра». В краткосрочной перспективе, — то есть, в тех планах Бармина, которые, что называется «с сегодня на завтра», — предстояли коронация Карла Августа, дуэль с генералом-адмиралом князем Акселем Юль аф Верринге и, наконец, свадьба с кронпринцессой Ульрикой Катериной. И все это за четыре дня. Каково?! На самом деле, слов нет, так что, как говорится, без комментариев.

Ингвар, впрочем, и не комментировал, поскольку твердо знал, что все это выглядит вызывающе чрезмерно, поскольку слишком быстро, и всего этого для него слишком много. Такого стресса, такого калейдоскопа событий, каким представлялась нынешняя жизнь графа Менгдена, не случилось у Бармина за все семьдесят лет его прошлой жизни. Там разбросанные по десятилетиям значились всего лишь несколько событий «грандиозного масштаба», ни одно из которых, по совести говоря, никак не дотягивало до нынешних его драм. Свадьба. Две защиты диссертаций, эмиграция... И все, собственно. А здесь одних свадеб за осень сыграно уже столько, сколько ему и не снилось в его прошлой *мирной*

жизни. А ведь за прошедшие месяцы он успел к тому же неоднократно повоевать, и титулы теперь носил такие, что только «Ой!» Но вот, что любопытно, покидая курительную комнату, где состоялся исторический разговор с наследником шведской короны, ни о чем подобном Игорь Викентиевич, — или лучше сказать, Ингвар Менгден, — не думал. Не до того было, ибо *довлела над ним злоба сего дня*.

Итак, пожелав членам семьи кронпринца трогательно-шведское *go'natt*[7], Ингвар и Мария вернулись в отведенные им гостевые апартаменты, заперлись на все замки и, включив выданную майором Злобиной шпионскую хрень, носившую скромное название прибора для защиты конфиденциальности, — про себя Бармин называл эту шгуку попросту «глушилкой», — наскоро обсудили свои непосредственные действия в свете так резко изменившихся личных обстоятельств. Впрочем, быстро — не означает безболезненно.

Мария — девочка смелая, временами шептунья, но, когда доходит до дела, умеет собраться и действует хладнокровно, без обычных для ее возраста и пола душевных метаний. Война ее не испугала, но явно закалила, окончательно закрепив в характере княгини Полоцкой те черты, которые достались ей от природы или были сформированы правильным семейным воспитанием. Однако, какой бы она ни была на самом деле, какой бы ни хотела предстать в глазах окружающих и, прежде всего, в глазах своего «мужа и господина», она оставалась самой собой: молодой влюбленной женщиной.

— Ты нервничаешь, — констатировал Ингвар, взглянув ей в глаза.

— Да, немного, — не стала она отнекиваться. — Скажешь, нет причины?

— Ты о датчанах? — на всякий случай уточнил Бармин.

— Нет, о папуасах! — неожиданно огрызнулась Мария.

Бармин не сомневался, что дело не в том, что она не верит в его силу и удачу, Мария просто не может за него не беспокоиться.

— Миа, — сказал он тогда, пытаясь рационализировать проблему, — ты знала все эти подробности еще три дня назад. Мы это обсуждали.

— Да, но не дуэль! Ты не говорил, что собираешься с ним драться!

— Не дуэль, — поправил жену Бармин, — судебный поединок.

— Как дерьмо не назови, все равно воняет, — фыркнула в ответ Мария. — А поединок, мой дорогой, он и в Африке дуэль. И ты, Ингер, об этом ничего нам не говорил.

— Экспромт, — пожал он плечами.

И в самом деле, чистой воды импровизация. Мгновенная идея. Эврика или еще что-нибудь в том же роде.

— У князя 18-й ранг!

— Откуда ты знаешь? — удивился Бармин.

— Не один ты справки наводишь, — отмахнулась Мария. — Восемнадцатый ранг, Инг, это очень много. И учти, он боевой маг. Всю жизнь служит на флоте! Что означает, воевал.

— Откуда такое неверие в мои силы?

— Откуда такая самоуверенность? — парировала Мария. — Пару раз она тебя уже подвела.

Что ж, в ее словах было много правды. Гормоны или еще что, но молодое тело Ингвара Менгдена не раз и не два заставляло старика Бармина совершать немислимые глупости. Возможно, и сейчас тоже «подначивает». Но менять решение не хотели, как ни странно, оба, — и молодой, и старый, — хотя и по совершенно разным причинам. Менгден — герой и адреналиновый наркоман, ему только бы шашкой помахать. Бармин же в меру осторожен, но

зато хорошо видит перспективу. Если грохнуть генерала-адмирала Юля, да не просто прибить, — хотя и это было бы совсем неплохо, — а в ходе судебного поединка, дивидендов будет так много, что замыкаешься пересчитывать набежавшие проценты. Ослабить датчан и одновременно припугнуть, испортить им репутацию, подняв ее между делом себе, и, кроме всего прочего, создать благоприятную ситуацию для начала переговоров о мире. Дипломатия ведь, как известно, всегда более эффективна с позиции силы, чем наоборот. А про 18-й ранг Ингвар знал, разумеется, как знал и то, что, скорее всего, официальные данные датчанами не без умысла занижены. Это когда у тебя какой-нибудь сраный пятый-шестой ранг, можно приврать, что добрался хотя бы до седьмого. У сильных магов, тем более, у боевых магов все с точностью до наоборот. Занижают хитрованы свой ранг, как, впрочем, и сам Ингвар, истинную силу которого не знает никто, кроме, может быть, нескольких самых близких ему людей. Так что, на самом деле, у датчанина как бы даже не полный 21-й ранг. Очень сильный враг этот Юль, коварный и опытный, но и Бармин не лаптем щи хлебает. Он за последнее время, — в особенности, в ходе тренировок со своими девушками, не говоря уже о войне, будь она неладна, — серьезно «подкачал» свой стихийный потенциал и мог теперь многое, о чем внешние наблюдатели даже не догадывались.

— Я его сделаю и хватит об этом! — сказал он, подводя черту под так и не состоявшейся дискуссией.

Мария посмотрела ему прямо в глаза, — секунд двадцать смотрела, не отрываясь, — потом кивнула, окончательно принимая его решение, и больше к этой теме не возвращалась. Зато быстро включилась в обсуждение вытекающих из создавшейся ситуации шагов, но совещание долго не продлилось. Обсудили, приняли решение, и вперед. Княгиня Полоцкая сразу же уехала в русское посольство, чтобы переговорить тет-а-тет со своим отцом, который, на счастье, представляет сейчас в Гетеборге великорусского императора. А Бармин в это время быстро написал несколько строго конфиденциальных писем и, вызвав одного из своих доверенных курьеров, отправил его на ночь глядя на аэродром. По открытым каналам связи, то есть, по телефону или телеграфным ключом, он мог сообщить своим близким в Усть-Угле только самые общие сведения. Использование кодовых слов — отличный метод конспирации, но, увы, не предполагает детализации сообщений, а между тем, обстоятельства требовали передать домой четкие инструкции, касавшиеся, как самой скорой свадьбы, так и последующего довольно значительного прибавления в семействе Менгденов и резкого увеличения замкового штата. Поэтому первым делом Бармин написал письма Варваре и Ольге, оставшейся в замке за старшую, а также князю Глинскому и своему родичу барону фон Лагна. Курьер с этими письмами вылетит на конвертоплане сначала в Ниен, а затем в Усть-Углу, так что уже к утру адресаты Ингвара Менгдена получают от него всю необходимую информацию.

Отправив курьера, Бармин достал из переносного сейфа кодовую книгу и занялся составлением шифровок. Это заняло у него почти час времени, но зато потом он смог беспрепятственно прямо по телефону надиктовать Ие Злобиной подробные распоряжения, звучавшие, как бесконечно длинные последовательности пятизначных чисел. Конечно, все заинтересованные лица, то есть, те, кто гласно или негласно прослушивал его телефон, тут же узнали, что он послал шифровку, но это было наименьшее из зол, поскольку иди знай, что за сообщение, кому и зачем он отправил.

Бармин как раз успел с этими делами, когда из имперского посольства вернулась Мария. Было уже слегка за полночь, но выглядела княгиня просто замечательно: дивно

хороша собой, по-спортивному бодро и энергична, как если бы, успела хорошенько и со вкусом отдохнуть и совершенно не нервничала по поводу предстоящей дуэли. Напротив, сейчас она просто полыхала, — разумеется, только наедине с супругом, — положительными эмоциями.

— Отец принял, как должное, — сообщила Мария, устраиваясь в кресле и принимая от Бармина бокал с красным франкским вином. — Завтра, не позже полудня прилетят Федор и Екатерина. Обещал так же добиться особого поздравления от императора и его супруги. Что у тебя?

— Письма отправил, — пожал плечами Бармин, пивший старку и примеривавшийся к сигарете, курить или нет. — Надиктовал шифровки и поговорил на «общие темы» с Варварой и Ольгой. Послал телеграммы Конраду и Стефании. И вот, что пришло мне в голову. Ты, Миа, как княгиня Полоцкая, распоряжаешься какими-нибудь титулами?

— Да, — подтвердила Мария очевидное. — Кому надо?

— Я подумал о Дарене, — объяснил Бармин, закуривая. — Девка, вроде бы, исправилась, во всяком случае, старается. Надо будет ее в свет выводить...

— Могу даровать ей титул посадницы Себежской и Идрицкой. За пределами империи можно будет представлять ее, как виконтессу[8].

— А кто у нее будет графом? — уточнил Бармин, все еще плохо разбирающийся в реалиях жизни титулованного дворянства.

— Я, — усмехнулась супруга. — В Полоцке, Инг, я удельная княгиня, по-нашему, как и ты у себя в графстве, владетельная, а, говоря по-европейски, «*Милостью божьей*». А вот в Идрице и Себеже я просто княгиня и в Европе могу переводить этот титул, как графский. Так что будет Дарена моей подданной в квадрате.

— Не возражаю, и... спасибо! — улыбнулся Бармин.

— Да, на здоровье! — отмахнулась от его благодарностей Мария. — Ты лучше подумай, может быть, надо что-нибудь добавить к титулу Стефании?

— Я уже об этом подумал, — Ингвар встал из кресла и, подойдя к столу, взял один из разложенных там документов. — Это как раз список титулов в Северной марке, оказавшихся теперь в моем распоряжении. Хочу отдать Конраду Нарвский удел — будет у нас графом Нарвским. Передам ему в управление три замка — пусть наделает виконтов.

— Разумный ход, — согласилась Мария. — Продолжай!

— Варваре хочу отдать Корельскую половину[9] с замком[10] в Кореле и титулом княгини Ижорской. Удел небольшой и небогатый, зато титул древний и княжеский, а деньги ей пусть Петр зарабатывает.

— Отлично придумано! — поддержала его жена. — Тогда, Стефанию можешь сделать посадницей Невельской и Усвятской.

— Ты что, запомнила наизусть весь список? — удивился Бармин.

— Нет, только про Невель и Усвяты, — «скромно» опустила глаза княгиня Полоцкая, обладавшая практически идеальной зрительной памятью. — А теперь, мой господин, может быть, вы уже отложите свои дела в сторону и трахните наконец свою недостойную рабу?

Есть просьбы, на которые просто невозможно сказать «нет», но всегда можно внести коррективы в запрос.

— Чур, сегодня вы сверху, моя госпожа, — ухмыльнулся Ингвар.

— Черт с тобой, граф! — вернула ему ухмылку молодая жена. — Так и быть, поскачу! Такой жеребец, как ты, не каждой наезднице достается! Но на многое не рассчитывай,

амазонкой буду только первые пять минут...

О том, что Мария девушка с фантазией, зудом в одном месте и полна энтузиазма практически во всем, за что ни возьмется, Бармин понял еще тогда, когда неожиданно встретил ее во время своего первого посещения замка в Усть-Угле. Не зная, чья она дочь, не ведая, что девушка приуготована ему судьбой в жены, он позавидовал ее будущему супругу, которому достанется не только красивая и веселая, но также эксцентричная и склонная к авантюрам жена. Женщина, которая не станет отказываться от экспериментов в постели, потому что ей по жизни все интересно. И он не ошибся. Если не считать того странного *затыка*, который случился у Марии Полоцкой с *первым разом*, она такой и была: умной, энергичной и раскованной, в особенности, когда оставалась с ним наедине. И этой ночью она тоже не изменила себе: не жадничала и не строила из себя стеснительную недотрогу, устроив Ингвару токую скачку, что даже у него, уж на что кобель патентованный, все равно дух захватило. В общем, ночь прошла замечательно, и на коронацию Карла Августа Бармин пришел несколько подуставшим, но при этом в великолепном расположении духа и с застрявшей в голове мыслью, что жизнь удалась. А в главном языческом храме Гетеборга его между тем ожидал такой косплей, что, как говорила одна его старая приятельница, «*пусть все завистники умрут!*»

За долгие века войн и периодов замиренний, — длившихся порой годами и даже десятилетиями, — обе стороны, имея в виду и язычников, и христиан, чего только не нахватались друг от друга. Такого не могло случиться и, разумеется, не случилось в мире Игоря Викентиевича, где монотеизм безоговорочно победил — во всяком случае, в Европе, — оставив о поганстве лишь смутные воспоминания да редкие мотивы в народном творчестве. Но здесь и сейчас, в мире Ингвара Менгдена этого не произошло благодаря Ее Величеству Магии. Именно магия стала той постоянно действующей третьей силой, которая существенно влияет на политику, экономику и культуру, а, проще говоря, буквально на все, чем жив человек. Благодаря этой третьей силе, язычество не исчезло, как это случилось в мире Бармина, и постепенно, шаг за шагом, научилось у христиан обрядовости, литургии и прочим изыскам. А те, в свою очередь, переняли у идолопоклонников идею полигамного брачного союза и прочие бытовые разности.

Итак, языческая коронация короля Швеции, на которой присутствовал сейчас Ингвар, проходила в декорациях, теоретически более подходящих христианам. Очень пышно, ярко и громко и, разумеется, недешево. Били колокола, жрецы в снежно-белых, расшитых золотом ризах выводили мощными голосами псалмы и гимны, играл орган, пели ангельскими голосами детки обоего пола, обряженные во что-то вроде пурпурных хламид с капюшонами, и торжественно свидетельствовали прибывшие на коронацию короли, князья и герцоги Божьей милостью, увенчанные золотыми коронами и одетые в бархатные придворные мантии с накинутыми на плечи владетельскими плащами, подбитыми мехом царственного горноста. В общем, это была эклектика в чистом виде, но, чего уж там, выглядело это все впечатляюще, как и должно быть, наверное, на настоящей коронации. Во всяком случае, это действо напомнило Бармину коронационные торжества по случаю восхождения на престол Елизаветы II Английской. Нашел он как-то, по случаю, на просторах тамошнего интернета документальный фильм о ее коронации. Тоже неслабо и недешево, но шведы, пожалуй, выступили круче великобританцев.

В общем, длилось все это долго или, скорее, даже очень долго. Иначе какая же это коронация, если присутствующие, включая самого виновника торжества, не умотаются до

смерти? Бармин был куда крепче иных других, но в какой-то момент это начало утомлять даже его. Возможно, поэтому он отвлекся от церемонии и принялся рассматривать окружающих его непростых людей. Зрелище, к слову сказать, более чем впечатляющее и весьма поучительное. Их, то есть, тех, кто прибыл на коронацию, чтобы свидетельствовать о вступлении во власть нового короля Швеции, собралось в огромном храмовом зале человек семьдесят. Не гости, — вернее, не просто гости, — не зрители и не статисты, которых здесь и вне зала было на порядок больше. Активные участники церемонии, на них Бармин и смотрел из-под полуопущенных ресниц. Впрочем, он знал, что они, все и каждый, чувствуют его взгляд точно так же, как он чувствовал их интерес к себе. Угадать, с каким чувством они на него смотрят, было практически невозможно, поэтому Ингвар голову себе этими глупостями не занимал: смотрят и смотрят, их право. Сам же он проявлял всего лишь обычное человеческое любопытство.

Он не был лично знаком с абсолютным большинством присутствующих, никогда с ними прежде не встречался и, если видел где-то когда-то, то только на фотографиях. Однако, сейчас у него появилась отличная возможность увидеть их всех воочию, и первое, что пришло ему в голову при изучении их фигур и лиц, это сакраментальное «магия рулит». Даже не интересуясь этим вопросом в своей прежней жизни, Бармин знал, что европейская аристократия — это отнюдь не сборище голливудских красавцев и красавиц. Холеные, ухоженные и хорошо одетые, они все-таки оставались обычными людьми. Высокие и не очень, полноватые и лысоватые, как один из принцев Монако, и зачастую отнюдь не красавцы, как, например, семейка все той же Елизаветы Английской второй этого имени. Была у нее в семье одна красивая женщина, так и ту съели, суки, потому что пришлая. Здесь же, в этом мире, естественный отбор был подвержен сильному воздействию магии, и результат был, что называется, налицо. Все эти короли и принцы, княгини и герцогини были красивыми и породистыми, не говоря уже о том, что все, как один, находились в хорошей физической форме, хотя конечно в каждой избушке свои игрушки. В одних семьях доминировали высокие или даже очень высокие женщины, а в других встречались и совсем некрупные фемины, как, скажем, его Дарена, у которой рост всего 163 сантиметра, хотя и она, разумеется, красива и крепка телом. А вот мужчины все, как на подбор, оказались высокими. Другое дело, что таких гигантов, как Ингвар Менгден, можно было пересчитать по пальцам одной руки. Все-таки многовековая селекция, помноженная на магию, дает великолепные результаты, не говоря уже об условиях жизни, пластической хирургии и целительских штучках-дрючках.

Разглядывание герцогов и принцесс развлекло Бармина, направив ход его мысли по совсем другому руслу. Он в очередной раз, — благо время позволяло, — задумался о том, что здесь делает именно он — семидесятилетний профессор психиатрии Игорь Викентиевич Бармин, и в чем заключается сакральный смысл его существования в этом мире и в этом теле. Как-то не верилось, что это простая случайность. С чего вдруг такой подарок судьбы? Мало того, что получил второй шанс, — что само по себе невероятная удача, — так ведь не в теле гопника с городской окраины, деревенского дурочка или наркомана, подыхающего от передоза в вонючей канаве. Был когда-то такой канадский сериал про каких-то путешественников из будущего, которые по незнанию вселились в совершенно неподходящих для этого людей прошлого. Типа, извиняйте, ошибка вышла.

В его же случае все обстояло с точностью до наоборот. Уж очень качественное, если не сказать адресное, получилось попадание. Тело мало что молодое, так ко всему прочему

крепкое, сильное и вполне пригодное для жизни, не говоря уже о любви. О титуле, деньгах и прочих плюшках даже заговаривать стыдно. И возникает вопрос, вернее, два: кто это тут такой всеильный и щедрый, и для кого этот аноним так круто выступил? По первому вопросу ответ, вроде бы, напрашивался: Марена, тем более, что богиня была близка к стихии Смерти. Но так ли это, на самом деле, Бармину было никак не проверить. По второму же вопросу, ответ был и вовсе скрыт под густым слоем тумана. Но можно было, разумеется, кое-что предположить. Вряд ли некая сверхчеловеческая сущность, — скажем, та же богиня, — ворожила какому-то ничем не примечательному старому хрычу из иной реальности. Бармин твердо знал, что ничем великим или из ряда вон выходящим он не отмечен. Одним словом, не гений, не герой и не творец. Таких, как он, в современном мире, то есть, в его прошлом мире, не просто много, а очень много. Университеты и те исчисляются десятками тысяч. Что уж говорить о профессорах! Следовательно, дело не в нем самом, а в Ингваре Менгдене, который, возможно, сильно нужен этой реальности или конкретно Марене для каких-то своих, неведомых Бармину целей.

Допустим, что это так, и еще допустим, что с прошлым сознанием не срослось, и потребовалась срочная замена. Однако, снова же неясно, почему на замену выбрали именно Игоря Викентиевича? Можно подумать, что там и тогда, в XXI веке, нельзя было подобрать более умного, талантливое и опытного человека? Какого-нибудь спецназовского полковника или генерала, например, или матерого политического интригана. Почему же богиня, — если, разумеется, это она, — выбрала именно Бармина? В чем скрытый смысл ее поступка? Какова причина? Но, увы, гадай или нет, никто готового ответа на все эти вопросы и недоумения Бармину не предоставил и вряд ли предоставит в будущем. Так что придется ему жить с тем, что есть, и попусту не стенать, а радоваться, что лично для него все сложилось более, чем хорошо.

Вообще, если не лукавить, жизнь Ингвара Менгдена Бармину нравилась, и чем дальше, тем больше. Да, нервно, временами, опасно, — и часто больно, — но зато дико интересно. И дело не только в более, чем доступном и разнообразном сексе, — хотя и в нем тоже, — но, в первую очередь, в стиле этой новой жизни, ее содержании и ритме. Оказалось, что большое количество адреналина и эндорфинов в крови делает жизнь куда интереснее, чем у обычных людей, живущих в рамках «от и до» и не знающих, бедолаги, что такое стресс, страсть, гнев и прочие чрезмерности. И все это только часть тех сокровищ, что упали на него сразу вдруг, как выигрыш в лотерею по случайно купленному билету.

Старый психиатр стал молодым аристократом самых, что ни на есть, голубых кровей, сильным колдуном и хозяином огромной и богатой страны. Самодержцем, как бы он ни назывался официально, — королем, князем или графом, — хотя и под властью императора. Язычник, ну надо же! И ко всему прочему, многоженец, при том, что его жены все, как одна, красавицы и в их жилах течет все та же самая голубая, как медный купорос[11], кровь. Что-то еще? Много всего, и, начни он все это записывать, список вышел бы очень длинным, но такими глупостями он заниматься, разумеется, не станет. Незачем.

[1] «Золотой дождь» — выражение, означающее внезапное и легко доставшееся богатство. Не путать с названием сексуального извращения.

[2] Благородный дикарь — тип персонажа, особенно популярный в литературе эпохи Просвещения (XVIII век). Образцовый «благородный дикарь» этого времени — «Простодушный» Вольтера.

[3] «Простодушный» — философская повесть Вольтера, опубликованная в Лозанне в

1767 году и через 8 лет переведённая на русский язык. Описывает злочлечения руссоистского «естественного человека» (неиспорченное «дитя природы» — француз, после смерти родителей воспитанного индейцами-гуронами в колониальной Канаде) в клерикально-абсолютистской Франции старого порядка.

[4] В этой (альтернативной) реальности, *Северная марка или Западная пятина* — древнее надгосударственное образование на северо-западе Великорусской империи, которое едва не стало королевством, наподобие Швеции или Дании, но не сложилось. Однако императоры всегда соблюдали ее права на автономию. Территория марки огромна: от Ревеля на юго-восток до Юрьева и на юг через Изборск на Полоцк, затем на северо-восток на Торопец и наконец на север через Старую Руссу, минуя Новгород на Орехов и Корелу, а затем на запад до Выборга. Во главе марки стоял не маркграф, как это принято на западе Европы, а хёвдинг (племенной вождь у германских и скандинавских народов), которого позже стали называть конунгом, а еще позже — князем Острожским. Острожские же породнились с Менгденами, так что Ингвар имеет право на титул князя Острожского (см. книгу I).

[5] Эмерит (от лат. *emeritus* «заслуженный, отслуживший, старый») — титульное обозначение для профессоров, преподавателей высшей школы, которые в связи с преклонным возрастом освобождены от ряда своих ежедневных служебных обязанностей. В научно-образовательной сфере России данный термин не используется.

[6] Слова из песни «Поворот» группы «Машина времени»: *«Вот новый поворот, и мотор ревёт. Что он нам несёт — пропасть или взлет, омут или брод? И не разберёшь, пока не повернёшь...»*

[7] *Go'natt* — спокойной ночи (швед.).

[8] Виконт, виклетониусис (фр. *vicomte* от латинского *viccomes*, англ. *viscount*, буквально — заместитель графа, вице-граф, нем. *vizegraf*) — титул европейского дворянства, особенно в британском пэрстве, средний между графом и бароном.

[9] Корельская половина Водской пятины (по западному берегу Волхова к Корельским погостам, зависевшим от города Корелы).

[10] Имеется в виду, Корела — каменная крепость в городе Приозерске (Кореле), на острове реки Вуоксы, сыгравшая значительную роль в истории Карельского перешейка и допетровской России.

[11] Если кто не знает, медный купорос имеет радикально синий цвет.

Глава 1 (2)

Женщины Бармина отреагировали на призыв оперативно. Елена и Дарена остались на хозяйстве, — кто-то ведь должен осуществлять общее руководство в Усть-Угле и Вологде, — а Варвара и Ольга, вылетев из Череповца в 9.30 утра двадцать девятого ноября, и сделав по пути две кратких остановки в Ниене и Або[1], приземлились в аэропорту Гётеборг Ландветтер в два часа дня. Ингвар был в это время занят, — он после завершения коронации познакомился с ближней и дальней родней королевского дома Швеции, — и поэтому прилетевших встречала на аэродроме одна лишь Мария Полоцкая. А Бармин увиделся с женщинами позже, за час до начала, приуроченного к коронационным торжествам приема. Вообще-то, все ожидали традиционного для подобного рода событий застолья, — то есть, как говорят в империи, пира на весь мир, — и следующего за ним прицепом роскошного бала. Но, к немалому удивлению гостей, все эти излишества и роскошества были перенесены на тридцатое ноября, что, разумеется, создавало в глазах Света весьма непростую интригу. А на вечер дня коронации был назначен официальный раут. Раут же по шведской традиции подразумевал один лишь фуршет, — да, да, тот самый шведский стол, о котором так много было сказано до и после капиталистической контрреволюции в России, — но зато подобный формат позволял гостям вволю пообщаться между собой, а принимающей стороне выступить с короткими, но, по-видимому, важным обращением к «Городу и миру». Ингвар, как виновник торжества, разумеется, знал о причинах изменения регламента и о содержании королевского спича, что называется, из первых уст, остальным же гостям шведской короны оставалось об этом лишь гадать.

Итак, Бармин, проведший практически все время после восшествия Карла Августа на престол в компании Ульрики Катерины и ее дочери, вернулся, наконец, в свои апартаменты, а там его уже ожидали готовые к выходу Ольга и Варвара с Петром, добравшимся до Гетеборга только к пяти часам вечера. Их присутствие было необходимо в связи со скоропалительной свадьбой Ингвара. Однако до «полного комплекта» пока не хватало еще, как минимум, шести персон. Завтра с утра в Гетеборг должны были прилететь, — и, разумеется, разными рейсами, — Нестор Глинский со своей второй женой Аленой Дмитриевной, Конрад Менгден с супругой и Федор Северский-Бабичев со своей эльфой. Все они уже подтвердили свое участие в торжествах, — повод-то не рядовой, — но, понятное дело, в таком цейтноте никто никогда, кажется, свадеб в их кругу не играл. И Бармин чувствовал из-за этого некоторую неловкость, но извиняться за причиненные неудобства не собирался. Во-первых, потому что *«Отчаянные времена требуют отчаянных мер»*[2]. А во-вторых, если не можете порадоваться за друга, — поскольку он вам не друг, — порадитесь за союзника, обретающего, благодаря браку с сестрой Карла Августа поддержку не самого слабого европейского государства. Ведь и ежу ясно, устроить свадьбу своей сестры на следующий день после *«венчания на царство»*, может только любящий брат, уважающий к тому же своего будущего зятя.

— Все привезла? — спросил Ингвар Варвару, когда, извинившись перед остальными, они остались наедине.

— Все, что заказывали, мой князь! — Варвара поставила на стол небольшой кожаный саквояж, который до этого момента держала в руке, раскрыла его и вытащила на свет божий

плоский титановый чемоданчик, на котором стояли видимые невооруженным глазом артефактные замки. Такой переносной сейф крайне трудно украсть, — он попросту никому, кроме хозяина и доверенных лиц, не дается в руки, — да и открывать его, не имея кода доступа, замыкаешься. Впрочем, и стоимость у него сопоставима с тем, что он должен хранить в своих «недрах».

— Все здесь, — щелкнула женщина замком.

— Кстати, о князьях, — усмехнулся Бармин, останавливая Варвару, вознамерившуюся открыть сейф. — Разреши тебя поздравить, мой друг. С сегодняшнего дня ты носишь титул княгини Ижорской и снова становишься моим вассалом, но теперь уже в качестве князя Острожского.

— Не благодари! — улыбнулся, глядя на ошарашенную Варвару. — Хотел тебя порадовать. Да, и вообще, в обществе, где титулы значат так много... Ну, ты понимаешь.

Варвара понимала. Она обошла стол, приблизилась к Ингвару и, прижавшись к нему всем телом, поцеловала в губы.

— Хорошо, но мало, — сказала, оторвавшись наконец от Бармина.

— А на много у нас нет сейчас времени, — усмехнулся в ответ Ингвар. — Хорошо еще, что прием пройдет здесь же, во дворце, а то пришлось бы надевать пальто и куда-нибудь тащиться под дождем.

За окнами действительно шел дождь и дул сильный ветер, то и дело заставлявший водяные капли лупить под прямым углом в бронированные оконные стекла.

«Мерзкая погода!» — поморщился Бармин.

В конце концов, он отвлекся от непогоды и вернулся к привезенному Варварой портативному сейфу, в котором лежали коробочки с обручальными кольцами, гладким золотым ободком для самого Ингвара и изысканным, украшенным бриллиантом круглой огранки, вес которого составлял около 4 карат, для Ульрики Катерины. Кроме того, Варвара нашла в сокровищнице подходящий случаю подарок невесте — изумрудную парюру из двенадцати предметов, включавших диадему, кольцо, серьги, парные браслеты, перстень, аграф[3], каффы[4], декоративный гребень, шпильки для волос и фероньерку[5] с еще одним изумительной чистоты четырехкаратным бриллиантом. Набор был создан в начале XIX века в Венеции и был украшен изумрудами двух разных оттенков, — тёмно- и светло-зелёного, — а так же зелеными и бесцветными бриллиантами и несколькими крупными сине-зелеными сапфирами[6]. В общем, как говорили на его первой родине, это было «что-то с чем-то».

— Должно понравится, как думаешь? — спросил он Варвару.

— Если бы не думала, что понравится, не стала бы предлагать, — пожала плечами женщина. — Она оценит, уж поверь моему чутью!

— Верю, — улыбнулся Ингвар. — Я так понимаю, что все остальные тоже видели и все выбор одобрили?

— Все, кроме Мии, ей я показать еще не успела.

— Ничего, — отмахнулся Бармин, — Миа оценит позже. А сейчас иди, мне нужно переодеться.

— Можно подумать! — усмехнулась Варвара, но все-таки вышла. Они находились в чужом доме и множить слухи было не в их интересах. Варвара сестра, этого достаточно.

Что ж, ему опять приходилось спешить. Принять душ, переодеться... На то, чтобы поесть, — а у него с утра маковой росинки во рту не было, — времени уже не оставалось. На прием, посвященный коронации опаздывать не принято. Тем более, если только что

взошедший на престол король Швеции собирается объявить этим вечером о твоей собственной свадьбе. Поэтому Бармин спешил, и, что бы там ни было, успел. Они с Петром и их женщинами вошли в парадный зал дворца Дроттнингхольм, что называется, с боем часов.

Вошли и, следуя указаниям распорядителя, встали на почетные места неподалеку от возвышения, на котором обычно стоит королевский трон. Сегодня трона не было, но зато была установлена кафедра для оратора, оснащенная микрофонами, ибо новоиспеченный король желал говорить. Ну, он и сказал. Вошел под звуки фанфар в зал, поднялся на возвышение, встал за кафедру и закатил «краткую» речь на тридцать пять долгих минут. Говорил, в основном, о том, чем будет отмечено его правление, то есть о своих планах, — краткосрочных, среднесрочных и даже долгосрочных, — а в завершении спича объявил радостную весть. Оказывается, в июне месяце сего года состоялась тайная помолвка его любимой сестры кронпринцессы Ульрики Катарины герцогини Сконе с графом Ингваром Менгденом четвертым сего имени, и завтра, — *«вы уж извините, дамы и господа, но молодым не терпится»*, — во второй половине дня состоится их свадьба. Бракосочетание пройдет по старинному обряду в том же храме, где сегодня утром был коронован сам Карл Август. В связи с этим король поздравил жениха и невесту, — Бармин вышел к кафедре вместе Ульрикой и встал перед королем, — пожелал им счастья, здоровья и скорейшего прибавления в семействе, отчего все в зале, скорее всего, подумали, что это свадьба по залету, и в конце своей прочувствованной речи поздравил Ингвара с тем что граф Менгден щедростью его «дорогого» брата императора Ивана VIII вернул себе титул князя Острожского, получив в управление Северную пятину. Ну, и чтобы «знали наших», тут же одарил Ингвара еще одним титулом, на этот раз шведским. Так что следующие десять минут Бармин принимал грамоты, свидетельствующие о возведении его в титул герцога Даларна, коллар[7] с гербом герцогства, владетельский перстень и древний меч викингов, являвшийся неотъемлемой частью герцогских регалий. Ну, а после этого, начался, собственно, сам раут, и Бармина начали поздравлять. Вернее, так — поздравление, кроме всего прочего, было поводом, не теряя лица, представиться и завязать знакомство.

Бармин стоял рядом с Ульрикой Катериной, пожимал руки мужчинам и как бы «целовал» пальцы женщинам, — обозначая поцелуй, но не касаясь пальцев губами, — улыбался и говорил уместные в этом случае слова, а сам между делом думал о своей новой жизни. Жизнь была прекрасна и удивительна, но, если честно, Бармина невероятно раздражала необходимость спешить. В своей прошлой жизни он не был ни отчаянным «ленивцем», ни нервическим холериком, но все-таки предпочитал все делать спокойно, не торопясь, и при этом следовать заранее разработанному детальному плану. И начало его жизни в этом мире, если иметь ввиду, так сказать «заполярный период», казалось, не требовало от Игоря Викентиевича сколько-нибудь существенного изменения привычного ему модуса операнди. Размеренная жизнь, привычные, повторяющиеся изо дня в день занятия... Зато потом все резко изменилось, встав с ног на голову, и жизнь понеслась, взяв с места в карьер, и, кажется, даже все время ускоряя темп. И теперь Бармин постоянно был занят тем, что разгребал свалившиеся на него, как снег на голову, события. Даже жениться по-человечески не получалось. Пять свадеб, — *пять, Карл, целых пять*, — и ни одну не устроить по-человечески. Нет, чтобы случайно познакомиться с девушкой где-нибудь в театре, на пляже или в галерее современного искусства, галантно поухаживать за ней, хотя бы пять-шесть месяцев, — конфетно-цветочный этап убалтывания не на койку, а на

ЗАГС, — узнать поближе, понять, хочешь ли ты жить с ней «всю оставшуюся жизнь», принять и переварить принятое решение, ну и далее по списку: помолвка, приготовления к свадьбе, истерики невесты и собственные душевные метания, и наконец апофеоз — марш Мендельсона и прочее все, включая обмен кольцами и «поцелуйте невесту».

У него же сплошная «суета сует и всяческая суета». Более или менее поухаживать удалось за одной только Еленой, да и то, спать стали практически сразу, как решили пожениться, а решение это было принято исключительно волевым путем и основывалось всего лишь на голом расчете. Однако хуже всего пришлось в этом смысле с Дареной и вот теперь с Ульрикой Катериной. Едва познакомились, толком друг друга не узнали, а уже женятся. И не дураки, вроде бы. Не торопыги какие-нибудь, — прости Вератюр[8], - у которых в голове не мозги, а полтора литра гормонов и эндорфинов, растворенных в алкоголе. Однако же, не успели познакомиться, а уже свадьба. И это не они такие придурки, это жизнь такая, потому что кто не успел, тот опоздал. И хорошо, если опоздал на вечеринку, а то ведь может случится, что и опаздывать после этого будет некому и некуда.

— Князь Аксель Юль аф Верринге, — оторвал его от размышлений крупный белобрысый мужчина с красным несколько одутловатым лицом. Ростом он был несколько ниже Ингвара, но чуть ли не в полтора раза шире его в объёме. Не толстый, хотя и склонен к полноте, а именно крупный.

«На ловца и зверь, — усмехнулся Ингвар. — Зря ты, генерал-адмирал полез знакомиться. Не стоило тебе высовываться, но любопытство не порок...»

— Это удачно! — сказал Бармин вслух. — Вы даже не представляете, князь, как это замечательно, что мы с вами наконец встретились!

— Имеете в виду что-то конкретное? — равнодушно поинтересовался датчанин. — Наши родственные связи?

— Хотите сказать, что мы родственники? — «удивился» Ингвар.

— Да, через Маргарету фон Менгден и ее дочь Эллен Юль.

— Ах, вы об этих дворянках? — «вспомнил» Бармин.

— Хотите меня оскорбить? — прищурился князь.

— Помилуйте! — усмехнулся Ингвар. — Вы-то здесь причем? Маргарету я, как глава рода, лишил права именоваться Менгден в связи с адюльтером и предательством супруга, моего отца. А Эллен, по вновь открывшимся обстоятельствам, вообще, не имеет никакого отношения к Менгденам. Маргарета прижила ее от кого-то другого.

У него не было таких данных, но отчего бы не припугнуть? А главное, они ведь не в безвоздушном пространстве общались. Вокруг было полно людей, и кое-кто его отлично слышал. А это слухи, которые, к слову сказать, не так-то просто будет опровергнуть. С Менгденами разбежались, а кроме Ингвара никто ничего поделать в этом случае не мог. Мог бы, наверное, король Дании, но Бармин собирался обнародовать информацию, которая эту возможность убьет на корню.

— Значит, все-таки затеваете конфликт, — качнул князь головой. Не дурак, все уже понял.

— Нет, господин генерал-адмирал, — возразил Бармин. — Не конфликт, а судебный поединок. Я вызываю вас на судебный поединок. Ваше слово?

Судебный поединок — это не дуэль, и отказаться от него крайне сложно. Можно, разумеется, и князь сделал такую попытку, но не преуспел.

— Не вижу причины для суда, — сказал он. — Объяснитесь, граф, за что предлагаете

сражаться.

— Я обвиняю вас в том, что вы объявили войну моей семье, но, как подлый трус, побоялись мне об этом сообщить.

Ну, да, так все и обстояло. Правила позволяли начать военные действия против иностранного аристократа втихаря, поставив об этом в известность только свое правительство. Другое дело, что в глазах Света — это будет рассматриваться, как моветон, поскольку не по-рыцарски.

— Войну объявлял вам лично я? — поднял бровь датчанин. Он все еще надеялся, что Бармин не знаком с текстом документа.

— Там стоит ваша подпись, — пожал плечами Бармин.

— Среди других семи, — добавил, чтобы ни у кого не осталось сомнений в том, что он знаком с содержанием документа.

— Неплохо, — усмехнулся на это князь Юль аф Верринге. — Но не думаю, что это достаточный повод для судебного поединка.

«Спасибо, дорогой князь, — улыбнулся мысленно Бармин, — теперь ты дал мне повод окончательно измазать тебя в дерьме!»

— Тогда, может быть, подойдет попытка применить ко мне и моей семье сначала запрещенный к распространению атакующий артефакт двойного действия, а затем, два артефакта «Призыва силы», эквивалентных десяти килограммам взрывчатки. А это, если не ошибаюсь, военное преступление. Как полагаете?

— Я не имею к этому никакого отношения! — вспыхнул генерал-адмирал.

— Ваше слово против моего, — кивнул Ингвар. — Поэтому я вызываю вас не в международный арбитраж, где дело будет рассматриваться годами, а на судебный поединок. Пусть нас рассудят боги!

— Я христианин, — попробовал Юль уйти от необходимости рисковать жизнью.

— Тем более, ваш бог наверняка за вас, чего же вам бояться?

— Я уже не молод...

— С восемнадцатым рангом возраст не помеха, — покачал головой Бармин. — Но, если вам трудно ходить, можете приехать на танке. Я разрешаю.

При этих словах свидетели их разговора, — их к этому моменту собралось рядом с собеседниками уже довольно много, — засмеялись, и это решило дело. Быть осмеянным князь Аксель Юль аф Верринге себе позволить не мог...

2. Тридцатое ноября 1983 года

Поединок назначили на шесть часов утра — время для Бармина более чем подходящее, поскольку он давно уже привык вставать рано. Тем более, что эту ночь он провел один. На семейном совете было решено, что перед поединком ему нужен отдых, но, кроме всего прочего, идея «ночного отдыха» была связана с тем, что женщины попросту перенервничали. Они все были разные, с неодинаковым жизненным опытом и существенно рознящейся психикой, не говоря уже о подготовке. Варвара страдала молча, не позволив себе обнаружить снедающую ее тревогу ни словом, ни взглядом, ни движением лицевых мышц. Однако ее ужас перед неопределенностью в исходе поединка Бармин ощущал физически, напрямую воспринимая напряжение ее стихийного дара. Ольга в этом смысле оказалась куда менее стойкой. Узнав о предстоящей дуэли, она выдала на-гора полноценную истерику, и успокаивать ее пришлось всем коллективом, то есть, Бармину, Варваре и «железобетонной»

Марии. Причем, последним двум приходилось истерить молча, а это, согласитесь, не так уж просто, в особенности, когда тебя подзуживает и провоцирует «третья сила». Но, слава богам, все это осталось позади, — слезы высохли, тахикардия улеглась, — и утром все трое вели себя так, как им и следует, учитывая происхождение, воспитание и чувство собственного достоинства.

Поединок должен был происходить всего в трех километрах от дворца Дроттнингхольм, на бетонированной площадке Королевского Дуэльного Поля, построенного на скалистом берегу Каттегата рядом с фортом Оскара II. Дороги в этой части города были отличные и, большей частью, проходили по туннелям, так что до места добирались автомобильным кортежем и доехали относительно быстро. Могло получиться и быстрее, но на последних трехстах метрах пути неожиданно возникла пробка, созданная не в меру любопытными аристократами, желавшими посмотреть, как князь Юль аф Верринге прибьет этого выскочку Менгдена. В обратное, судя по ставкам открывшегося за полчаса до начала поединка тотализатора верили немногие.

«Их право! — решил Ингвар, услышав новости от мужа Варвары Петра. — А мое право их за это хорошенько вздрючить!»

— Мария, Ольга! — сказал он вслух, поворачиваясь к женам. — Раз так, не жадничайте! Ставьте против Юля сразу миллион. Обдерем их всех, как липку, и все, что заработаете, будет ваше.

— Куплю себе шубу из меха викуны[9]! — «просияла» Мария.

— Я тоже, пожалуй, поставлю, — задумчиво протянула Варвара. — Как считаешь, Петр, пойдет мне шуба из Бургузинского соболя?

— Отличная идея! — поддержала ее Ольга. — Тогда я куплю себе шубу из меха рыси. Таковую, знаете ли, беленькую с черными пятнами, к моим черным волосам должно подойти идеально.

— Бедные, — усмехнулся Бармин, подмигнув своему зятю великому боярину Глинскому-Севрюку. — Мужья держит вас в черном теле. Шубейку жмотятся прикупить!

— Ты главное, грохни его и возвращайся живым! — резко сменив тему, построжала лицом Ольга. Глаза ее потемнели и из сапфировых стали кобальтовыми — цвета персидской сини. Получился очень холодный, но при этом яростный, почти угрожающий взгляд.

«И это та самая Ольга, которую отец хотел попросту под меня подложить? Вот же ушлепок, прости меня Годжагарр[10]! Отдать такую женщину какому-то сопливому кретину!»

Сейчас уже было неважно, что кретином в то время считали его самого. Нынешний Бармин переживал за Ольгу, как за родную, каковой она ему, на самом деле, и стала.

— Ингвар! — между тем подошел к ним Федор Северский-Бабичев, взявший на себя роль секунданта.

— Каковы его требования? — кивнул ему Бармин.

— Чистая магия.

— Ожидаемо. Что-то еще?

— Дистанция сто метров. Бой без использования артефактов.

«Хитрый засранец! — поморщился Бармин мысленно. — Но, возможно, сейчас он перехитрил самого себя!»

— Передай, пожалуйста, секундантам князя, что я согласен! Магия, сто метров, без артефактов.

— Согласен, — повторил Ингвар для своих женщин, которые было встрепонулись при его словах о согласии, и этим заставил их оставить все возможные возражения и комментарии при себе. Время споров миновало. И сейчас, Бармину было уже не до их нервов. Он должен был сосредоточиться на предстоящем судебном поединке.

Получалось, что генерал-адмирал Юль знает о том, что его противник стихийный маг, как и о том, впрочем, что стихийные маги не могут видеть колдовство тех, кто оперирует классическими техниками. Таким образом, запретом на использование артефактов князь пытается уравнивать свои шансы, ведь верно и обратное: он тоже не может видеть магию Менгдена. А вот выбор дистанции — это как раз попытка обойти конкурента по кривой. Ингвар знал, — читал в тех немногочисленных источниках, которые были посвящены сравнению двух типов Силы, — что стихийная магия отчего-то считается «медленной». Возможно, какие-то другие колдуны действительно не могли действовать так же быстро, как классические маги, и для них, и в самом деле, существенным был фактор расстояния. Однако Бармин, уже несколько месяцев едва ли не ежедневно упражнявшийся в боевой магии вместе со своими женщинами, считал, что все обстоит как раз наоборот. Во всяком случае, он явно был быстрее Марии, а ее сила, судя по всему, была сопоставима с силой датчанина. То же самое он мог сказать и об эффективных дистанциях.

Недавняя война с Союзной ратью показала, что Ингвар легко достает цели, находящиеся даже в километре-полтора от него. Однако его военные подвиги никак и нигде не афишировались, и генерал-адмирал мог об этом не знать. И уж точно, что ему был неизвестен один из главных секретов Ингвара Менгдена: с некоторых пор Бармин научился видеть классическую магию. Не так отчетливо, как те, для кого она являлась родной, но все-таки видел. Возможно, это был результат частого использования артефактов. А может быть, все дело в том, что он очень плотно взаимодействовал со своими женщинами: в быту, в бою и в постели. Бармин не знал, как это возможно, но он ясно себе представлял, что надо делать, чтобы увидеть чужое кастование. Так что сейчас он выходил на бой отнюдь не с пустыми руками.

Щит, который поставил перед собой генерал-адмирал Юль, выглядел, как полупрозрачная туманная завеса, голубоватая с искрой кисейная штора или еще что-нибудь в том же роде. Во всяком случае, так эту защиту «видел» Бармин. Впрочем, чуть-чуть напрягшись он сумел «заглянуть» за эту нематериальную преграду, одновременно рассмотрев ее в деталях. На самом деле, полотно щита не было сплошным, а состояло из неопределенной формы, но очевидно более плотных и темных сгустков силы, на которые, собственно, и была натянута ткань колдовства. Распределив внимание, что с некоторых пор получалось у Ингвара все лучше и лучше, он скорее угадал, чем увидел, что «центры напряжения» — так он назвал для себя эти сгустки силы, — соединены между собой в некое подобие сети, а, заглянув на «ту сторону» уловил начало какого-то сложного кастования. Что это такое, он, разумеется, не знал, — он «видел» всего лишь какие-то едва ли не прозрачные вихревые потоки неясной конфигурации, — но, учитывая обстоятельства, несложно было предположить, что это какое-то атакующее заклятие, тем более, что даже с расстояния в сто метров Бармин разглядел микродвижения лицевых мышц своего визави. Генерал-адмирал явно «озвучивал» неизвестную Бармину формулу волшбы. Что-то ненормально длинное и, наверняка, настолько сложное, что датчанин вынужден был при этом проговаривать про

себя слова заклятия.

«Неосторожно, но с другой стороны...»

С другой стороны, мало кто еще был способен рассмотреть с такого расстояния микродвижения в мышцах речевого аппарата. К тому же следовало учитывать скорость обработки информации. Она у Ингвара была выше, чем у всех магов, с которыми он был знаком, так что, скорее всего, с точки зрения Юля аф Верринге Бармин стоял перед ним тютя тютей, не видя его колдовства и не подозревая о подготовке к атаке. Впрочем, как опытный человек, он должен был предположить, что с Ингваром Менгденом все обстоит точно так же, как и с ним. Если граф Менгден не видит приготовлений князя, то и сам, скорее всего, не показывает генералу-адмиралу ни того, к чему готовится, ни того, когда начнется его собственная атака. Однако, о чем бы датчанин ни думал, на самом деле, Бармин был уже готов к бою и ударил огненным копьем за мгновение до того, как генерал-адмирал обрушил на него воздушный таран невероятной силы. Впрочем, все впустую: Ингвар пробить выставленный датчанином щит даже не надеялся, — всего лишь попробовал чужую «броню» на зуб, — а удар Юля аф Верринге вообще ушел в молоко, потому что Бармин не стал его дожидаться, а просто ушел с дороги, «прыгнув» на три метра вправо и немного назад. И уже оттуда, с новой позиции ударил по-настоящему, но не на грубый пробой щита, а по предполагаемым «нитям плетения». Посыл получился знатный, похожий на огненную плетку семихвостку, стегнувшую по невесомому полотну завесы. Впрочем, с первого раза распустить щит датчанина не удалось, но Бармин узнал главное — его предположение оказалось верным. Удар семихвостки разорвал по-видимому несколько нитей, связывающих «центры напряжения», однако открывшиеся на мгновение прорехи тут же затянуло, чего, собственно, и следовало ожидать.

«А вот, если бы дырок было больше...» — Это предположение, отнюдь не казалось высосанным из пальца. Принцип кумуляции действовал в мире магии ничуть не хуже, чем в прежнем мире Игоря Викентиевича.

Вполне логичное, следует отметить, предположение, которое можно было сразу же принять в качестве рабочей гипотезы. Ну, Бармин его и принял, так что за следующие пятьдесят три секунды он опробовал на щите генерала-адмирала несколько разных приемов, выбирая из них наиболее действенный. Дело это оказалось совсем непростым, чрезвычайно энергозатратным и, что немаловажно, довольно-таки болезненным, потому как болевой эффект при использовании серьезной магии имеет тенденцию накапливаться. Так что вскоре Бармину стало непросто выдерживать это самоистязание, но он, разумеется, терпел. И все это под неприятельским огнем, непрерывно прыгая *то туда, то сюда*, ни на мгновение не останавливаясь, чтобы перевести дух или просто постонать от очередной волны боли. То еще развлечение, если честно, но оно того стоило, и это главное. Князь Юль аф Верринге пробить защиту Бармина так и не смог, да и попал в него всего лишь один раз. А завершающий штрих в этом поединке был поставлен ветвистой молнией — состоявшей из одиннадцати полновесных высокоэнергетических разрядов, — и добивающим ударом все тем же любезным сердцу Ингвара огненным копьем в момент, когда щит датчанина лопнул, а новый выставить генерал-адмирал попросту не успел. Так умер князь Аксель Юль аф Верринге. Он даже последнего прости-прощай выстонать не успел. Мгновенная смерть, чтоб ему, сукину сыну, ни дна, ни крыши, ни доброго посмертия!

«Хвала тебе, Тор защитник! — воскликнул мысленно Бармин, расслабляясь и утирая с лица липкий пот. — Ну, и тебе конечно же, Всеотец! Слава всем! Я победил!»

- [1] Турку. Шведское название города Åbo. До 1917 года в русском языке употреблялся латинизированный вариант наименования города как Або.
- [2] *Extremis malis extrema remedia* (лат.) — Отчаянные времена требуют отчаянных мер.
- [3] Аграф — застёжка в виде броши для причёсок или платья.
- [4] Кафф — украшение для ушей, которое позволяет украсить не только мочку, но и другие части уха, а также висок, шею и волосы. Примечательной чертой каффов служит то, что многие модели не требуют проколов.
- [5] Фероньерка — женское украшение в виде обруча, ленты или цепочки с драгоценным камнем, жемчужиной или розеткой из камней, надеваемое на голову и спускающееся на лоб. Фероньерки известны с эпохи Возрождения.
- [6] В отличие от классических сапфиров синего цвета и даже изумрудов зеленые сапфиры встречаются в тысячи раз реже.
- [7] Коллар (англ. collar — ошейник) — это мужское кольцо, символизирующее власть. Чаще всего коллары можно увидеть у мэров городов, судей конституционного суда и у глав семей с фамильными гербами.
- [8] Вератюр — «повелитель людей» — одно из имен Одина.
- [9] Золотисто-коричневый мех викуны (животного, принадлежащего к роду лам) считается самым дорогим мехом в мире.
- [10] Годжагарр (древнескандинавское) — бог-защитник, одно из имен бога Одина.

Глава 2 (1)

1. Тридцатое ноября 1983 года

Разбор полетов состоялся поздно ночью, то есть, уже после свадебной церемонии и устроенного по этому случаю бала, плавно перешедшего затем в застолье. Сама церемония поражала своей изысканной эклектичностью. Но отдельные моменты произвели особенно сильное впечатление не только на гостей шведской короны, но и на самого виновника торжества. Бармина впечатлило, например, традиционно скандинавское красное платье невесты. На самом деле, это был шедевр известного франкского кутюрье, оказавшегося по случаю добрым другом герцогини Сконе. Нечто невероятно изысканное, плотно облегающее идеальное тело невесты и потому не предполагающее присутствия нижнего белья, длинное — до щиколоток, но оставляющее при этом открытыми плечи и верхнюю треть груди, и, как дань языческой традиции, окрашенное в семь разных оттенков красного: от гранатового по нижнему краю подола до бледно-розового, переходящего в белый цвет на лифе, лишь отчасти прикрывающем выдающуюся грудь кронпринцессы.

Еще запомнились гимны, которые распевали обладающие практически оперными голосами сейдманы — младшие служители храма, и, наконец, наставление, переходящее в благословение — произнесенное диаконом басом Первого из тулов[1] — Великого жреца главного храма Гетеборга. Ну, и все остальное в том же духе. Одним словом, это была роскошная языческая свадьба в современном ее шведском прочтении.

Было много музыки, не по-зимнему ярких оранжевых цветов и воздушных шариков в цветах флага королевства Швеция и древней хоругви хёдвингов[2] клана Менгден, обмен обручальными кольцами на христианский манер, — но не на правую руку, как у православных, а на левую, как у католиков и протестантов, — первый вальс новобрачных, исполненный под аккомпанемент большого симфонического оркестра Королевской оперы, разговоры между танцами и сухое, — суше не бывает, — шампанское брют-кюве, которое Бармин на дух не переносил, но воленс-ноленс вынужден был пить, ибо ноблес оближ и вся прочая хрень в том же духе. Так что пил, как миленький, сухое оно или даже очень сухое, улыбался всем и каждому, хотя и ловил временами на себе любимом «странные» взгляды, иногда полные восхищения, а иногда, напротив, таившие в себе, если уж не страх и ненависть, то уж точно недоумение и откровенную опаску. Суть и тех, и других сводилась к восторженному *«ты монстр, Инг, ты наше собственное идолице поганое[3], любимый!»*. Эти слова шепнула ему на ухо, — а, на самом деле, жарко прошептала на одном выдохе, — княгиня Полоцкая, неожиданно влюбившаяся в него после поединка с князем Юлем аф Верринге еще больше, чем прежде, хотя куда, казалось бы, больше? Впрочем, мог бы заранее догадаться, поскольку знал, что Мария ценит подобного рода вещи и знает в них толк, вот и прониклась. С ней Ингвар тоже танцевал. С ней, с Ольгой и Варварой и, разумеется, с королевой Хедвиг и кронпринцессой Сесилией Магдалиной старшей дочерью Карла Августа от первого брака.

Потом было «скромное» застолье на семь перемен, не считая десертов, но Ингвар ел мало, вернее, не передал, предпочитая не испытывать в такой день сытой тяжести в желудке. Пил тоже умеренно, — пьянеть решительно не хотелось, — но зато всю расточал улыбки и комплементы. Не то, чтобы был так уж счастлив, — все-таки, как ни крути, это

был брак по расчету, а не по любви, — но в этом вопросе он шел, так сказать, навстречу ожиданиям Общества, которое желало видеть новобрачных счастливыми, совершенно не задумываясь о том, что они в действительности чувствуют по поводу этой свадьбы.

Бармин же был далек от чувства эйфории. Во-первых, потому что знал, зачем он женится и зачем Ульрика выходит за него замуж. А во-вторых, он смертельно устал, причем усталость его была не столько физической, — хотя и это тоже, — сколько душевной. Слишком много событий, требовавших напряжения всех его душевных сил, за слишком короткое время. Просто спринт какой-то, начавшийся войной в графстве Менгден и закончившийся пышной свадьбой в шведском Гетеборге. Впрочем, выложился он физически тоже не по-детски. Все-таки, даже не считая войну и колдовскую кому, это был первый в его жизни магический поединок один на один и сразу с сильным и опытным, а значит и крайне опасным противником. И сейчас, ближе к ночи, Бармин вполне ощущал последствия мощного отката, случившегося с магами при использовании сильного колдовства. И, словно, всего этого было мало, сейчас, во время застолья, он начал явственно осознавать все несовершенство своей новой/старой натуры. Все-таки физиология, порой, действительно рулит психологией. Горячность юности не только уживалась в Бармине с опасливой осторожностью старости, временами она заставляла его совершать вполне безумные поступки. И нынешний судебный поединок был как раз из числа подобных безумств.

Казалось бы, вызов был сделан не сгоряча. Это был вполне обдуманый поступок, проистекающий из сложных обстоятельств борьбы Ингвара Менгдена за выживание. Но возникал вопрос: а стоила ли игра свеч? Нужно ли было самому Бармину ввязываться в это рискованное предприятие? Ведь он не знал заранее, насколько, на самом деле, силен генерал-адмирал Юль. То есть, и ежу понятно, что противник был сильнее официально заявленного восемнадцатого ранга. Другое дело, что на поверку датчанин мог оказаться куда сильнее, чем предполагал Бармин, и тогда поединок закончился бы отнюдь не в его пользу. И сейчас вместо свадебного пира все эти люди, — по крайней мере, какая-то их часть, — справляли бы тризну по безвременно усопшему князю Острожскому.

Мысли эти не улучшали настроения, но приличия обязывали оставаться радостным, и Бармин не забывал улыбаться, говорил комплименты женщинам, шутил с мужчинами и смеялся над шутками тех и других, но думал совсем о другом. О том, например, что убрать Юля можно было тихо, не привлекая к себе внимания, не напрягаясь и практически не рискуя, если бы он решился попросить об этой «маленькой» услуге княгиню Полоцкую. Наверняка во время банкета генерал-адмирал выпил бы или съел что-нибудь такое, что Мария смогла бы превратить во что-нибудь другое: в какой-нибудь органический яд, например, появление которого в крови датчанина было бы невозможно связать с враждебными действиями графа Менгдена.

Вообще, как Ингвар выяснил сразу после того памятного случая с превращением глюкозы в алкоголь, Мария этой своей способностью владела не так, чтобы очень хорошо. О ее секрете знали только два человека, мать и кормилица, — даже князя Северского не поставили в известность, — и, соответственно ей было крайне сложно экспериментировать со своим страшным даром, не говоря уже о том, чтобы его развивать и совершенствовать. Но Бармина такое положение дел не устраивало, и он его решительно изменил. Условившись, что факт наличия у Марии такого необычного таланта по-прежнему остается секретом высшего приоритета, он занимался с княгиней Полоцкой сам. Все-таки у Бармина была пусть и давно похеренная в прошлом общемедицинская подготовка. Так что, освежив свои

знания, по общей физиологии, химии крови и органическим ядам, Игорь Викентиевич применил к вопросу по-настоящему научный подход. Первые эксперименты, как и положено, проводились на кроликах и свиньях, а в планах на будущее были записаны, соответственно, обезьяны и люди, — на первых порах, разумеется, одни лишь злодеи, которых и в любом случае должны были повесить за их преступления. Однако война с Союзной ратью спутала все так хорошо выстроенные планы, и до шимпанзе и горилл с макаками они добраться не успели. Впрочем, даже на кроликах и свиньях Мария продвинулась довольно далеко вперед. Во всяком случае, научилась устраивать хрюшкам приступы эйфории, усыплять и травить несколькими разными способами. В исследованиях, к слову сказать, участвовал опытный лаборант, делавший анализы крови подопытным животным, но он ничего об истинной природе экспериментов не знал, полагая, что образцы крови поступают к нему для перекрестной проверки из какой-то фармакологической лаборатории. Так что, да, можно было бы попробовать травануть датчанина на раз, — и Мария, что характерно, была бы только рада опробовать свой талант на человеке, *которого не жалко*, — но Ингвар ничего подобного не сделал, рискнув, вместо этого, своей дубовой головой.

Этими мыслями Бармин себя и вымучивал, сидя, как «засватанный» за пиршественным столом. И сидение это, следует сказать, продолжалось довольно долго, но, слава богам, новобрачные не обязаны пировать со своими гостями до победного конца. Поэтому, как только позволили приличия, молодые, — по крайней мере, Бармин был таковым не только по определению, но и по возрасту, — встали наконец из-за стола, поклонились родне и прочим гостям, а на свадебных торжествах присутствовали практически все, кто третьего дня участвовал в коронации Карла Августа IX Ваза, и удалились в свои покои, благо пир проходил во дворце Дроттнингхольм, и идти им было недалеко и недолго. Вот здесь, в личных апартаментах кронпринцессы между Ингваром и Ульрикой Катериной и состоялся серьезный разговор.

— Я веду себя, как примерная жена, не правда ли? — начала Ульрика, когда они остались наедине. — Я обещала не вмешиваться в твои дела, не комментировать решения, не давать непрошенные советы, тем более, при посторонних, и слово свое сдержала.

— А сейчас *у мамочки* кончилось терпение, и она решила пожурить неопытного мальчика... — усмехнулся Бармин, спокойно глядя на стоящую перед ним женщину. Высокую и красивую, холодно, очень по-скандинавски, выговаривающую «*напроказившему мальчишке*».

Он был не в претензии. В конце концов, она действительно держала себя в руках и вчера, и сегодня, продемонстрировав отменную выдержку, стальные нервы, и все прочие достоинства настоящей жены викинга. Однако, оставшись, наконец, наедине с молодой женой, тем более, что она давно уже не юная неопытная девица, Ингвар ожидал несколько иных слов и телодвижений. В особенности, имея в виду открытую дверь в спальню, где молодоженов ожидала огромная, как футбольное поле, кровать. Однако, начав этот разговор, Ульрика Катерина разом отменила все благие намерения Бармина и его же ожидания.

«Умеют же некоторые женщины отбить всякое желание их иметь, — не без грусти заметил Бармин, возвращаясь из мира грез в реальный мир. — Но, может быть, именно такова ее цель?»

В этом смысле, у Бармина имелся определенный опыт, поскольку способностью ломать кайф отличалась, например, еще в той, прошлой жизни его собственная первая и в то время

единственная жена. Случалось это, впрочем, нечасто, но иногда, вместо того, чтобы сначала «слиться с мужем в экстазе», а уж затем обсуждать с ним какой-нибудь животрепещущий хозяйственный вопрос, супруга Бармина начинала именно с «серьезного разговора». Приходит, значит, она в спальню в короткой полупрозрачной ночнушке, надетой, по-видимому, лишь за тем, чтобы потом было, что снимать. Ложится рядом, но при этом сразу же пресекает любые поползновения Бармина исполнить свой супружеский долг и начинает трендеть «о главном». Трахаться с ней после этого Игорю Викентиевичу обычно не хотелось, но, судя по всему, она тоже не имела ни охоты, ни намерения «удовлетворять его мужские потребности». Во всяком случае, иногда, и особенно тогда, когда у нее случался острый приступ синдрома «головной боли». Зато, когда хотелось ей самой, тогда благоверной все было по барабану, даже если Бармину, и в самом деле, требовалось спросить ее о чем-нибудь, по-настоящему не терпящем отлагательства, например, о том, не будет ли она против уехать из СССР, скажем, в Америку. Вот и Ульрика Катерина не захотела, наверное, заниматься с Ингваром сексом, раз не нашла лучшего места и времени, — кроме спальни новобрачных в начале их первой официальной ночи вместе, — чтобы поговорить с Ингваром по душам. Потому, собственно, Бармин, всплыв, ей и сказал:

— *А сейчас у мамочки кончилось терпение, и она решила пожурить неопытного мальчика...*

— Если думал меня этим смутить, у тебя это не получилось, — довольно спокойно откликнулась Ульрика. Она еще не поняла, что допустила серьезную тактическую ошибку, способную, если не принять срочных мер, перерасти в стратегический провал.

— Нарушаешь соглашение, — «официальным» тоном сообщил ей Бармин.

— Ни в коем случае! — возразила новоиспеченная княгиня Острожская. — Имеют место типичные форс-мажорные обстоятельства. Ты рисковал жизнью, поставив на карту, твое и мое будущее. Шанс, что Юль тебя убьет, был достаточно велик. Выходя на судебный поединок, ты, как я понимаю, не знал истинной силы своего противника и не мог сравнивать ваши потенциалы. Я не собираюсь читать тебе нотации и учить жизни...

— Но, тем не менее, именно этим ты сейчас занимаешься, — прервал ее на полуслове Бармин. Он еще не был зол, но несомненно испытывал уже определенное раздражение от этого незапланированного на ночь глядя разговора.

— Нет, — попыталась Ульрика оправдаться, — сейчас, Ингвар, я выражаю свое негодование. Считаю, что бьюсь в истерике, бью посуду и ору на тебя во всю силу своих легких, как поступила бы на моем месте любая другая женщина.

— Тебя могли убить, — добавила через мгновение, — и я осталась бы одна... недовдовой перед самой свадьбой.

— Какая часть этого предположения огорчает тебя больше, — спросил тогда Ингвар, — первая или вторая? Полагаю, все-таки вторая. Поэтому предлагаю закончить разговор на оптимистической ноте: я жив и все еще могу подарить тебе правильного наследника шведской короны.

Возможно, он был излишне резок, но факты — упрямая вещь. Вся идея этого более чем странного союза тридцатилетней женщины и девятнадцатилетнего юноши зиждилась на предположении, что, имея сходный характер колдовского Дара и происходя из древних фамилий шведских Стенкилей и великорусских Менгденов, получивших благословение[4] соответственно от богинь Вар и Марены, они могут произвести на свет ребенка, который получит доступ к Источнику в замке Роннебю слот[5]. Но родить ребенка герцогиня Сконе

должна была обязательно в законном браке, потому что этому мальчику или девочке предстояло стать через усыновление наследником Шведского престола. При этом других кандидатов в отцы наследного принца, — или принцессы, — на данный момент попросту не существовало. Ингвар был единственным, кто мог разрешить династическую проблему Швеции, которой был необходим или, во всяком случае, крайне желателен король-колдун, имеющий доступ к «Горячему камню» Источника.

— Твоя жизнь, Ингвар, мне не безразлична, — покачала головой Ульрика. — Но я понимаю, что ты никогда в это не поверишь. Переубедить тебя будет сложно, и, если даже получится, то далеко не сразу. Извини, я так расстроилась из-за этого гребаного поединка, что забыла о том, что твое доверие надо еще заслужить, а это отнюдь не быстрая история и нелегкая задача. Я перепрыгнула через две или три ступени, и, как результат, в очередной раз, нарушила данное тебе слово. Извини, я постараюсь не забывать, что мы действуем в рамках соглашения, условия которого я приняла добровольно.

— Ладно, тогда, — кивнул Бармин, разозлившийся отчего-то еще больше, чем прежде.

— Договорились, — добавил, направляясь в гардеробную, чтобы взять пальто и шляпу. — Я прогуляюсь немного. Может быть, зайду в какой-нибудь местный бар. Так что не жди меня, пожалуйста, и ложись спать.

— Ты собираешься уйти из дома в первую брачную ночь? — опешила новоиспеченная супруга.

— Ну, коли ты не нашла ничего лучше, чем читать мне перед сном нотации, — пожал плечами Ингвар, — отчего бы мне не выйти погулять?

— Но я же извинилась!

— Так я тоже извиняюсь, — бросил Бармин через плечо. — Извини!

— Когда тебя увидят выходящим из дворца...

— Не беспокойся, — успокоил он Ульрику, снимая пальто с вешалки-плечиков, — не увидят. Я сразу перейду в центр города. Мне лишние разговоры тоже не нужны.

— Отсюда невозможно открыть портал...

— Уверена, что я не смогу прыгнуть? — спросил Бармин из гардеробной.

— Не уверена, — упавшим голосом сообщила женщина. По-видимому, с ней случилось именно то, о чем в свое время предупреждал ее Бармин. Она забыла, кто в доме хозяин, а сейчас вспомнила и не знала теперь, что с этим делать.

— Ингвар! — она подошла к двери в гардеробную и решительно встала перед ним на колени. — Извини! Извини, что испортила нам первую брачную ночь. Я компенсирую! Только не уходи!

— Я с тобой сегодня все равно спать не буду, — твердо ответил Ингвар. — Поэтому лучше мне действительно пойти погулять. А то ведь окончательно разругаемся!

— Представляешь, что будет, если тебя кто-нибудь узнает? — спросила, не поднимаясь с колен, Ульрика.

— Об этом я не подумал, — поморщился Бармин. — Твоя правда, Рикке. Тогда, пойду посмотрю телевизор.

— Не надо, пожалуйста! — попросила женщина, отслеживая Бармина поворотом головы. — Поговори со мной!

— О чем? О моем плохом поведении?

— Я извинилась!

— Спасибо, — кивнул Бармин. — Мне сразу стало значительно легче.

— Я серьезно! — Похоже, Ульрика разом утратила все свое хладнокровие. Судя по всему, она была уже не рада, что влезла со своим неуместным здесь и сейчас «Фе». Но сделанного не воротишь, и время не повернуть вспять. В тот момент она считала, что поступает правильно и в рамках существующего соглашения, но ошиблась, и сама теперь это понимала. Не знала только, что теперь с этим пониманием делать.

— Я тоже серьезен, — Бармин остановился недалеко от стоящей на коленях женщины и покачал головой. — Это не дело, Рикке. Встань с колен, смотреть противно. Да и ты мне этого потом никогда не забудешь.

— Забуду!

— Не ври самой себе! — остановил ее Бармин и протянул руку. — Вставай! Пойдем в гостиную. Хочешь говорить, поговорим.

Он знал, что это пустое занятие, но ругаться не хотелось. Если кого и винить в том, что произошло и еще не раз будет происходить в будущем, то только себя самого. Надо было сразу послать куда подальше приبلудного дядюшку графа Виктора фон Валлен. Но повелся на посулы и подставился, как ребенок. Напредумывал себе всякого разного, да еще Марена влезла со своими советами. А принцесса, что ж... У нее свой интерес, и она та еще интриганка! Она, и в самом деле, обвела его вокруг пальца, как мальчишку, и еще ее братец король, разыгравший всю пьесу по заранее написанным нотам. Но теперь поздно стенать: дело сделано, он женился и надо срочно решать, что делать дальше. Он же мало, что женился на этой женщине, но и обещал взять ее с собой в Усть-Углу. То есть, придется теперь терпеть ее рядом с собой еще и там.

«Придется договариваться, — тяжело вздохнув, решил Бармин. — Надо, потому что... Потому что просто некуда деваться!»

Между тем, Ульрика все-таки поднялась с колен и пошла вслед за Барминым в гостиную. Села в кресло, повинувшись его жесту и уставилась на него своими потемневшими в ночи зелеными глазами.

— Хотела говорить, говори! — Бармин подошел к бару, осмотрел бутылки, взял одну, прочел надпись на этикетке. Оказалось, кальвадос из Пэй д'Ож. Ни название напитка, — Boulard, — ни название местности ничего Ингвару не говорили. Не знал их и Бармин. Он в своей прошлой жизни, вообще, пил кальвадос считанные разы.

«Сорок градусов... Как водка... Пусть будет кальвадос. Водка — это слишком ожидаемо».

— Тебе что-нибудь налить? — спросил, не оборачиваясь.

— Того же, что и себе.

— Я буду пить кальвадос, он крепкий, если что.

— Я справлюсь.

Ну, еще бы не справилась! Как никак, офицер ВМФ Швеции. Пила небось водку, как же без этого на севере Европы?

— Ладно, тогда. — Бармин открыл бутылку, налил, — себе побольше, Ульрике — поменьше, — и вернулся к жене.

«Жена... Такое дело».

— Слушаю тебя! — протянул ей бокал.

— Извини!

— Ты это уже говорила, — напомнил Бармин, садясь в кресло, стоявшее напротив кресла Ульрики. Посмотрел на нее, закрыл глаза, подышал носом и снова посмотрел.

Красивая женщина, и явно раскаивается, но ему-то что с этим делать? Так и будет раз за разом делать глупости и выводить его из себя, а потом каяться и просить прощения? Но, с другой стороны, они даже развестись не могут, и разъехаться в разные стороны пока не получится. Война на носу, враги под каждым кустом, да еще и брачный контракт, предусматривающий исполнение супружеского долга, «как минимум, до рождения общего ребенка».

«Помириться что ли?»

Возможно, он зря завелся. Не надо было, наверное, начинать этот конфликт. Но, если честно, Бармин дико устал. Он ведь еще после своей полноформатной войны не полностью восстановился, а тут Западная пятина, которую нежданно-негаданно отдал ему сильно не любивший Менгдена великорусский император, коронация Карла Августа, судебный поединок и, наконец, свадьба. Накопилось, да и обиделся он на Ульрику, хотя, боги видят, обида была насквозь детская. Шел в покои кронпринцессы, надеясь спустить пар. А ему не обломилось, вот и «рвануло». А дальше-то что? Это же очевидно, что ей уже не измениться, но и ему тоже меняться не с руки.

— Я же не сделала ничего по-настоящему плохого! — заговорила наконец женщина. — Ну, расстроилась... Испугалась... Но я же не при посторонних. Хотела... Да, не знаю я, чего хотела. Ты прав, на самом деле. Просто шизофрения какая-то. Умом понимаю, что ты не просто так претендуешь на главенство в семье, но потом...

«Ну-ка, ну-ка! А подробнее?» — Бармин выпил все, что было у него в бокале одним глотком, перехватил удивленный взгляд кронпринцессы, пожал плечами и пошел за новой порцией.

— Извини, если перебил, — сказал он, не оборачиваясь. — Я тебя внимательно слушаю.

— Если честно... Ты... Да, неважно уже! — бросила коротко ему в спину. — Ты Дарену простил, а меня из-за ерунды мучаешь!

— Дарена — ребенок, — объяснил Бармин, наливая себе кальвадос. — Плохо воспитанный, избалованный ребенок. Да и не умная она. Не дура конечно, но и не семи пядей во лбу. Но простил я ее не поэтому. — Он закурил и повернулся к Ульрике. — Она на войне себя хорошо показала. Прибыла оперативно, распорядилась толково, ходила в атаку. А после окончания военных действий, когда я в коме лежал, помогала рулить хозяйством. Одним словом, реабилитировала себя. Не мог я ее не простить.

— Я не могла прийти на помощь, — устало выдохнула кронпринцесса. — Карл Август запретил. Швеция не может вмешиваться во внутренние дела империи.

— Я знаю, — кивнул Бармин. — Никаких претензий.

— И потом тоже не могла прилететь...

— И снова, без претензий, — подвел черту Ингвар. — Я тебе про Дарену рассказал не в укор, а для того, чтобы объяснить, почему простил. К тебе претензия только одна: твой взгляд на меня.

— Я извинилась!

— Ты не понимаешь, — покачал он головой. — Есть вещи, которые делать нельзя. Никогда, ни при каких обстоятельствах.

— Что, например?

— Нельзя смотреть на меня, как на ребенка. Только снизу-вверх или глаза в глаза, но никогда сверху-вниз. В конце концов, я только-что выиграл войну! И прибил в поединке одного из сильнейших магов Дании. А ты, взрослая тетенька и капитан-лейтенант флота

смогла бы?

— Боюсь, что нет, — честно признала Ульрика. — Не потянула бы. Ни одного, ни другого.

— То есть, все, что ты можешь мне предъявить, это твой возраст, который в случае женитьбы отнюдь не достоинство.

— Ну, да... — уныло кивнула женщина. — Старуха, а туда же... И даже дать мужу вовремя не смогла...

— А знаешь, что, — решил Бармин не шадить ее самолюбие, — так все и обстоит, на самом деле, если без экивоков и эвфемизмов. Не юная девица и к тому же испортила первую брачную ночь.

— Не удивляйся, — продолжил через секунду, глядя на ошарашенную его заявлением женщину. — Лучше посмотри на мои дела так, как вижу их я. Мария девушка молодая, но сильный маг. Отважна, свирепа в бою и соображает быстро. Я был с нею в деле. В нескольких эпизодах, в одном из которых, вернее, в двух она спасла мою задницу. Елена и Ольга старше. Возможно, чуть мудрее, образованнее, серьезней. С ними в бою я тоже был. Я с ними, они со мной. Варвара, вообще, и старше, и умнее всех остальных. И сражается, когда надо, отважно. Неплохо бьется, хотя по характеру Дара, вообще, целительница. И ни с одной из них я не чувствую себя младшим, а ты это буквально проецируешь, даже когда этого не осознаешь. Не хочешь, но по факту делаешь. И, если кто в этом деле дурак, так это я, потому что заранее знал, что так все и будет. Знал и все-таки согласился жениться. Ты же помнишь наш разговор в Ниене?

— Помню, — признала Ульрика с едва ли не горестным вздохом. — Ты оказался прав, а мои обещания, получается, пустой звук.

— Я не могу заставить тебя силой быть такой, как я хочу, — продолжил Бармин. — Все зависит от тебя. О любви речь не идет. Мы чужие люди, с очень разным взглядом на мир, не говоря уже о личном опыте. Но я готов идти тебе навстречу, и, между прочим, делаю это раз за разом, а когда ты наконец сделаешь что-нибудь для меня?

— Я же спала с тобой тогда в твоём замке!

— Я должен сказать тебе за это спасибо?

— Нет, но...

— Прежде всего, это было твоё желание, Рикке. Твоё, а не моё. Я тебя в постель силком не тащил. Инициатива была полностью твоей. И в гости, к слову, я тебя не звал. Сама напросилась. Вернее, упала, как снег на голову. А сегодня ты даже не позволила мне как-то начать с тобой нормальные отношения. Все, чего ты хотела, это высказать мне своё «фэ». Мое желание обладать тобой в расчет не принималось. И это после тяжелого боя и в день свадьбы. А сегодня, между прочим, всё могло быть иначе. Я тебя честно хотел.

— Я не...

— Ты просто не хотела, — пожал он плечами. — Хотела бы, сначала дала, а потом бы стала выяснять отношения.

— Что ты! — вскинулась Ульрика. — Если хочешь...

— Уже не хочу, — оборвал её Бармин. — Если ещё раз такое сделаешь, пеняй на себя. Лучше скажи прямо: нет настроения, не хочется. Но так, как сегодня, больше не будет. Хочешь жить со мной по-человечески, учишься думать, что делаешь и когда делаешь. Я больше внушений тебе делать не буду. Просто ты будешь жить в одном месте, а я в другом. Ребенка я, раз обещал, тебе сделаю, но дальше живи сама, как знаешь. Впрочем, это, возможно,

именно то, чего ты на самом деле хотела с самого начала. Это так?

— Нет, конечно! — возмутилась кронпринцесса. Однако, иди знай, насколько искренним было ее возмущение, и что именно ее возмутило, если все-таки его слова не оставили ее равнодушной: подозрение, что этот брак интересовал ее только с технической стороны, — рождение законного ребенка, — или то, что Бармин ее разоблачил.

— Тогда тебе придется мне это доказать, — сказал он твердо.

— Я...

— Не торопись обещать, — прервал ее Ингвар. — У тебя осталась всего одна попытка, и другого шанса не будет. А теперь, извини, я в душ и спать.

И он сделал ровно то, что сказал. Принял душ и лег спать. Нервы он успокоил еще раньше, а в ванной добавил еще грамм триста крепкого алкоголя и, в результате, совершенно успокоился. А без секса он мог вполне обойтись. Спать с женщинами приятно, спору нет. И аппетит у него такой, что на троих рос, а достался одному. Но это не значит, что у него нет воли. Есть и еще какая! Не мальчишка, чай, не прыщавый гимназист. Вполне может обойтись без женщины, и не только сегодня.

«Но наложницу, наверное, придется все-таки завести... — решил засыпая. — Сейчас бы трахнул, и никто не был бы в обиде... Протокол не нарушен, все в пределах установленных правил, и пар мог бы спустить...»

[1] Тул — наименованию жреца-прорицателя («священного оратора», «поэта»).

[2] Хёвдинг — племенной вождь у германских и скандинавских народов. Хёвдинг и конунг — предводитель военной дружины, военный вождь — изначально совершенно разные титулы, которые носили разные люди. Хевдинг исполнял свои функции постоянно, конунга же выбирали изначально только на время войны или для иной важной миссии. Видимо, лишь во время Великого переселения народов «должность» конунга стала постоянной, а затем из неё развился институт королевской власти. Менгдены тоже стали конунгами, а затем и графами Божьей Милостью отнюдь не сразу.

[3] Поганое Идолище — мифологизированный противник русских православных богатырей, представитель тёмной враждебной силы, «нехристи», «татарщины». В данном случае, язычник.

[4] В данном случае имеется в виду, что оба рода берут свое начало от богинь. Богиня Вар родила дочь от Инге Старшего — прадеда Магнуса Хенриксена, от которого пошел род Стенкилей, к которому принадлежит эрцгерцогиня Ульрика Катерина. В свою очередь богиня Марена родила сына от Бера Менгдена по прозвищу Тяжелая рука. Ретвин (Менгден) по прозвищу Копье Богини (XIII век) стал родоначальником нынешней семьи Менгденов.

Вар — асинья (одна из асов), в германо-скандинавской мифологии богиня истины.

Марена — в западно- и в меньшей степени восточнославянской традиции женский мифологический персонаж, связанный с сезонными обрядами умирания и воскресения природы. Славянская Марена иногда отождествляется с Гекатой — древнегреческой богиней лунного света, преисподней, всего таинственного, магии и колдовства.

[5] Слот — замок, крепость, Роннебю слот — замок близ города Роннебю.

Глава 2 (2)

2. Третье — шестое декабря 1983 года

Празднества в Гетеборге продолжались еще долгих пять дней, и Бармин все это время вел себя в высшей степени безукоризненно. Ему было скучно и неинтересно, — за исключением одного весьма любопытного эпизода, — но Ингвар улыбался и демонстрировал великолепное настроение, а временами даже род довольства и некое, ничем не омраченное благодущие, которое, по общему мнению, присуще счастливым молодоженам. Впрочем, ни Марию, ни Варвару с Ольгой он обмануть этим не смог. Все трое все поняли, — а что не поняли, о том догадались, — но, учитывая место, время и обстоятельства, деликатно промолчали. Во всяком случае, ему они ничего не сказали, но кронпринцессе, улучив момент, по голове, похоже, все-таки настучали. Испортили новоиспеченной княгине Острожской настроение так, что даже Бармин, не особо приглядывавшийся к своей «немолодой» супруге, что-то такое в ее поведении заметил. Однако и сам ни о чем спрашивать не стал ни ее, ни своих верных боевых подруг. Захотят — сами расскажут, а не захотят — так тому и быть.

В общем, он вел себя так, как должно, но с Ульрикой принципиально не спал. Крепко на нее обиделся и считал себя в своем праве. Она, правда, пару раз пробовала начать, — тем более, что физически они находились по ночам в одной спальне и в одной постели, — но Бармин был непреклонен и на провокации не поддавался. Терпел, хотя, видят боги, секса хотелось так, что, как говорилось в старом анекдоте, даже челюсти от желания сводило. Но, тем не менее, он от своих принципов решил не отказываться и принятого решения менять не стал. Был с молодой женой вежлив и обходителен, — и не только на людях, но и наедине, — никаких претензий больше не выдвигал, тем более, не высказывал, ни на что не жаловался, хотя ему в королевском дворце отнюдь не все нравилось, если не сказать больше. Однако при всем при том на сближение с Ульрикой Катериной принципиально не шел. И в конце концов, она кое-что начала по-видимому понимать и, сообразив, что это не дешевая размолвка и не детское надувание губ, а серьезный кризис, расстроилась уже по-настоящему.

Судя по всему, в начале партии принцесса ошибочно полагала, что, если будет с Ингваром демонстративно добра и корректна, поглядывая на него время от времени как бы снизу-вверх, — то есть так, как он, якобы, хотел, — да еще и даст ему, наконец, как-нибудь эдак или, на худой конец, возьмет, картинно встав перед ним на колени, — предварительно избавившись от скрывающей ее прелести одежды, — юноша поплывет, «*вкурит благодати*» и все вернется на круги своя. Но не тут-то было, поскольку не на того напала. Бармин вспомнил, кто он есть в обоих своих ипостасях, прошлой и нынешней, и твердо решил, что идти ей навстречу больше не будет. Мяч на ее стороне поля, ей теперь и предстоит доказывать «*супругу и господину*» серьезность своих намерений.

Так монотонно и, по большому счету, бессмысленно прошли все пять дней до их возвращения в Усть-Углу, и лишь один эпизод выбивался, — причем самым драматическим образом, — из этих, ничем не примечательных условно праздничных дней. Третьего декабря, устав от рутины королевских буден, Бармин высказал желание посетить Роннебю слот. Впрочем, ни у герцогини Сконе, ни у ее венценосного брата эта идея особого энтузиазма не вызвала, но и отказать в эдакой безделице они Ингвару не могли. Слишком

опасным в случае возражений мог оказаться крен лодки. Так и перевернуться немудрено, тем более в условиях так и не разрешенного кризиса в отношениях молодоженов, о чем новоиспеченный король наверняка уже был осведомлен. Поэтому, немного поколебавшись, венценосец все-таки дал «добро», и семья Менгденов отправилась на конвертоплане в древний замок, построенный, о чем знали только Ульрика с Ингваром, над «Горячей скалой» — Источника семьи Стенкилей.

Сам городок Роннебю оказался небольшим, но, как и все населенные пункты в Швеции, аккуратным и буквально вылизанным до идеальной чистоты. Невысокие, по большей части, старинные каменные дома под черепичными крышами, кое-где беленые или украшенные деревянными вставками, мощные камнем улицы и асфальтированные дороги, много зелени, — деревьев, кустов и газонов с цветочными клумбами, — и огромный парк Бруннспаркен, являющийся, по словам Ульрики, одним из трех или четырех лучших парков Европы. Ну и, наконец, королевский замок Роннебю слот. Тяжеловесный, темно-серый, имеющий, — несмотря на все перестройки XVII–XVIII веков, — все характерные черты раннесредневековой феодальной крепости, построенной в эпоху правления Магнуса Ласкового.

«Неплохое местечко, чтобы встретить старость...» — мысленно сыронизировал Бармин, рассматривая замок через иллюминатор конвертоплана.

Он хотел было сформулировать в этой связи еще пару-другую банальностей, но неожиданно почувствовал направленное на себя внимание замка — или, вернее, чужого Источника, — и крайне этому удивился. Из того, что, благодаря великим предкам, он успел узнать о «горячих камнях», Источниках и божественном благословении, богине Вар не должно было быть до него никакого дела, поскольку Менгдены находились под покровительством не просто другой богини, а богини, принадлежащей совсем другому, не скандинавскому пантеону. Марена же явная славянка, как ни крути, — разве что северного, поморского разлива, — а Вар — чистокровная асинья. И, тем, не менее, «привет», полученный Барминым от замка не был ни агрессивным, ни просто отталкивающим. Скорее всего, это был именно «привет», посланный не чужаку, а, скажем так, дальнему родичу, впервые посетившему проживающих в этой местности членов своей большой разбросанной по миру семьи.

«Даже так? — искренне удивился Бармин, поймав переданный ему в приветствии смысл. — *Родич?* И с какого бока я, спрашивается, родич Стенкилям?»

— Ингвар!

Бармин обернулся и посмотрел на окликнувшую его Варвару.

Что? — спросил он взглядом.

Я в растерянности, — ответила сестра, — *я в ужасе!*

Этого не могло быть, потому что это противоречило всему тому, что Ингвар успел узнать об Источниках вообще и о своем «Горячем камне» в замке Усть-Угла, в частности, и, тем не менее, не только он — чужак в чужой стране, но все-таки сильный стихийный маг, несущий на себе благословение богини, — но и Варвара с ее скромными способностями к Стихии и всего лишь опосредствованной связью с Источником, судя по ее реакции, «слышала» сейчас «заговоривший» с ними замок Роннебю слот.

«Вычурно, — подивился Бармин причудам божественного благоволения, — но оригинально».

Что? — чуть нахмурилась Ульрика, перехватившая безмолвный обмен мнениями между

своим мужем и его сестрой.

Все в порядке! — успокоил он ее легким кивком.

Ей, по его мнению, обо всем этом пока знать не требовалось. Если богиня Вар захочет, сама расскажет своей подопечной. А, если нет, значит, тому есть веская причина, и это тоже имеет смысл принимать в расчет.

Между тем, конвертоплан снизил скорость и, заложив пологий вираж, приблизился к замку. Затем, перейдя в режим геликоптера, он плавно приземлился на вертолетную площадку близ главных ворот. От моста через ров к ним тут же подъехали два автомобиля и в считанные минуты доставили гостей замка во внутренний двор Роннебю слот практически к самому красному крыльцу, хотя здесь, в Швеции, парадный вход в палас наверняка называется как-нибудь по-другому. Вообще-то, Бармин был не прочь прогуляться до крыльца ножками, но вмешались проблемы с этикетом и безопасностью, и эти несчастные триста метров пришлось ехать в бронированном лимузине. Впрочем, он не роптал, сидя в салоне представительского «Langskipa»[1] и прислушиваясь к своим ощущениям. А они, следует отметить, продолжали удивлять. После первого знакомства, Источник, если так можно выразиться, снизил интенсивность сигнала и ощущался теперь, как некий добровольный сопровождающий, идущий следом, все время оставаясь при этом где-то за правым плечом. Во всяком случае, так воспринимал его присутствие Бармин. Спрашивать об этом Варвару он не хотел, — это была их общая тайна, в которую он не хотел посвящать никого другого, — но по некоторым признакам она тоже продолжала «слышать» замок, хотя, возможно, уже не совсем так, как это было в самом начале. Понимая ее состояние, — удивление, тревогу, возможно, разного рода опасения, — Ингвар при переходе из конвертоплана в автомобиль успел коротко, но со значением пожать ей руку, что, судя по всему, оказалось для Варвары необходимым и весьма своевременным знаком поддержки. Женщина явно успокоилась, расслабилась и далее вела себя так, что никто, не знавший подоплеки событий, не усомнился бы в том, что у нее все в порядке и она вполне наслаждается экскурсией по замку.

А замок, следует заметить, стоил того, чтобы его осмотреть. Он не был, разумеется, братом-близнецом цитадели Менгденов в Усть-Угле, но что-то общее между Беровым кромом и Роннебю слот не заметить было сложно, и речь не о том, что строили их в одну и ту же эпоху, и предназначались они, прежде всего, для защиты своих хозяев от нападения. Общими были аура древней силы и северный варяжский стиль, прослеживавшийся, как в архитектуре, так и во внутреннем убранстве. Так что, прогулявшись по замку, Бармин получил удовольствие и от интерьеров, в отделке которых было много дикого камня и резного дерева, и от хранившихся здесь коллекций живописи, скульптуры и холодного оружия. Но главное действо ожидало его в основании донжона. Здесь в цокольном этаже огромной восьмигранной башни была выставлена на обозрение частная коллекция королевской семьи, состоявшая из рыцарских доспехов едва ли не всех времен и народов: от хауберков викингов до миланского и максимилиановского[2] доспехов, и от японских самураев до чукотских воинов. Впечатляющее собрание, в особенности, для тех, кто разбирается в предмете. Бармин с вопросом был знаком весьма посредственно, но впечатлился даже он. А потом, как-то так вдруг вышло, что среди экспонатов выставки остались гулять лишь они с Варварой, вдвоем, тогда как все остальные экскурсанты, включая герцогиню Сконе, даже не заметив, что потеряли кого-то в пути, ушли дальше, поднимаясь по лестнице наверх.

«Отряд не заметил потери бойца...»

Бармин изменение ситуации заметил буквально в последний момент, но все-таки обратил на это внимание и насторожился. И, как тут же выяснилось, сделал это как раз вовремя, потому что в следующее мгновение из-за витрины с очередным ратным железом к ним с Варварой вышла высокая крепкого сложения темноволосая женщина, одетая в древний нормандский доспех. Вышла, постояла пару мгновений, окидывая Менгденов оценивающим взглядом синих, как море, глаз, и наконец заговорила:

— Передай моей сестре, воин, что я не претендую на ее род, — сказала она глубоким звучным голосом, казалось, исходящим из самых недр ее прикрытой стальным панцирем груди. — Мне надо сказать вам обоим нечто важное, оттого и пришла. Ты правильно сделал, Менгден, что женился на моей девочке. Она еще молоденькая и дура душой, но я ей мозги вправлю. Слово Вар! Но ты... ты ведь взрослый... — сделала она многозначительную паузу перед тем, как произнести его имя, — Игорь/Ингвар. Будь к ней снисходителен. Остальное приложится, и ваша дочь станет самой великой королевой Швеции в истории.

Помолчала, давая ему, верно, оценить сказанное по достоинству, чем Бармин, на самом деле и был занят, прокручивая в уме озвученные богиней смыслы и пытаясь угадать, зачем ей такие сложности, если все равно то, чего она хочет, уже практически свершилось. Он женился на «ее девочке», которая, на его взгляд, уже не так юна, чтобы считаться ребенком. Но, возможно, у богини на этот счет имеется свое мнение, и не ему с ней спорить. Кто он, и кто она! Разные весовые категории, где-то так.

— Ты, Барбара, дочь севера, — продолжила Вар после паузы. — Помоги брату отстроить разрушенное.

И замолчала, словно приглашала говорить.

— По твоему слову, великая, — поклонился Бармин.

— Сделаю все, что смогу, — пообещала, поклонившись в свою очередь, Варвара.

— Что ж, — улыбнулась Богиня-воительница, — быть по сему. И мой дар вам обоим на удачу! Тебе, девочка, сразу, а ты, Бьёрн[3], свой позже найдешь. Не сомневайся...

И все, собственно. Сказала и исчезла, как не было. Была и вот уже нет. Но при этом у Бармина возникло такое ощущение, что ему разом вскипятили кровь и наполнили легкие чистым кислородом.

«Она назвала меня Бьёрном или все-таки медведем? — спросил себя Ингвар, отдышавшись и смахнув со лба капли пота. — Вспомнила Бера Тяжелую руку[4]? Но почему, тогда, его, а не Дари Маленького Волка, как основателя рода Менгденов, или сына Марены — Ретвина Копье Богини?»

Вопросы. Но так и должно, верно, происходить, когда боги вмешиваются в дела людей. Одно было ясно, Вар знала, кто таков на самом деле Ингвар Менгден, и ей это ничуть не мешало.

«Уже хорошо!» — отметил Ингвар, но уже в следующее мгновение ему стало не до теории, потому что он увидел, какой по истине королевский подарок сделала богиня Вар им с Варварой. Слабенький ореол стихийной магии, каким еще пару минут назад могла похвастаться его сестра, сменил цвет и обрел едва ли не вещественную насыщенность.

«Ультрамарин... — вспомнились ему записи Ингвара Менгдена третьего своего имени, — Ультрамарин, ради всех асов и их дома в Асгарде!»

Если, «выпив» кучу «горячих» камней, Варвара смогла всего лишь пробудить в себе Дар стихийной магии. «Дотянулась до планки» так сказать, — что позволило ей вступить в контакт с замком в Усть-Угле, — то сейчас, если судить по цвету ауры, у нее уже был, как

минимум, пятый или, возможно, даже шестой ранг, и она превратилась, пусть и не в очень сильную, но все-таки такую же колдунью, как сам Ингвар. Густая, насыщенная аура цвета ультрамарин указывала на это самым недвусмысленным образом. Теперь, скорее всего, Варвара сможет встретиться с Мареной лицом к лицу, и, значит, у Менгденов появился еще один сильный боец и маг, способный активно помогать Ингвару в управлении графством. Кто-то, кто сможет напрямую контактировать с Усть-Углой и Источником Менгденов.

«Серьезный дар, — признал он мысленно. — И все это всего лишь за то, что мы поддержим ее «девочку»? Спорно, но приемлемо... Или я просто чего-то не понимаю?»

— А ну-ка, Аря, взгляни на меня! — попросил он, вспомнив, что сама Варвара вряд ли сможет сразу понять, что с ней сотворила чужая богиня.

— Это была Вар? — спросила она, оборачиваясь. — О! Ты же светишься! — обалдело распахнула Варвара свои прекрасные глаза.

— Отлично, — подбодрил ее Бармин. — Какого цвета у меня аура?

— Очень плотная и насыщенная...

— Ну же! — поторопил ее Бармин. — Какого она цвета?

— Кобальт...

«Кобальт — это выше восемнадцатого ранга... Сильно выше...» — сейчас рядом с ним появился, наконец, человек, способный рассказать Бармину про его собственную ауру. Жена Федора альва Екатерина тоже видела его ареол, но не так отчетливо, как Варвара, так как ее стихийное колдовство было все-таки иным. То была не человеческая, а эльфийская магия, — если что, — а вот Варвара теперь стала не только магессой, имея в виду стандартную людскую магию, но и колдуньей, как Бармин и его нынешняя жена. Но с Ульрикой у них с самого начала все было непросто. Поэтому он ей свою ауру пока не показывал, как, впрочем, и она ему свою.

«Хотя, что это я? — хлопнул он мысленно себя по лбу. — Она же видела судебный поединок, а значит, и ауру мою должна была увидеть. Тогда зачем полезла ко мне с выволочкой? Она что, не знает, что такое кобальт?»

— Это то, о чем я думаю? — прервала его размышления Варвара.

— Да, — кивнул Ингвар, предположив, что они говорят об одном и том же. — Это наша родовая сила — стихийное колдовство. Ты видишь мою ауру, а я вижу твою. Теперь тебе придется, конечно, подучиться пользоваться этой силой, но я тебе помогу!

— Эт-то, наверное, хорошо...

— Но?

— Я что, теперь всегда буду видеть тебя таким? — едва ли не с ужасом прошептала Варвара.

«У кого что болит... — вздохнул мысленно Бармин. — Женщины!»

— Не беспокойся, — успокоил он сестру. — Это можно гасить, как электрическую лампочку. Надо только сосредоточиться и представить себе, как угасает сияние. Вот так.

— Ох ты ж... Я тоже так могу?

— Разумеется, — кивнул Бармин. — Представь себе это, и у тебя сразу все получится! Давай, Аря! Вперед!

[1] Langskip — «длинный корабль». Слово использовали для обозначения боевого корабля с веслами по всему борту, без уточнения размера. В эту категорию попадали «снеки» («сnekкар») и «драки» («драккар»).

[2] Хауберк — вид доспеха. Хауберк появился в конце X века у норманнов как плотно

прилегающий к телу доспех, закрывавший тело до колена и руки до локтей, и зачастую дополнявшийся чулками. Материалом служила кожа или материя, укреплявшаяся нашитыми металлическими кольцами либо пластинками, заклепками, и иногда даже нашитыми цепочками.

Миланский доспех — полный латный итальянский доспех, появившийся в конце XIV и существовавший до начала XVI века. Это первый тип доспехов, в котором латы закрывали всё тело.

Максимилиановский доспех — германский доспех первой трети XVI века, названный так по имени императора Максимилиана I, а также с намёком на максимальность защиты.

[3] Björn (Бьёрн) — "медведь". Медведь как наиболее опасный для охотника зверь считался символом храбрости и силы, кроме того, он — одна из ипостасей Одина, верховного бога скандинавского пантеона.

[4] Бер (русское табуированное название медведя, «берущий», тот, кто «берет») — Берни, Бьерни, Бьярни. Отсюда же и топонимы Берлин, Берн и др.

Бер Тяжелая рука — внук Дарри Менгдена.

Дарри Менгден — выдуманный автором свейский ярл, приведший свою дружину на помощь князю Никлоту в его борьбе с немцами под предводительством герцога Генриха Льва.

Никлот (ок. 1105–1160) — последний независимый князь бодричей/ободритов (1129–1160) и родоначальник Мекленбургского дома.

Глава 3(1)

1. Седьмое декабря 1983 года

Трудно сказать, на что рассчитывала кронпринцесса, направляясь со своим теперь уже мужем в Усть-Углу. Они с ним этот вопрос не обсуждали, — как-то не пришлось, — ни до, ни, тем более, после размолвки. Однако, когда добрались наконец до замка, она была явно удивлена, — и, разумеется, уязвлена, — тем, что ей не предложили жить вместе с Ингваром в его апартаментах, а вместо этого приготовили личные комнаты в другом конце «семейного» коридора. Впрочем, Бармин ведь не злодей какой-нибудь. Сообразив, что к чему, он вежливо объяснил супруге, что она, разумеется, первая жена, и с этим никто не спорит. Но она при этом всего лишь одна из пяти его жен, и поэтому не может претендовать на постоянное место рядом с ним. Закон и традиция четко описывали те ситуации, когда первая жена имеет право на преференции, но совместное проживание в этот список не входит, в особенности, если вся семья собирается в одном месте. Что же касается местоположения апартаментов, предназначенных для княгини Острожской, то тут все обстояло еще проще. Переселять из-за нее Елену, Ольгу или Марию никто не собирается. Они здесь давно живут, — во всяком случае, поселились в замке раньше нее, — и отдавать ей свои комнаты совершенно не намерены, да и не должны. Поэтому Ингвар их об этом просить не может, не хочет и не будет. И ей, в принципе, тоже не на что жаловаться, поскольку по приказу графа Менгдена для нее, Ульрики Катерины, специально построили в Усть-Угле совершенно новые апартаменты, заодно поселив поблизости ее дочь и младшего брата. Понятное дело, что ситуация эта настроения принцессе не улучшила, поскольку она, как успел убедиться Бармин, привыкла получать все, что пожелает, а с Ингваром у нее один облом следовал за другим, и конца края этим обидам не было видно.

Однако Бармин твердо решил, что или обломает ее хотелки раз и навсегда, — вспоминался по этому случаю великолепный Петруччо из «Укрощения строптивой» *«Вильяма нашего Шекспира»*[1], - или отселит ее к чертовой матери обратно в Швецию, поскольку он свою часть сделки выполнил и готов был продолжать ее выполнять от и до, — как и обещал богине-покровительнице рода Стенкилей, — а вот Ульрика Катерина — нет. И, значит, он в своем праве, хотя, разумеется, попробует еще договориться, чтобы не обижать «бедную девочку». Но это терпит. Есть дела куда как более важные, во всяком случае, прямо сейчас, когда они вернулись домой. Поэтому, высадившись в Усть-Угле и отдав накоротке все необходимые распоряжения, Бармин подхватил под руку Варвару и увлек ее, игнорируя косые взгляды сразу всех пяти своих жен, в Старый палас. Оправдываться не стал, объясняться тоже. Не дуры, поймут, наверное, что не трахаться потащил. Для этого дела его апартаменты подошли бы куда лучше. А в Старом дворце на данный момент даже жилых покоев толком нет. Отсюда вывод: раз ушел с сестрой туда, куда ушел, значит есть зачем. И в принципе, все, кроме герцогини Сконе, знали, какое это может быть дело, как знали и то, что из всех них в святая святых замка допущена одна лишь Варвара.

А между тем, едва Ингвар и Варвара скрылись от навязчивого внимания семьи и слуг, Бармин отворил очередную потайную дверцу в глухой на первый взгляд стене и, миновав ее, повел сестру долгими подземными переходами к Медвежьей башне и далее в колодец

Менгденов.

Варвара здесь однажды уже была и натерпелась тогда страха, ожидая возвращения Бармина из-за двери, куда ей самой хода не было. Откроется ли перед ней эта дверь теперь — один большой вопрос, но Бармин предпочел не откладывать проверку этого принципиального вопроса в долгий ящик. Он хотел знать прямо сейчас, пропустит ли Мара Варвару к их родовому Источнику и к жертвеннику самой богини. Просто не хватило терпения «сидеть на попе ровно», вот и потащил порядком испуганную женщину, — еще бы ей не испугаться, когда здесь даже воздух пропитан инфернальным ужасом, — в темное сердце Усть-Углы, в кольцевой коридор, построенный неведомыми колдунами вокруг Горячего камня.

В прошлый раз Источник остановил их перед лазом, соединяющим колодец Менгденов с жертвенным коридором. Однако сегодня Варвару никто не задержал, хотя идти ей в отличие от Ингвара стало сложно. Она, словно бы, шла против штормового ветра. Бармин ничего такого не ощущал, но отчетливо видел, как борется женщина за каждый следующий шаг. И он ей, увы, ничем помочь не мог. Хотел было взять на руки и понести, но тут же услышал не терпящее возражений «*Сама!*», и вынужден был принять объявленные Источником правила игры. Единственное, что он мог сделать для Варвары, это идти медленно.

Так они дошли почти до конца коридора-спирали и там буквально в нескольких метрах от того места, где должен был находиться вход в алтарный зал, перед ними появилась, — словно, соткалась из густого жаркого воздуха, — богиня Марена. Что тут скажешь, она была прекрасна, хотя и не совсем на человеческий манер. Вот, вроде бы, выглядит совсем, как живая женщина, точь-в-точь как Варвара, но только с волосами, заплетенными во множество тонких косичек, и все-таки не совсем, потому что боги — не люди, и Марена не Варвара.

— Ну-ка, ну-ка, — сказала богиня, рассматривая Ингвара и Варвару. — Любопытно...

— Кто он?! — громыхнула голосом так, что с потолка посыпалась каменная крошка и зашевелились, зазвенев цепями, жертвы древнего кровавого ритуала.

Ингвар понял вопрос правильно, — во всяком случае, он надеялся, что это так, — и поспешил ответить. В конце концов Вар их об этом предупредила заранее.

— В замке Роннебю слот, — сказал он, поклонившись богине-матриарху семьи Менгден, — к нам с сестрой вышла асинья. Богиня Вар просила передать, что она не претендует на нас, поскольку мы твои, госпожа моя Марена.

— Тогда, зачем явилась? — Сегодня Мара была одета в кроваво-красное платье, а в ее косички были вплетены рубиновые нити.

— Она попросила нас помочь «ее девочке», — объяснил Бармин.

— Принцессе Ульрике, — добавил, чтобы не оставалось места для недопонимания. — Не бесплатно. За помощь... авансом... Вар даровала Варваре способность к стихийному колдовству.

— Достойная плата за эдакий пустяк, — отмахнулась от его слов богиня, гнев ее неожиданно испарился, как капли воды на раскаленном противне, был и не стало. — Кстати о «девочке», пора бы тебе привести ее к колодцу. Сюда ее Источник конечно не пустит, — чужая кровь, — но мне все равно хочется посмотреть на нее вблизи. Чужая-то она, чужая, но она твоя первая жена, и у нее сильный Дар, раз уж асинья за нее хлопчет. Надо посмотреть. Остальных жен тоже приводи. Пора уже мне с ними познакомиться!

— Приведу, — поклонился Бармин. — Завтра?

— Нет, — усмехнулась в ответ Марена. — Это слишком часто для меня. Мне появляться здесь во плоти, ох, как непросто. Было бы идеально один раз в триместр, но время поджимает.

«Время? — удивился Бармин. — И куда мы торопимся?»

— Приходите через десять дней, — продолжила между тем богиня. — Ночью. И не забудь, Ингвар, принести мне полноценную жертву. А ты, — поревела она взгляд на Варвару, — можешь приходить теперь, когда захочешь. Дар у тебя открылся, и источник его признал. Со временем станет легче, но пока придется приходить через боль. Тебе же было больно, дитя?

— Да, госпожа! — поклонилась богине Варвара.

— Это со временем пройдет, — пообещала та. — Зато сможешь здесь лечиться, если понадобится.

— Не от смерти, — быстро взглянула она на Ингвара, — но обычные раны здесь затянутся куда быстрее, чем наверху. Сможешь восполнять силы, сможешь обращаться ко мне с просьбами. Ингвар научит тебя, как правильно приносить мне жертвы и как меня просить. Прольешь кровь на алтарь, тогда и поговорим снова. А сейчас подожди здесь, мы с Ингваром сходим к жертвеннику.

— По твоему слову, госпожа, — снова поклонилась Варвара и в подтверждение своих слов отошла на несколько шагов назад.

Ингвар кивнул ей одобрительно — Варвара все делала правильно: вела себя, как подобает, и говорила то, что хотела, по-видимому, услышать от нее богиня. Ему же явно предстоял серьезный разговор, о содержании которого Бармин мог только догадываться. Но у него были и свои планы на эту встречу, не без этого.

— Менгдены возвращаются, — сказала богиня, когда они оказались в алтарном зале. — Еще немного и у тебя будет настоящая семья, род и клан.

«Констатация факта, — отметил Бармин. — И это все?»

— Почему ты мне не помогла? — Он не стал уточнять, что имеет в виду. Оба прекрасно понимали, о чем идет речь.

И в самом деле, во время первого нападения Союзной рати, Марена спасла Ингвару жизнь. Вернула, можно сказать, с того света, а во время второго — не помогла, хотя он и лежал в коме. Отсюда вопрос: почему?

— Ты не умирал.

«Вот и ответ», — кивнул мысленно Бармин. Чего-то в этом роде он от нее и ожидал, но все равно должен был спросить. Хотя бы, для порядка. Спросить и услышать ответ.

— Я был беззащитен, — попробовал он немного нажать. — Если бы враги сделали еще одну попытку...

— Не выдумывай! — отмахнулась от его упреков богиня. — Тебе уже ничего не угрожало. Ты и так получаешь больше, чем кто-либо из твоих предков.

— Мало кто из них находился когда-нибудь в таком же положении, как я, — возразил Бармин.

— Чего ты хочешь? — Вывести Марену из себя было сложно, да и не стоило, на самом деле, но Бармину было важно определиться в отношениях с богиней. — Чего добиваешься?

— Хочу понять, в каких ситуациях я смогу на тебя рассчитывать.

— Ни в каких! — отрезала Марена. — Я не всесильна, малыш, и ты это знаешь!

— Знаешь, не отрицай! — повторила, глядя Ингвару прямо в глаза.

Вынести ее взгляд было очень трудно, но Бармин все-таки устоял, хотя и взмок от этого усилия.

— Но ты можешь сделать так, что я смогу вернуть часть утраченных сил и тогда я не только захочу, но и смогу тебе помочь.

— Значит, раньше ты была сильнее? — Вопрос напрашивался, вот Бармин его и задал.

— При твоём предке Бере я была практически всесильна, — подтвердила Марена его предположение. — В этих местах и кое-где еще.

«Ну, вот мы, наконец, и говорим о главном», — кивнул мысленно Бармин. Похоже, что его предположение верно, и старые боги теряют силу. Так что, если сейчас он услышит от Марены предложение, от которого ему будет крайне сложно отказаться, значит, он прав.

Идея о том, что боги и их паства тесно между собой связаны, не нова. Чем сильнее вера в богов, чем богаче подношения, тем сильнее сами небожители, — или где там они живут, на самом деле, — и тем больше они могут предложить в ответ. Военную удачу, любовь красавицы, крепкое здоровье и много чего еще. Но верно и обратное: меньше веры — меньше силы и, разумеется, меньше даров. Ситуация похожа на философский спор о том, что первично, курица или яйца?

— Как я могу тебе помочь?

На самом деле, Бармин знал, как. Вернее, предполагал, что знает, но, в любом случае, это Марена начала с ним разговор о своей силе, ей и карты в руки.

— Дурачок, — неожиданно улыбнулась богиня. — Неужели ты думаешь, что можешь тягаться со мной, да к тому же здесь, рядом с Источником? Какие карты, дружок?

«Вот же, черт! Она читает мои мысли!» — открытие было не из приятных, но факты упрямая вещь.

— Конечно читаю, — усмехнулась Марена. — И о том, кто ты такой на самом деле, знаю. Но все это неважно, пока ты мой. А ты мой?

— Твой, — кивнул Бармин, прекрасно понимавший, что от судьбы не уйдешь. — Куда же я денусь с подводной лодки?

Удивительно, но богиня не стала переспрашивать, значит поняла идиому и оценила смысл.

— Тогда слушай.

— Я весь внимание.

— В ближайшие дни приходите сюда снова. Не надо ждать десять дней. Приходите через три дня, через пять. Ты и Варвара. Вы вдвоем принесете жертвы. Она — одну, ты — три. Тогда я смогу выйти к твоим женам, познакомлюсь с ними, посмотрю, чем дышат, о чем думают, чего хотят, и заодно закреплю своей силой твой авторитет.

— Да, я, вроде бы... — начал оправдываться Ингвар, но Марена закончить фразу не позволила.

— Помолчи! — сказала, как отрезала. — Одно другому не помеха. Но для тебя есть еще одно задание, там тебе авторитет никак не помешает. Ты должен возродить мой культ, Ингвар. Люди должны вспомнить обо мне, но деревянные мои кумиры пожгли еще лет триста назад. Другие боги не вступились, — думали, обойдется, ан нет. Их тоже начали забывать, но мне от этого не легче. Это, чтобы ты понял, как такое, вообще, могло произойти. Была война... Мы кое-что не поделили друг с другом и людьми. Но об этом как-нибудь в другой раз.

— Там, где меня еще помнят... — сказала богиня после довольно долгой паузы. — Я превратилась для людей в чучело, которое сжигают на проводах зимы. Твои крестьяне тоже так делают. Жгут соломенную Мару. Но образ смерти, сам понимаешь, мне не нравится. Да еще такой — соломенный. Надо возрождать культ, Ингвар. Понимаешь, о чем речь?

— Да, — подтвердил Бармин, действительно начавший понимать, что бесплатных обедов, и в самом деле, не бывает.

— Мое мраморное чтилище[2] лежит на дне реки, чуть ниже моста. Точнее не скажу, но искать надо, я думаю, в районе средней опоры. Другой — гораздо более древний кумир, — закопан на западной опушке священной рощи. Восстанови два моих хофа[3] — в замке и в городе, — и жертвенник в священной роще. Проведи обряд почитания. Возложи дары, принеси жертвы.

— Жертвы? Но это невозможно, моя госпожа, — возразил Бармин, живо представивший себе весь этот ужас. — По нынешним временам прилюдное жертвоприношение...

— Козы или барана? — усмехнулась Марена. — Еще можно оленя, медведя или быка. Увидишь, дела сразу пойдут на лад. А ты, небось, подумал, что я потребую человеческую жертву?

— Потребую, — добавила через мгновение, — но не прилюдно. Я знаю, какое сейчас время.

— Но культ в один день не восстановить, — попробовал Бармин «прикрыть свой зад».

— Верно, — согласилась богиня, — но с чего-то надо начинать. Вот и начни, а жены помогут!

2. Восьмое декабря 1983 года

— Что мы хоть ищем? — спросила Елена, зябко кутаясь в длинношерстную волчью шубу.

— Мраморную статую, — коротко ответил Бармин, пытаясь «заглянуть» под речной лед.

Они стояли вдвоем на мосту через Шексну. Дул северный ветер, приносящий порывами сухую снежную крупу. Погода не просто «так себе», а, можно сказать, «*дерьмо погода*». Сумрачно, как поздним вечером, — а ведь уже одиннадцатый час утра, — температура где-то под минус десять, да еще и этот долбаный ветер. В общем, в такое утро хороший хозяин даже собаку на улицу не выгонит.

«Собаку не выгонит, — согласился Бармин с народной мудростью, — пожалеет животину, а сам пойдет, коли надобно».

Дела требовали поспешать. Уговор с Мареной, больше похожий на приказ, не тот случай, когда можно манкировать взятыми на себя обязательствами. Ингвар это понимал, оттого и отправился на поиски мраморного чтилища сразу с утра. И объяснять никому ничего не стал. Придет время — расскажет, а пока сказал лишь, что дело важное, и увел Елену на мороз. У нее из всех его жен самое сильное поисковое чутье, ей и карты в руки.

— Статуя или статуэтка? — уточнила герцогиня Бирон. — Каков размер, и с чего вдруг кому-то топить в реке мраморную статую?

— Полагаю, метра два-три высотой, — пожал плечами Бармин, забывший за всеми делами спросить Мару о размерах ее кумира. — Больше ничего сказать не могу, а утопили ее, потому что, на самом деле, это не статуя, а чтилище богини Марены, но мы об этом никому не скажем. Пусть все думают, что это Хель.

— Чтилище — это идол? — переспросила Елена, в силу происхождения едва ли знакомая с этим словом.

— Идол, — кивнул Ингвар. — Кумир. Статуя.

— Но это же святотатство! — возмутилась удивленная его словами женщина. — Кто посмел топить в реке идола богини? Это христиане сделали?

— Представь себе, нет, — усмехнулся в ответ Бармин. — Свои же язычники учудили. Решали между собой, чей бог сильнее. Вот кумир под раздачу и попал.

— Вот же уроды!

— Не без этого, — согласился Ингвар. — Ну, что, видишь что-нибудь?

— Что-нибудь вижу... Вот там, — указала Елена рукой. — На глаз метрах в пятнадцати ниже по течению и прямо на этой линии, — провела она воображаемую прямую от себя к поверхности льда.

— Как скажешь! — Бармин примерился, отмечая внутренним зрением заданные Еленой ориентиры, затем «вгляделся» в стылую воду, вяло текущую подо льдом, и вдруг «поймал» тень чего-то тяжелого и довольно большого, присыпанного песком и затянутого илом на дне реки.

— Пробей полынью! — попросил он, тогда, Елену. — А потом ступай, пожалуйста, в замок и вызови команду водолазов. Кажется, в Вологде есть такая контора, а, если нет, то попроси полковника Кальф-Калифу найти подходящих людей. Он, наверняка, знает, что тут и где. Чтилище надо поднять со дна как можно быстрее. Поднять и перенести в замок. В хоф. Почистить, разумеется, но, если сильно пострадало, надо будет найти хорошего реставратора. Пусть хоть в Новгороде или во Флоренции, только побыстрее. Деньги — не вопрос. Займешься этим?

— Займусь, раз надо, — улыбнулась женщина. — А ты мне потом все-все объяснишь, лады?

— И тебе, и всем остальным, — кивнул Бармин. — Узнаете — закачаетесь.

— Да, и вот, еще что. Если я не успею раньше тебя, скажи хофгоди[4], чтобы не удивлялся и не тревожился. Я с ним позже отдельно поговорю и все ему растолкую.

Озвучив, таким образом, свою «настоятельную» просьбу, больше похожую, впрочем, на распоряжение, Бармин сразу же переместился на западную опушку Священной рощи, находившейся в двух километрах к югу от замка, как раз между Деменским и Костинским посадками. Место это было древнее и необычное для северного ландшафта. Дубы, насколько знал Бармин, отнюдь не характерные представители местной флоры, хотя и встречаются тут и там аж до шестидесятой параллели. Но здесь, близ Беровая крома стояла целая дубрава, занимавшая по площади никак не менее ста гектаров, и дубы в роще Менгденов росли не простые, а, как говорят в народе, зачарованные. Почти все они были старыми, но некоторые, достигавшие в высоту едва ли не пятидесяти метров, стояли здесь с незапамятных времен. Во всяком случае, в домашнем архиве Менгденов возраст этих деревьев оценивался в девятьсот лет, и судя по всему, в ту пору, когда все они были всего лишь желудями, на этом месте уже росли древние дубы, только тогда роща занимала куда большую площадь, чем сейчас. Но дело было не только в деревьях. Сама земля в этом месте дышала силой. Магия и волшебство были растворены в воздухе, — даже сейчас, зимой, когда деревья стояли голыми, — и в воде бьющих в глубине дубравы и никогда не замерзающих ключей. Ну, и еще один немаловажный факт: в глубине рощи на небольшой, никогда не зарастающей деревьями поляне находился Беров хёрг[5] — древний каменный алтарь, грубо вырубленный

из кроваво-красного гранита, за которым полукругом стояли двенадцать каменных и деревянных идолов. Здесь были представлены те боги и богини северного пантеона, которым особо поклонялись Менгдены и их люди.

Вообще-то, Бармин во всех этих религиозных делах разбирался весьма посредственно. Отрок Ингвар, выросший на заполярном Груманте знал о язычестве не так уж и много. К тому же в городе ссыльнопоселенцев Барентсбурге не было настоящих языческих храмов. И хёрг, к которому ходил Ингвар, представлял из себя всего лишь кучу камней. Позже, оказавшись на Большой земле, Бармин ознакомился, разумеется, с основами вероучения. Он даже катехизис[6] Мюберга прочел, как, впрочем, и несколько книг по истории и этнографии вопроса. Поэтому Ингвар знал, что современное язычество довольно сильно отличается от древнего, в особенности, во всем, что касается обрядовости и литургии[7], испытавших сильное влияние христианских конфессий. Так, например, когда-то в давние времена хофом являлась обычная большая усадьба, где рядом находилась и резиденция хёвдинга или хофгоди, одновременно являвшегося и военным вождем, и судьей, и председателем на пиршествах по праздникам, и смотрителем хофа, в котором имелись изображения богов и где приносились клятвы и собирались праздничные пиры. Но со временем, вождями и будущими конунгами стали хёвдинги, переставшие исполнять функции жрецов, а священнослужителями стали хофгоди, в ведение которых перешли хофы, ве[8] и хёрги, превратившиеся в храмы, напоминающие в этом смысле христианские церкви. И всей разницы, что хофы — это храмовые здания, а ве и хёрги находятся обычно под открытым небом или, максимум, под навесом. Так вот, в замке Усть-Угла был именно хоф, — и туда Бармин предполагал поставить мраморную Мару, даже при том, что она лишь весьма условно могла быть причислена к северному пантеону, а в роцце Менгденов — хёрг, в который должен вернуться грубо вырубленный из камня кумир богини. Его-то Бармин сейчас и пытался найти.

Он прошелся раз-другой по занесенной снегом опушке дубравы, сканируя, — другого слова для того, чем он был занят, Ингвар подобрать не смог, — замерзшую землю под ногами. Времени это заняло совсем немного, поскольку он знал, что искать и где, и, в конце концов, обнаружил нечто крупное и несомненно каменное, что одно только и могло являться искомым чтилищем Марены. Теперь оставалось лишь «сходить» в Костинский посад и привести сюда людей с лопатами. Прогреть стылую землю для Бармина не проблема, так что пять-шесть землекопов вполне справятся с задачей откопать идола до конца светового дня. Труднее будет доставить его в хёрг, но Ингвар полагал, что Мария сможет открыть портал, а он поднимет истукана и «пронесет» его на место.

«Надо будет только заранее соорудить там на месте фундамент, — внес Бармин в свои планы небольшую коррекцию. — Не на землю же ставить!»

В принципе, план был несложный, и, если все пойдет, как надо, завтра у Бармина будет два храма, чтобы воздать Марене должное, и можно будет начинать ее «возвращение» в народ.

«Еще надо будет поставить камень Мары в Шекснинском хофе!» — добавил Бармин мысленно в свою программу еще один пункт.

В Шексне, в отличие, от Усть-Углы в храме стояли не фигуры богов, а камни разной формы, на которых были выбиты сакральные знаки и символы, — например молот Тора Мьёльнир, — и в редких случаях аллегорические имена богов. Так, к примеру, на камне Одина, древнем ледниковом валуне, высечено Alfödr — Всеотец, а на обелиске,

посвященном Фрейе, начертано Gefn, что означает «дающая», «дарующая» и «дарительница». На черном базальтовом кубе, который еще только предстояло вырубить и отшлифовать, — Бармин знал, что в Вологде есть подходящая мастерская каменотесов, — следовало выбить Серп Мары, расположив его в вершине условного равнобедренного треугольника, и символы Зимней и Летней Мары — в его основании.

А еще нужно было подобрать трех быков для жертвоприношения и договориться с начальниками тюрем в Вологде, Шексне и Череповце о негласной передаче графу Менгдену для приведения приговора в исполнение четырех приговоренных к смерти преступников. Официально в соответствующих бумагах будет записано, что преступники повешены, а тела их кремированы. И Бармин даже знал, кто именно пойдет под нож. На днях, то есть в то время, когда он находился в Швеции, прошло несколько судебных слушаний по делам военных преступников, то есть тех солдат и офицеров Союзной рати, в отношении которых обвинение собрало достаточно доказательств. Их обвиняли в убийствах гражданского населения, изнасилованиях и прочих зверствах, и все они были приговорены к смертной казни. Что же касается выдачи тел, то имперский закон оставлял этот вопрос на усмотрение судов, ну а суды в графстве особым гуманизмом по отношению к военным преступникам не отличались. Так что вопрос с жертвоприношением Марене можно было считать решенным.

День получился насыщенным, но зато и время за делами пролетело практически незаметно. И еще кое-что. Несмотря на сложность задачи, Бармин успел за день сделать практически все, что запланировал после ночного разговора с Мареной. Понятное дело, никто в замке, — включая его жен, — ничего о характере развитой им бурной деятельности не знал и оттого не понимал, что и зачем делает их супруг и господин. Но в этом смысле, выдрессированы все они были, — даже строптива Ульрика Катерина, — так, что вопросов не задавали и делали все, что он попросит, сразу и без малейшей задержки. Поэтому уже к вечеру двухметровая беломраморная статуя итальянской работы была поднята со дна реки и очищена от грязи. Скульптура изображала женщину в длинном плаще и капюшоне. Фигуру ее под складками плаща было не рассмотреть, но лицо под капюшоном было молодо и прекрасно. Впрочем, при этом оно было так же не по-человечески холодно и, пожалуй, даже жестоко. О том, что эта изысканная статуя, наверняка изваянная в эпоху возрождения, на самом деле являлась чтилищем богини Марены, ни знать, ни догадаться без подсказки было невозможно, и всех, увидевших скульптуру, занимал лишь один, но немаловажный вопрос, кто и зачем выбросил в реку такую красоту? О том, что это такое или кто это такая, спрашивали уже во вторую очередь, и ответ Бармина был прост и, вроде бы, логичен: это богиня Хель[9], и *«я хочу вернуть ее в пантеон богов-ассов, как это было принято в давние времена у наших предков»*. Так или иначе, но мраморный кумир Марены был очищен от грязи и уже в первых часах вечера установлен в конце ряда других богов и богинь, стоявших на подковообразном возвышении позади алтаря. И так уж вышло, что Марена/Хель оказалась последней в левой части подковы, заняв свое место сразу после богини Вар. Бармин этого не планировал. Он просто забыл, кто там замыкает ряд, но, когда Марена встала там, где встала, оторопел, увидев в этом глубокий, но трудно расшифровываемый символизм. Две богини, давшие начало двум древним магическим родам, оказались рядом, и это попросту не могло быть случайностью, но иди знай, чья это инициатива и кого за эту случайность надо благодарить: саму ли Марену или, может быть, в дела смертных вмешался кто-то еще из

великих богов-ассов?

Между тем, на западной опушке священной рощи рабочие-землекопы извлекли на поверхность другую скульптуру — древнего истукана, грубо вырубленного из темно-красного гранита. Странная фигура, внушающая безотчетное чувство почтительного страха. Скорее всего женщина, но большего об этой трехметровой массивной статуе, — отдаленно напоминающей скифских и половецких каменных баб[10], - ничего сказать было невозможно. Но Бармин и в этом случае заявил во всеуслышание, что это Хель, и уже при свете факелов, — электрические фонари в священной роще не зажигали, — вместе с Марией установил кумира на временном, сваренном из стальных труб постаменте в хёрге Менгденов. А ведь между тем и этим, Ингвар еще успел «смотаться» по-быстрому в Вологду и сделать там заказ на черный «камень» Мары, а так же связался с полоцкими скотоводами, лично объяснив фермерам сколько и каких быков — трех крупных черных туров[11], - он хочет у них купить, и еще переговорил с комендантом военной тюрьмы в Шексне, выяснив, что далеко ходить в поисках смертников ему не придется, сидят мерзавцы в этой самой тюрьме и ждут исполнения приговора. Так что, дел, на круг, Бармин переделал в этот день столько, что и не счесть, устал, как собака, и поесть по-человечески смог только в поздние часы вечера.

Стремление все сделать самому, и при том наилучшим образом и так быстро, как только получится, ни к чему хорошему не приведет. То есть, дело-то, может быть, и будет сделано, — на самом деле, Бармин сделал все, что запланировал на этот день, — но такого рода перфекционизм и все эти долбаные форс-мажоры сохранению здоровья не способствуют, тем более, если для ускорения процессов ты то и дело прибегаешь к магии. Но там, где колдовство, там и боль, и эффект от многократного применения магии только нарастает. В результате, в десятом часу вечера, когда он, наконец, принял душ, переоделся и сел за поздний ужин, Бармин был порядком вымотан и в достаточной степени раздражен, чтобы желать остаться в одиночестве. Однако подумать об этом заранее он не успел, и как следствие компанию ему в малой трапезной составили сразу все жены, сестра, а также дочь Ульрики Катерины Сиф, младший брат короля Швеции Эрик и прибывшая в замок этим утром кузина Стефания.

По меркам королевского двора, состав более, чем камерный, но для Бармина сотрапезников оказалось слишком много. Чрезмерное количество людей, взглядов и слов, вопросов не по существу и прочего всего, что он с удовольствием помножил бы на ноль, отправив всех этих родственников «в сад»[12]. Но *noblesse oblige*, как говорится. Положение, — а в данном случае, скорее даже репутация, — обязывает. Ингвар Менгден ведь кто? Большой, надежный и невозмутимый мужчина, который никогда не раздражается по пустякам и не обижает ближних. Поэтому Бармин ел практически молча, тщательно контролируя выражение лица и с неослабным вниманием «фильтруя базар», когда все-таки открывал рот не для того, чтобы что-нибудь в него положить, — кусочек буженины, например, или тарталетку с икрой, — а для того, чтобы сказать слово или два и не пугать семью своим мрачным, ничего хорошего не предвещающим молчанием. В конце концов, никто здесь ни в чем перед ним не виноват, а некоторые и вовсе помогали ему весь день чем могли. Так что пугать и обижать их было не за что. Разве что за отсутствие такта: могли бы и сами сообразить, в каком он находится состоянии. Но, как всегда, Бармин находил множество причин оправдать их всех вместе и каждого в отдельности и, несмотря на усталость, — большей частью от боли, чем от физических усилий, — и раздражение,

наверняка вызванное падением уровня сахара в крови, думал прежде всего о них, о членах своей нежданно-негаданно возникшей семьи, а не о себе любимом. Одни соскучились, другие еще не отошли от шведских приключений, а третьи, и вовсе, оказались на чужбине, в чужом доме, среди незнакомых или малознакомых людей. И еще немаловажный момент. Варвара все еще не отошла от встречи с Мареной, — опыт, что и говорить, не из легких, — Ульрика желала примирения и, судя по всему, не знала, как подступиться к этой щекотливой теме, и, наконец, все пять его жен и *«примкнувшая к ним»*[13] Варвара мучились сейчас вопросом, как бы попасть к Ингвару в постель, не вызвав этим скандала со всеми остальными сестрам-конкуrentками. Бармин все это отлично понимал и, вспомнив давешний разговор с Варварой по поводу того, «кто выбирает и кого», решил взять быка за рога. Покончив со своим по необходимости более чем плотным ужином, Бармин ополовинил бокал с чудесным красным вином и перешел к делу:

— Спасибо за компанию, дамы и господа! — сказал он, обводя сотрапезников взглядом. — Устал сегодня, как собака, и чую, не я один. Впрочем, день еще не закончен и мне надо переговорить тет-а-тет с тобой, Дарена, — улыбнулся он своей вставшей на путь исправления молодой жене, — и с тобой, Ульрика.

Ульрике он тоже улыбнулся. Пора было заканчивать порядком затянувшийся «семейный» конфликт. Все-таки первая жена, как ни крути, да и вообще — жена.

— Но перед этим, — добавил Ингвар, вставая из-за стола, — мне бы хотелось коротко переговорить с тобой, Варвара. Так что получается у нас по плану, три коротких разговора, три встречи по четверть часа каждая в моем кабинете. А затем, я предполагаю лечь спать и хотел бы пригласить тебя, Еля, составить мне компанию. Это все, дамы и господа. Спокойной ночи!

[1] Цитата из популярного в СССР фильма «Берегись автомобиля».

[2] Чтилище — то же, что идол, истукан, кумир.

[3] Хоф (др. — сканд. hof) — существительное, использовавшееся северными язычниками для обозначения храма. Хофы находились в частном владении и во главе них стояли ховгоди.

[4] Хофгоди — скандинавский языческий жрец.

[5] Хёрг — в северном язычестве тип религиозной постройки или алтаря, предположительного представлявшего собой груды камней. Хёрг может переводиться как храм, святилище, место для подношений, алтарь или место поклонения.

[6] Катехизис — изложение основ какого-либо знания, чаще всего вероучения какой-либо религиозной конфессии или учебник с изложением этого знания или вероучения. Катехизис обычно изложен в виде вопросов и ответов.

[7] Литургия — синоним слова «богослужение».

[8] Ве — тип святилища или отгороженной священной территории в скандинавском язычестве.

[9] Хель — дочь Локи. Царица царства мёртвых, хозяйка подземного мира. Соответствует славянской Маре (Морана, Марена). Мара у славян — повелительница мира мёртвых, богиня зимы и смерти.

[10] Каменные бабы — антропоморфные менгиры, каменные изваяния высотой от 1 до 4 метров, изображающие воинов, иногда (до 70 % среди половецких изваяний) женщин, установленные в южнорусских степях, а также родственные им каменные изображения в степях Алтая, Тувы, Казахстана, Азербайджана и Монголии.

[11] Тур, или первобытный бык, или первобытный дикий бык, или европейский дикий бык парнокопытное млекопитающее из рода настоящих быков семейства полорогих. Один из прародителей современного крупного рогатого скота. В нашей истории был практически полностью истреблен к 15–17 векам. К 1400 году туры обитали только в относительно малонаселённых и труднодоступных лесах на территории современной Польши, Белоруссии и Литвы.

[12] Фраза "Все в сад" была неоднократно произнесена в советском телевизионном фильме "Трое в лодке, не считая собаки. Звучала эта знаменитая фраза из уст одного из троих друзей Харриса.

[13] Люди старшего поколения легко поймут ироничную отсылку Бармина к истории СССР. Для всех остальных следует пояснить, что на июньском 1957 г. Пленуме ЦК КПСС были выведены из ЦК и Политбюро некоторые видные деятели Партии и Правительства. В оригинале: «Осудить (...) фракционную деятельность антипартийной группы Маленкова, Кагановича, Молотова *и примкнувшего к ним Шепилова*». Имеется в виду секретарь ЦК КПСС Дмитрий Трофимович Шепилов (1905–1995), который на этом Пленуме поддержал Молотова, Маленкова, Кагановича, Первухина и Сабурова, открыто выступивших против лидера партии Никиты Хрущева.

Иносказательно: о человеке, случайно попавшем в чью-то компанию и пострадавшем от этого (шутл. — ирон.).

Глава 3(2)

— Ты ведь поняла, чем я весь день занимался? — спросил Бармин, когда они с Варварой остались наедине.

— Хель, — чуть прищурилась женщина, располагаясь в кресле напротив письменного стола, — это псевдоним Марены?

— То, что ты умная, не нуждается в подтверждении, — усмехнулся в ответ Ингвар. — Но об этом, не об уме, а о Марене знаем пока только мы вдвоем, да Елена. Всех остальных моих жен поставим в известность позже ...

— Я чужая жена, али забыл? — не удержалась женщина от комментария на болезненную тему.

— Не сбивай меня с мысли! — нахмурился Бармин, которого и самого немало раздражало нынешнее положение дел, однако он знал, как знала, впрочем, и Варвара, что лучше так, чем никак, потому что других вариантов судьбой и обществом не предусмотрено.

— Вернемся к богине, — сказал, сделав мысленно пару вдохов и выдохов. — О Марене никому пока ни слова, даже им. Вот принесут присягу, явятся пред ее светлые очи, тогда... тогда, наверное, придет время кое-что объяснить, и кое-что сказать вслух.

— Наверное? — задала было вопрос женщина, но сама же на него себе и ответила:

— Не объясняй! Сама все понимаю.

Бармин молчал, ожидая продолжения, а Варвара между тем открыла стоящую на столе сигаретницу и взяла из нее черную Vogue, их Ингвар держал специально для своих женщин.

— Семейная тайна, — констатировала Варвара очевидное и только после этого прикурила, создав в воздухе перед сигаретой крошечный клочок жаркого пламени, возникшего из неоткуда и тотчас канувшего в никуда. — Убедил. Молчу.

— На днях снова пойдем вниз, — сменил тему Ингвар.

— Жертвоприношение, — подтвердила Варвара, — я помню.

— Справишься? — Бармин был искренно обеспокоен, и настроения своего не скрывал.

— Есть другой способ? — криво усмехнулась Варвара.

— Нет, — покачал он головой, — увы, но другого способа нет.

— Жаль, — дернула губой женщина, — но делать нечего, — пыхнула она табачным дымом.

— За меня не бойся! — добавила вдогон. — Жертву принесу, не маленькая. И все, что положено, сделаю, как следует. Я твою книжку, к слову, уже прочла. Как раз сегодня днем читала. Так что знаю уже, что и как.

— Ну, раз знаешь, тогда на сегодня все.

В конце концов, Бармин тоже закурил, уступил мимолетному желанию, возникшему при виде пускающей дым Варвары. Курила она красиво, можно сказать вкусно, и устоять перед таким соблазном оказалось по-настоящему тяжело. Но Бармин даже не стал ему противиться. Зачем, если имеешь возможность потакать своим слабостям. Хотя бы иногда. Тем более, наедине с Варварой.

— Не все, если позволишь, — ответила женщина на последнюю его реплику.

— Что значит, позволю? — обиделся Бармин. — Когда это я тебе чего-нибудь не позволял? Ближе тебя у меня никого нет и вряд ли когда-нибудь будет.

— Честно? — подняла Варвара узкую бровь.

— А что, есть сомнения? — усмехнулся Ингвар, любясь своей валькирией.

— Нет, но...

— Что «но»?

— Вдруг разлюбишь...

— Совсем с ума сошла?! — возмутился Ингвар.

— Прости! — сдала назад Варвара. — Мы женщины бываем непоследовательными и излишне мнительными.

— *Они*, — подчеркнул Бармин голосом выбранное им местоимение, — пусть такими и остаются, непоследовательными и мнительными. А ты не смей во мне сомневаться. Никогда и ни в чем! Но ты, кажется, хотела говорит со мной о чем-то другом?

— Именно так, — подтвердила Варвара, даже не пытавшаяся скрыть удовольствия, вызванного его словами. — Надо бы утешить Дарену, она из кожи вон лезет, чтобы заслужить твое прощение.

— Так я же ее уже простил! — удивился Бармин. — И, вообще, с чего это ты взялась за нее хлопотать?

— Она ребенок...

— Уже нет, — улыбнулся на ее слова Бармин.

— Не будь дураком! — поморщилась Варвара.

— Ладно, не обижайся! — отмахнулся Ингвар. — Я ее как раз для того и позвал сегодня, чтобы похвалить. Она хорошо действовала во время боев, и на хозяйстве себе неплохо показала. Титул ей в награду подарю. Что еще-то? НА вообще, ей надо учиться боевой магии и подтянуть физическую форму. Случись снова война, папенькиных гридей под рукой может не оказаться, и что она, тогда, станет делать? Должна соответствовать.

— Ты прав, — согласилась Варвара, — и ты ей это скажешь. Мария обещала ее подтянуть. Можешь сказать об этом Дарене, ей будет приятно узнать, что ее не отталкивают. Но всего этого мало.

— Что еще? — не понял Бармин.

— Надо девочку приласкать по-настоящему и показать ей небо в алмазах. Я знаю, ты умеешь. Теперь пришла ее очередь узнать.

«Небо в алмазах? Серьезно? — Бармин был удивлен, если не сказать большего. — Я не сплю?»

— Хорошо, — сказал он вслух, приняв пожелание сестры, как есть, без комментариев. — Как-нибудь на днях... Обязательно!

— Не откладывай на завтра то, что можно сделать сегодня!

— Сегодня я позвал Елю! — развел руками Ингвар. — Проявил инициативу. По твоему, между прочим, совету.

— Значит, Дарена придет к тебе вместе с Леной, только и всего.

— Аря, — покачал головой Бармин, вполне оценив и слова Сестры и заложенный в них смысл, — ты случаем ничего не перепутала? Лена — не ты, а Дарена — не Мария! Вряд ли у нас что-нибудь получится.

Однако Варвара сдаваться не собиралась.

— С Елей я договорюсь, — огорошила она Ингвара, сказав об этом, как о чем-то сам собой разумеющемся. — Мы с ней такую возможность уже пару раз обсуждали. Ну, не то, чтобы речь шла именно о Дарене, но теоретически этот вопрос среди твоих жен обсуждался,

и я знаю, что Елена, в принципе, не против. Сама сказала, что хочет попробовать. Так что ее, я думаю, даже уговаривать не придется. Надо только, чтобы ты проявил настойчивость и уговорил Дарену. Придут вместе, проведут с тобой ночь, считай, она у тебя в кармане! Купил на корню.

— Звучит соблазнительно... — должен был признать Бармин, которому чем дальше, тем больше нравилось пользоваться «удобствами» полигамии.

— Скажешь, тебе не понравилось со мной и Машей? — не поняла его Варвара.

— Вы другие! — возразил Бармин, сообразив, что они все еще обсуждают характеры и привычки.

— Они тоже изменятся, — пожала плечами Варвара. — Надо только дать им шанс...

— Ты уверена, что Дарена готова к подобного рода экспериментам?

— Она женщина!

— Это не довод! — Бармин еще не забыл, как впервые выполнил с Дареной свой супружеский долг. Потом, правда, их отношения несколько изменились к лучшему, но именно что — несколько. Сказать, что их интимная жизнь стала похожа на нечто заслуживающее называться «нежностью и страстью», было бы преувеличением. Близость — да, но, увы, без должного пыла и энтузиазма с ее стороны, хотя он, видят боги, старался.

«Не изо всех сил, но все-таки, все-таки...»

— Это довод, да еще какой! — продолжала между тем Варвара. — Она молодая красивая женщина, к тому же, видит Лофн[1], не семи пядей во лбу. Дело за тобой, Инг! Неужели ты не сможешь совратить этого ребенка? Раскрутить ее на разврат и показать, что в постели можно делать гораздо больше того, о чем она уже знает?

«Вот даже как...»

— А теперь скажи-ка мне правду, — улыбнулся Бармин, сообразивший, откуда дует ветер. — Ты рассказывала остальным про то, как «хорошо это делать втроем»?

— Я не рассказывала. Только на вопросы отвечала. А хвасталась, между прочим, наша княгиня Полоцкая.

— То есть, фоном к твоей просьбе идет желание моих жен попробовать себя в тройничке? Я прав?

— Прав, — подтвердила Варвара, ничуть не смутившаяся от его слов, — я тебе только что сама об этом сказала. Обсуждали. Чисто теоретически, но обсуждали и не раз.

— Кто конкретно?

— Все конкретно.

— Но есть же, наверное, личные предпочтения? — решил уточнить Бармин, которому идея, на самом деле, понравилась.

— Еля хотела бы со мной, а Ольга с Марией, но они открыты для предложений, Инг, и сегодня есть отличный повод, чтобы опробовать новую модель отношений, и заодно приблизить к себе Дарену, сделав девочку по-настоящему счастливой, а значит, довольной жизнью и преданной тебе лично, как супругу и господину.

— Интересный ты человек! — признал Ингвар, выслушав сестру.

— Я просто реалистка, — пояснила Варвара свою позицию. — Мне война со всеми твоими женами не нужна. С некоторыми, кстати, тоже. И, если уж мы об этом... Не знаю, что тебе сделала Ульрика, но думаю, что ты ее уже достаточно проучил. Пора мириться!

— Именно за этим я ее и позвал, — кивнул Бармин, соглашаясь. — Не нужна нам война в доме. Сегодня же попробую заключить мир и установить между нами доброе согласие.

— Ну, ну, — покивала Варвара на эти его слова. — Бог в помощь!

— Который из них? — улыбнулся Ингвар.

— Любой, — улыбнулась в ответ женщина, — и все вместе!

Как ни странно, но уболтать Дарену на секс втроем оказалось гораздо проще, чем представлялось заранее. Возможно, на Бармине, и в самом деле, лежало благословение богини, но все у него с бывшей «строптивой» женой получилось легко и просто, словно так и должно быть. А надо было всего лишь похвалить юную женщину, выказав благодарность за своевременно продемонстрированные ею мужество и решимость, передать грамоты на титул посадницы Себежской и Идрицкой, обнять за плечи и прижать к себе, для чего пришлось ее посадить к себе на колени, — слишком большой была разница в росте, — поцеловать в губы, да не кое-как, а так, как надо: долгим поцелуем до потери дыхания, если и вовсе не сознания. И, разумеется, погладить по разным в той или иной степени заповедным местам, высказав при этом вполне уместное восхищение ее божественной красотой. В разговорах про мужество и решительность содержалось, как и следовало ожидать, подходящее случаю художественное преувеличение. Поцелуй, однако, получился весьма возбуждающим и уж точно многообещающим, а все выпуклости и узости, до которых добрались его жадные руки, были, — о чем Бармин, впрочем, уже знал, — просто восхитительны, но главное — Дарене эти его «упражнения в прекрасном» настолько понравились, что она сама уже не хотела останавливаться на достигнутом. Но, увы, по объективным причинам сделать это здесь и сейчас представлялось затруднительным, и тогда, видя на лице молодой жены выражение горького разочарования, Бармин предложил ей продолжить прерванный приступ «страсти и нежности» несколько позже, но зато уже в его постели. Дарена приняла эту идею с неподдельным энтузиазмом и благодарностью к мужу за проявленную им чуткость, но уже через мгновение впала в уныние, вспомнив, что сегодня к Ингвару должна прийти Елена.

— Приходите вместе! — предложил тогда Бармин.

— Как это вместе? — опешила юная женщина.

— Как Варвара и Мария, — напомнил Ингвар. — Только не говори, Дара, что не знаешь, о чем я говорю. Я точно знаю, что вы этот казус обсуждали на девичниках, и не раз.

— Обсуждали, — вынуждена была признать Дарена. — Знаю... Но... Ты уверен, что Еля согласится?

«Ну, надо же! — восхитился мысленно Бармин. — То есть, если Лена не против, то принципиальных возражений у тебя, моя радость, нет? Умереть не встать!»

— Лену я беру на себя! — пообещал Бармин. — Значит, придешь?

— Если ты хочешь...

— Я хочу! — решительно подтвердил Ингвар, и даже добавил для усиления эффекта:

— Очень сильно!

— А ты уверен, что это не разврат? — Еще одна робкая попытка отступить на исходные позиции, но Бармин уже ковал железо, пока оно не успело остыть.

— Ну, конечно же разврат! — воскликнул он, залезая Дарене в трусы. — Все, что происходит между мужчиной и женщиной в постели... ну, или еще где... — погладил он ее по задку, — это разврат в глазах одних людей и любовь — в глазах других. Но мы-то с тобой не какие-нибудь замшелые тетеньки и дяденьки, ханжи и ретрограды! Мы молоды, Дара, и должны получать от жизни максимум удовольствий.

— Думаешь...

— Знаю! — поставил Бармин точку в несколько затянувшихся колебаниях супруги. — Сегодня. Вместе с Леной. Часов в одиннадцать.

— Хорошо! — отвела взгляд женщина. — Но с Елей ты поговори сам!

— Договорились! — подытожил Бармин, и Дарена, пунцовая от смущения, но при том буквально сияющая глазами, покинула его кабинет.

А еще через несколько минут дверь открылась снова, пропуская в кабинет Бармина его первую и пока отнюдь не любимую жену. Одета она была в длинную, до щиколоток, юбку из темно-зеленого бархата и длиннополый велюровый жакет серого цвета, серые же кожаные сапожки на среднем каблуке, словно принцесса собралась на прогулку, и бежевый обтягивающий свитер гольф из тех, какие в молодости Бармина назывались водолазками. Почти без украшений, не считая колец и сережек, с самой что ни на есть простецкой прической — конский хвост.

— Стесняюсь спросить, что тут произошло, — начала разговор Ульрика, — но, если это то, о чем я подумала, то почему так быстро?

— Тут, дорогая, произошел разговор по душам, — улыбнулся Ингвар, вставая из-за стола.

— Дорогая? — Ульрика специально умерила шаг, позволяя Ингвару встретить ее на полпути.

— Есть возражения? — Бармин взял ее за плечи, притянул ближе, почувствовав упругое прикосновение полной груди, заглянул на мгновение в расширившиеся от удивления зеленые зрачки и поцеловал Ульрику в губы. Жестко, настойчиво, по-хозяйски или, скорее, по праву сильного. И женщина, что любопытно, подчинилась. Не сразу, — взяло пять-шесть секунд, никак не меньше, — но все-таки расслабилась в его руках, отдаваясь на волю мужчины. А спустя еще немного времени еще и ответила на поцелуй, но скорее с нежностью, чем со страстью, покорно, но не требовательно.

«Умеет, когда хочет, — усмехнулся мысленно Бармин. — Посмотрим, может быть у нас все еще как-нибудь образуется».

— Многообещающее начало, — несколько смущенно, констатировала Ульрика, когда Бармин оторвался от ее губ.

— Хочешь продолжить? — прямо спросил тогда Ингвар, не выпуская ее из объятий.

— Хочу, — неожиданно просевшим и враз охрипшим голосом ответила женщина.

И тогда Бармин несильно, но вполне осмысленно нажал ей на плечи. Секунду или две она не двигалась, но затем начала медленно опускаться вниз, не разрывая, однако, зрительного контакта. Игорь Викентиевич теоретически понимал, разумеется, отчего, когда речь идет о женщине, взгляд снизу-вверх так возбуждает мужчин, но реально, — а не в теории или фантазии, — по-настоящему испытал это чувство впервые. Моментом слабости можно было считать лишь голос ревности, напомнивший Бармину, что такие умения сразу вдруг не усваиваются и на пустом месте не возникают. Для них нужна практика. Однако наваждение, и в самом деле, длилось всего лишь одно краткое мгновение, поскольку женщине, которая сейчас опустилась перед ним на колени, было тридцать шесть лет, а невинность, если верить одной случайной обмолвке Ульрики Катерины, она потеряла в пятнадцать. И было бы странно предполагать, что любовник, от которого она родила свою Сиф, был ее единственным мужчиной за все эти двадцать лет активной половой жизни. А то, что она была активной, и к гадалке не ходи! Мастерство не пропьешь! Но, разумеется, ни о

чем подобном Ингвар в тот момент не думал. Он был заморожен взглядом женщины, а его возбуждение нарастало так стремительно, что еще немного и хозяйство Ингвара перестало бы помещаться в штанах. Однако Ульрика успела их расстегнуть прежде, чем брюки начали лопаться по швам. И да, она оказалась по-настоящему опытной женщиной, потому что во всем, что она делала, отличная техника сочеталась с ясно выраженным желанием доставить Бармину максимальное удовольствие. Впрочем, не только ему, но, как вскоре выяснилось, и себе любимой тоже.

Вообще-то, Бармин всегда интуитивно полагал фелляцию[2] чисто мужским спортом, считая, что минет по определению не может доставлять женщине то же наслаждение, какое испытывает от этого мужчина. Впрочем, одна из его пациенток заметила как-то, объясняя свои непростые отношения с супругом, что ее удовольствие от орального секса сродни животному восторгу от того, что «он внутри меня». То, что называется "так бы и съела!" Это все к тому, что или вопреки мнению мужчин, женщины все-таки способны испытывать оргазм даже тогда, когда берут, а не дают, или, что вероятнее, герцогиня Сконе завелась сейчас по-настоящему, то есть, не по-детски, и желала поглотить Ингвара целиком, как того слона — всего, начиная с хобота.

Впрочем, на самом деле, не суть важно, что лежало в основе ее «воодушевления». По факту, сосала она виртуозно и доставила Бармину море удовольствия, не оставив при этом неприятного чувства, что он ее попросту использовал. А такое у него в прошлом иногда случалось именно во время минетов. С одной стороны, Игорю Викентиевичу был приятен сам факт мужского доминирования, — один взгляд снизу-вверх чего стоит, — но с другой стороны, секс без взаимного удовлетворения всегда имел для него оттенок разочарования. Поэтому в прошлой своей жизни он никогда не спрашивал у своих партнерш, имитируют ли они во время секса оргазм. Стонут, и слава богу, а то стыдно как-то получать удовольствие за чужой счет. Возможно, это была его личная слабость, как мужчины, а Бармин стремился изживать свои прежние слабости в этой новой жизни. Однако, так или иначе, но внезапная импровизация, на которую он сподвигнул свою первую жену, не просто ему понравилась, она доставила ему удовлетворение в полном смысле этого слова.

— Вот даже не знаю, что сделать сначала, — сказал он вслух, взяв Ульрику за плечи и поднимая ее с колен, — штаны застегнуть или тебя с пола поднять?

— Решение принято в мою пользу, — улыбнулась кронпринцесса и медленно с неподражаемым изяществом облизала губы. Глаза ее при этом сияли именно так, как и должно быть после хорошего секса.

«Счастливая натура? — спросил себя Ингвар. — Возможно, мне просто повезло!»

— Это точно, — ответно улыбнулся Бармин, поправляя и застегивая брюки. — В твою пользу, ибо ты вне конкуренции.

— Значит, мир? — Заглянула она ему в глаза.

— Я позвал тебя именно затем, чтобы прекратить конфликт, — не стал скрывать Ингвар.

— И минет был запланирован, как акт примирения на твоих условиях? — уточнила Ульрика, балансируя между удовлетворением и разочарованием.

— Чистая импровизация, — откровенно признался Бармин. — Само как-то вышло, и я тебе, Рикке, благодарен не только за то, что это был лучший минет в моей жизни, но и за то, что подыграла.

— Значит, понравилось... — усмехнулась женщина, по-видимому, вполне

удовлетворенная его ответом. Усмешка получилась до крайности соблазнительная, но на сегодня им было уже достаточно.

— А разве могло не понравиться? — «удивился» Ингвар. — Ты великолепна, Рикке... когда не делаешь глупостей.

— У нас все может быть хорошо? — не констатация факта, а вопрос. При том очень важный вопрос.

— С чего бы стало иначе? — Вопросом на вопрос ответил Бармин. — Ты красивая женщина, Рикке. Вполне в моем вкусе. И секс с тобой, я думаю, не скоро превратится для меня в рутину. Для тебя, надеюсь, тоже. Между нами нет любви, это факт, но ничто не мешает нам для начала просто подружиться. Как считаешь, можем мы стать искренними друзьями?

— Если закрыть глаза, можно подумать, что ты старше меня, — словно бы, невпопад ответила Ульрика.

— Жить с закрытыми глазами довольно затруднительно, — покачал головой Бармин. — Но ты не ответила на мой вопрос.

— Да, нет, Ингвар, ответила.

— То есть, ты готова признать меня старшим, — сформулировал Бармин то, что, по его мнению, должно было быть произнесено вслух, — я правильно тебя понял?

— Да, Ингвар, — сейчас она уже не улыбалась, а смотрела на него с самым серьезным выражением лица, — ты главный, и это не обсуждается. Я, собственно, за тем к тебе и шла, чтобы помириться. Обрадовалась, если честно, когда ты меня позвал. Даже подарок с собой захватила. Все никак не получалось тебе ее отдать, а тут такой удобный случай.

— Кого ее? — не понял Бармин.

— Варвара сказала, что у тебя все еще нет ни одной наложницы, — объяснила женщина, говоря о пласаже[3], как о чем-то само собой разумеющемся, естественном а, значит, не безобразном. — Вот я и хотела тебе подарить первую наложницу. Но в Гетеборге все было как-то не с руки, и здесь сегодня тоже. Только приземлились, а ты уже убежал по делам.

О том, что Бармин убежал не один, а с Варварой, кронпринцесса благоразумно промолчала, зачем снова нарываться на неприятности, если сама сказала, что пришла мириться?

— Красивая? — поинтересовался Ингвар, просто чтобы не молчать. На самом деле, он все еще переваривал слова своей первой жены.

Наложницы являлись в империи явлением настолько обыденным, что даже обсуждать, вроде бы, нечего. Есть законные жены, которых может быть больше одной, — до семи у язычников и максимум до трех у представителей авраамических религий, — и есть наложницы, часть из которых являются скорее содержанками и конкубинами, тогда как другая часть — настоящие наложницы-рабыни. При этом общественная мораль и закон воспринимают институт наложниц, как должное. Аристократ не имеет возможности жениться на крестьянке или мещанке, — во всяком случае, не может сделать этого без скандала и утраты статуса, — но зато может иметь такую женщину в качестве своей конкубины или, другими словами, легальной любовницы. Совсем по-другому обстоит дело с холопками или купленными, — легально или нет, — рабынями. Эти женщины могут быть только наложницами в самом простом, первоначальном смысле этого слова. Все это Бармин успел узнать за то время, что прошло с его появления в этом мире и в этом теле, но сказать, что он свыкся с идеей эдакого изошренного пласажа, было бы явным преувеличением.

— Красивая? — спросил он супругу, пожелавшую преподнести ему такой странный свадебный подарок.

— На мой взгляд красивая, — пожала плечами Ульрика. — Надеюсь, тебе тоже понравится. Позвать?

«О времена! О нравы!»[4] — покачал он мысленно головой.

— Не надо! — остановил Бармин жену. — Успеется. Сейчас поговорим о более важных вещах. Ты слышишь замок?

— Слышу, когда прислушиваюсь, но не могу понять ни слова. Знаешь, будто человек за стенкой говорит. Голос слышно, а слов не разобрать. Но общее настроение уловить можно.

— И какое оно?

— В целом благожелательное, — объяснила женщина. — Еще иногда проскальзывает любопытство. Это все.

— Знаешь, кто из богов благоволит Менгденам?

— Раньше думала, что Джевана[5], — покачала головой Ульрика, — но сегодня ты целый день был занят кумирами Хель, и сейчас я не знаю, что и думать. Богиня мертвых? Серьезно?

— Позволь мне не отвечать на твой вопрос, — взглянул Ингвар в глаза женщине. — Пусть все пока так и остается. Придет время мы это с тобой обсудим, и ты поймешь, в чем тут дело. А сейчас расскажи мне про наложницу.

— Может быть, лучше ее позвать?

— Сначала слова, — усмехнулся Ингвар, — картинка потом.

— Слова? — переспросила принцесса. — Что ж, изволь. Зовут Петра, ей шестнадцать или семнадцать лет, точнее не выяснить. В Швецию попала по цепочке перепродаж из американских колоний, откуда-то с юга. Возможно, из Луизианы. Точнее не скажу. Я перекупила ее у хозяина дорогого борделя в Стокгольме. Не девственница, как ты понимаешь, зато красавица, хорошо обучена своему ремеслу, и не потеряла способности к, скажем так, размножению. То есть, детей рожать может, но пока не рожала. Что-то еще?

— Долго она была проституткой? — поинтересовался Ингвар, немало удивленный выбором своей жены. Он-то думал, что речь идет о какой-нибудь лично свободной, но бедной девушке или, на худой конец, о крепостной крестьянке самой принцессы. И того, что это может быть рабыня, да еще и проститутка, никак не предполагал.

— В Швеции она около полугода, — продолжила между тем Ульрика. — Как раз успела немного выучить шведский и норн. Говорит пока плохо, понимает — лучше. Родной язык — какой-то американский диалект английского, но, если знать классический английский, понять ее можно. Во всяком случае, я понимаю. Что-то еще?

— Ах, да! — вспомнила на ходу. — Она смешанных кровей, но, кажется, обошлось без негров и китайцев. Отец, вроде бы, наполовину маори. Уж не знаю, каким ветром его занесло в Америку, а мать квартеронка с примесью индейской крови. Это все, что она знает. Ну, или говорит, что знает. Фамилии у нее не было, поэтому я записала ее, как Петру Свэг. Свэг — это мое имение на озере Свэгсшён. Теперь точно все! Позвать?

— Подожди! — остановил Бармин Ульрику, направившуюся было на выход. — А что я буду с ней делать?

Вопрос получился так себе, и ответ был ожидаем, — «То же, что и со мной», — хотя Ингвар имел в виду нечто иное.

— Я имел в виду, где она будет жить, на каких основаниях и все прочее в том же роде.

— Об этом можешь не беспокоиться, — успокоила его кронпринцесса. — Я говорила с твоим кастеляном. Мажордом уже распорядился. У Петры будет своя комната в Южном флигеле, где живут слуги, относящиеся к первой категории. Так что в бытовом плане, — жилье, еда и прочие услуги, — все у нее в порядке и, поверь, условия ее жизни явно улучшились по сравнению с тем, как она жила раньше. Ну и я, разумеется, прослежу, чтобы твоя наложница ни в чем не нуждалась. Надо бы ее приодеть и вообще... Она конечно шлюха, но теперь это твоя шлюха, Инг. Ну, так что, позвать?

С того момента, когда Бармин впервые узнал про бытующее в этом мире рабство и про узаконенную торговлю людьми, прошло уже достаточно много времени, и он не то, чтобы привык к этому дерьму, но вынужден был принять ставшие ему известны факты к сведению, поскольку жил теперь в довольно-таки противоречивом и отнюдь не идеальном мире. Здесь действительно творились ужасные, вызывающие омерзение вещи, в особенности неприемлемые в глазах человека из двадцать первого века той реальности, где с рабством, в целом, было покончено еще в девятнадцатом столетии. Впрочем, Игорь Викентиевич, не мог с уверенностью утверждать, что эта новая реальность намного хуже той, в которой он прожил едва ли не семьдесят лет своей первой жизни. Людьми, если быть честным перед самим собой, торговали и в его прежнем мире. Возможно, не настолько откровенно и не в таких масштабах, как здесь, но тем не менее, торговля живым товаром процветала даже в тех странах, которые позиционировали себя в качестве образцов демократии и борьбы за права человека. В Англии, в Германии и в тех же США. Разумеется, полиция и прочие фэбээры с этим явлением активно боролись, — даже кого-то арестовывали и судили, — но как-то так получалось, что искоренить это зло никак не могли. Однако дело не только в работорговле, имелись, увы, и другие различия. В мире Ингвара Менгдена не случилось, например, ни одного полноценного геноцида, и двух мировых войн с десятками миллионов убитых тоже не произошло. Войны, естественно, велись и здесь, — как без них! — но их масштабы были совсем другими. Так что, весь негатив сводился, по сути, к крепостному праву и работорговле.

«Может быть попробовать устроить здесь революцию? — мрачно усмехнулся Бармин. — Должны же здесь быть какие-нибудь коммунисты, или магия не совместима со всепобеждающим учением Маркса и Ленина?»

Впрочем, он знал, что ничего из этой затеи, к сожалению, не получится, потому что один в поле не воин, а он здесь и сейчас именно, что один. Но вот облегчить жизнь конкретных людей, типа той же госпожи Ивановой, занимающейся его финансами, или этой вот его первой наложницы, вполне в силах Бармина. Он хозяин, его право!

А Петра Свег, к слову сказать, и в самом деле, оказалась экзотической красавицей. Тоненькая девушка-подросток, невысокая, с точеной фигуркой и неожиданно большой для ее параметров грудью — на взгляд Бармина, где-то между вторым и третьим размером, — и в довершении образа изящная головка юной Нефертити, смуглая кожа, пышные темно-каштановые волосы и янтарные глаза.

[1] Лофн, или Ловн (Lofn — «утешительница» или «любящая») — в скандинавской мифологии добрая богиня-асинья, которая освящает браки между людьми.

[2] Если кто еще не знает, фелляция — это минет или, говоря по-научному, разновидность орального контакта, вызывание полового возбуждения воздействием ртом и языком на половой член партнера.

[3] Пласаж — общепризнанная негласная система культурных взглядов и норм, которой

подчинялись отношения между мужчинами и женщинами в патриархальных колониальных сообществах Новой Франции: белые мужчины брали в официальные жёны белых женщин, но при этом могли одновременно содержать одну или несколько цветных любовниц, которые не были проститутками, а являлись скорее *наложницами-конкубинами*, так как оставались верны своему господину до его смерти и даже имели от него официально признанных детей (которые, однако, имели меньше наследственных прав, чем законнорождённые дети).

Конкубинат — в древнем Риме незамужняя женщина низшего сословия, находившаяся в сожительстве с мужчиной. Такое отношение, называемое в Римском праве конкубинатом (лат. *concubinatus*), не было зазорным, но было лишено всех прав, какие имел законный брак.

[4] *O tempora! O mores!* (с лат. — «О времена! О нравы!») — латинское крылатое выражение.

[5] Девана или Джевана — в западнославянской мифологии богиня, покровительница зверей и охоты. Юная, прекрасная и бесстрашная богиня, Девана, была весьма почитаемая народами, промышлявшими охотой и звероловством.

Глава 4 (1)

1. Двенадцатое декабря 1983 года

Дни с восьмого по двенадцатое декабря пролетели, как экспресс мимо глухого полустанка. Громко, ярко и быстро. Было много суеты, — новые люди, их охрана, расселение и обустройство в замке, не говоря уже о притирке между «старожилами» и «новоселами», — немного выяснения отношений, как всегда бывает в *большой и дружной семье*, и дофига работы, которую мог выполнить только он сам, поскольку есть проблемы, решение которых просто некому передоверить. В общем, Бармин крутился, как белка в колесе, и между делом успевал помирить рассорившихся «девочек и мальчиков», утешить юниц, впавших в знаменитую северянскую меланхолию, обострявшуюся обычно поздней осенью и зимой, и приласкать то одну, то другую из своих женщин. Но последнее только ночью и только по одной, ну, максимум по две за раз. Днем же было не до любовных утех, да и вообще, заниматься сексом в такой «тесноте», — любовница, пять жен и наложница, и все одновременно в одном замке, — Бармину было просто неловко, не говоря уже о прочем. Впрочем, все когда-нибудь заканчивается, завершился и этот заданный обстоятельствами и богиней-матриархом марафон, так что вечером двенадцатого декабря, сразу после ужина, Бармин собрал всех своих женщин, — пять жен и Варвару, — «на семейный совет» в Гобеленовой гостиной, выставил снаружи у дверей охрану со строгим приказом, «*никого до особого разрешения в помещение не впускать*», и перешел к делу, ради которого, собственно, и горбатился все прошедшие дни.

— Итак, дамы, — сказал он, обращаясь сразу ко всем, — сейчас мы все вместе отправимся в подземелье замка. Зачем, куда, и почему именно сейчас, пока неважно. Вопросы временно придержите при себе, я все равно здесь и сейчас на них не отвечу. Придем на место, я вам все объясню, а кое-что даже покажу. А теперь, вперед, и не отставайте!

Проигнорировав удивленные взгляды, Бармин отворил спрятанную за гобеленом потайную дверь, сделал всем присутствующим приглашающий жест, — типа «*следуйте за мной*», — и повел женщин в открывшийся в проход. В тайных ходах и переходах, пробитых внутри замковых стен, как и на винтовых лестницах, соединяющих между собой этажи и уровни, было темно, поскольку естественных источников света в подобного рода местах не предусмотрено по определению. Однако и сам Ингвар, и все его спутницы умели зажигать «холодный огонь» и, соответственно, не нуждались в электрических фонарях, факелах или зажженных свечах. Их «светляки», «лампы» и «лампадки» относились к простейшей базовой магии, и создавать их умели практически все одаренные. Различия касались, в основном, цвета, длительности и интенсивности свечения. Однако среди вошедших в лабиринт женщин не было ни одной неумехи. Все они, — даже Дарена, являвшаяся самой слабой из всех жен Ингвара, — были опытными, хорошо обученными колдуньями, и свет, едва вошли во тьму, зажгли все. И значит, видели они не только то, куда ноги ставить, но и то, где они находятся. А посмотреть здесь, кстати, было на что. Стены и своды коридоров и лестничных шахт были сложены из старинного клейменого кирпича и тесаного дикого камня. Однако кое-где виднелись замурованные боковые проходы и другие приметы многовековых изменений, вносившихся Менгденами в архитектуру Усть-Углы. В одном

месте им попала ржавая решетка на месте заложенного кирпичом окна, в другом — раннесредневековая скульптура, стоявшая в неглубокой полукруглой нише. Впрочем, встречались вещи и поинтереснее: разной величины осколки барельефов, пара сильно попорченных мозаик и остатки стенной росписи в стиле проторенессансных итальянских фресок. Все это вызывало у женщин неподдельный интерес, и они довольно живо, хотя и в полголоса обменивались впечатлениями по поводу увиденного. Однако, чем дальше углублялись они в сложный трехмерный лабиринт подземелий Усть-Углы, чем глубже забирались под землю, — а они, как и все прочие маги совсем неплохо определяли глубину, на которой сейчас находились, — тем меньше становилось разговоров и тише звучали женские голоса. Бармин же предпочитал молчать, лишь подбадривая время от времени своих спутниц или давая краткие пояснения, касавшиеся характера кладки и эпохи ее возникновения. Ему все это сообщал сам замок, но слышать Усть-Углу могли только он и Варвара. Так что приходилось «транслировать».

Шли небыстро, но все-таки до колодца Менгденов добрались где-то минут за сорок, и последние метров сто дались женщинам совсем нелегко.

— Жуть какая! — нарушила молчание Ольга, назвав вслух охватившее их всех чувство.

Бармин, разумеется, ничего такого не ощущал, Варвара — тоже, но вот остальные...

— Тянет ужасом, — поддержала Ольгу кронпринцесса Ульрика.

— Кошмар просто! — согласилась Елена.

— На войне не так страшно было, — добавила Мария своих «пять копеек».

Промолчала одна Дарена, она просто молча плакала и не могла выдавить из себя ни единого слова.

Госпожа! — обратился Бармин мысленно к богине-матриарху. — *Мы пришли и ждем твоего слова.*

Вижу, — практически сразу откликнулась Марена. — *Удачный выбор. Благословляю.*

Что дальше? — закономерный вопрос, поскольку протокол, кроме, разумеется, жертвоприношения, они с Мареной заранее не обговаривали.

Объясни им, как все здесь устроено, — разрешила богиня. — *Расскажи обо мне. Потребуй с них клятву, что сохраняют это знание в тайне.*

Клятву на крови? — уточнил Ингвар.

Не надо крови, — остановила его богиня. — *Пусть просто поклянутся, я сама запечатаю их уста.*

Это все?

Нет, — прозвучало коротко и властно. — *После клятвы пусть ждут здесь. Вниз возьмите с собой только шведку. Оставишь ее на дне колодца, где давеча ожидала тебя сестра, и приходите с Варварой в алтарный зал.*

Ну, что ж, теперь хотя бы стало ясно, что и в какой последовательности, ему делать.

— Успокойтесь все! — сказал он вслух. — Перестань плакать, Дара! Обещаю ничего плохого с вами здесь не случится, но придется немного потерпеть. Место это непростое, но это вы уже и сами поняли. Там внизу, — указал Ингвар себе под ноги, — в недрах земли находится Источник Менгденов. Тем, в ком не течет моя кровь, находиться здесь непросто. Ульрике несколько легче, чем остальным, из-за сродства магии. Мы оба с ней, как вы знаете, стихийные колдуны, но не только.

Бармин увидел, как встрепенулась кронпринцесса, испугавшаяся, верно, что Ингвар раскроет ее семейную тайну. Но он собирался сейчас обнародовать в ее присутствии не

менее важный секрет Менгденов, а потому чувствовал себя в своем праве. Тем более, что Марена обещала запечатать всем присутствующим уста, и секреты двух древних северных семей никуда дальше не пойдут.

— Не переживай, Рикке! — сделал он успокаивающий жест в сторону своей первой жены. — Здесь можно говорить обо всем, потому что клятвы, принесенные в этом месте, нерушимы. Итак, дамы, готовы ли вы поклясться здесь и сейчас, что все, услышанное и увиденное вами в этом месте, останется тайной?

— Мог бы и не спрашивать! — дернула губой Мария. — Это теперь и моя семья, между прочим. Клянусь!

— Я давно в курсе, — пожала плечами Варвара, — но, если требуется подтверждение прежних клятв, то вот мое слово: клянусь!

— Да, — всхлипнула Дарена.

— Требуется развернутый ответ! — подсказала ей Ольга. — Я, к слову, тоже клянусь!

— И я, — вторила ей Елена. — В смысле, клянусь!

— Клянусь, — наконец выдавила из себя Дарена.

— Клянусь, — закрыла вопрос Ульрика, не слишком уверенная, впрочем, что поступает правильно. Ей просто не оставили выбора, и она понимала это лучше других, поскольку, наверняка, уже догадалась, что здесь происходит сейчас на самом деле.

Я принимаю их клятвы, — «шепнула» Марена Бармину «на ушко», и по площадке, примыкающей к колодцу Менгденов, прошла волна знобкого холода.

— Ваши клятвы приняты, — сообщил Ингвар женщинам. — Их приняла богиня-матриарх рода Менгденов. И сейчас сообщает моими устами, что вы все приняты в семью.

— Богиня! — кивнула Мария. — Так я и знала, что с этим местом что-то не так! А батюшка мой знал?

— Скорее догадывался, чем знал, — высказал свое мнение Ингвар.

— Это Хель? — остро взглянула на него Ольга.

— Нет, Хельга, — покачал Бармин головой, — не Хель. Мы все же не скандинавы. У нас чуть-чуть другой пантеон. Это — Марена. Родоначальником семьи Менгденов в нынешнем ее виде является Ретвин Копье Богини — сын богини Марены, которого она родила от Бера Менгдена, завоевавшего эти земли и построившего свою крепость над древним Источником. Поэтому Менгдены считаются родом, благословленным богиней. Род Ульрики такой же, но их благословила другая богиня — асинья Вар. Мы, я и Варвара, встречались с ней в замке Роннебю слот. Между прочим, богиня вышла к нам не без причины. Вар просила за тебя, Рикке! Так что тебе есть для чего стараться.

— Что она вам сказала? — нахмурилась принцесса, явно, неприятно удивленная его неожиданным сообщением.

— Без обид, Рикке, — покачал головой Бармин, — но это строго между нами с Варварой и богиней. Я не могу передать тебе ее слова. Сама, должно быть, понимаешь.

— Понимаю, — тяжело вздохнула Ульрика. — Продолжай, пожалуйста.

— Да, я, собственно, уже все сказал, — пожал плечами Ингвар. — Добавлю только, что прийти сюда самостоятельно может только тот, кого признал Источник. На данный момент, это я и Варвара. Вопросы?

Вопросов не было. Вернее, они были, и было их много, но вот задавать их по-видимому не стоило. Все, что можно и нужно, Ингвар им уже сказал, а о том, о чем промолчал, спрашивать бесполезно. И это, похоже, понимали все присутствующие, даже недалекая, —

хотя и неглухая, — Дарена.

— А сейчас, милые мои, — обвел Бармин взглядом своих жен, — я должен спуститься вниз, — кивнул он на устье колодца. — Со мной пойдут Варвара и Ульрика. Остальным вниз нельзя, крыша может поехать, и есть высокая вероятность, что не выдержит сердце. Так что придется вам, дорогие мои, подождать нас здесь. Страшноватое место, что есть, то есть. Но лучше здесь, чем там, — указал он рукой в сторону колодца, — и оно того стоит. Я имею в виду пребывание вблизи места силы. Вы уж поверьте, без подарков не уйдете. На этой земле, я имею в виду все графство Менгден, покровительство Марены в критический момент может оказаться той соломинкой, что ломает спину верблюду. А оно у вас теперь есть, это покровительство. Впрочем, это не одноразовая акция, типа, пришел сюда, склонил колени, и все — дело сделано. Всем нам придется потрудиться, возрождая в графстве культ богини Марены. Статуи, которые мы нашли пять дней назад, переименуем, вернее, вернем им истинное имя богини, и начнем потихоньку почитать и восхвалять нашу защитницу, как того и требует долг.

— Ничего не имею против! — Как и следовало ожидать, Миа успела первой. Скорости ее реакции мог позавидовать любой. Ну, кроме самого Ингвара, разумеется.

— Будем ждать! — пообещала Ольга.

— Возродим, — заверила Елена. — Дай срок!

— Как скажешь, — хлопнула носом все еще не вовсе пришедшая в себя посадница Себежская и Идрицкая.

— Ну, вот и славно, — кивнул Бармин, принимая их обещания.

— Пошли! — позвал он Варвару и Ульрику, и, развернувшись, первым двинулся к колодцу Менгденов, показывая дорогу сопровождавшим его женщинам.

— Ты уверен, что здесь можно спуститься? — нарушила молчание Ульрика, когда Ингвар ступил на первую ступеньку лестницы — короткий каменный брус, торчащий прямо из стены, сложенной из гладко отесанных, покрытых колдовскими символами и рунами каменных блоков.

— А подумать? — не оборачиваясь, бросил он, делая следующий шаг вниз.

— Что это за место? — Бармин знал, кронпринцесса уже поняла, что спускаться придется в любом случае, а вот падать вниз, наоборот, не стоит. Высоко, и только боги знают, что ждет ее внизу.

— Это колодец Менгденов, — объяснил Ингвар. — Но для тебя, Рикке, это, в любом случае, пустой звук. Во всяком случае, пока.

— Держись за стену, — добавил, спустившись еще на пару ступеней. — Это неприятно, — от стен, и в самом деле, веяло ледяной стужей и инфернальным ужасом, — но, поверь, падать вниз куда хуже.

— Понимаю, — коротко ответила кронпринцесса и далее шла молча, только дышала так, словно карабкалась на Эверест.

Спуск получился долгим и мучительным, в особенности, разумеется, для Ульрики, и, отчасти так же для Варвары Менгден. Бармину тоже было не по себе, — такое уж это место, — но все-таки он приходил сюда не в первый раз, и кроме того, как стихийный маг, он был намного сильнее Варвары, а главное — являлся главой рода по праву крови, и благословение богини лежало именно на нем. Впрочем, трудно или нет, в конце концов, женщины все-таки достигли дна колодца, и тогда начался второй акт «Марлезонского балета».

Оставьте принцессу здесь, — приказала Марена Ингвару и Варваре. — Вы знаете, что делать. А я пока поговорю с «нашей Рикке».

Возможно, ему это только показалось, но в том месте, где речь зашла о «нашей Рикке», Бармину почудился отчетливый смешок. Это могло ничего не значить, но также могло кое-что означать. А что именно, иди знай. Богиню об этакой безделице не спросишь, и сама, наверняка, ничего не расскажет, даже если есть что. Бармин это уже давно понял и принял, как данность, и потому не забивал голову всякой ерундой.

— Тебе, Рикке, — сказал он, повернувшись к Ульрике, — богиня приказала оставаться здесь до тех пор, пока мы не вернемся. Обещаю, что ничего дурного с тобой в колодце Менгденов не произойдет, но, по правде говоря, будет туго. Тут уж ничего не поделаешь. Потерпишь?

— Сам же знаешь, что деваться некуда, — пожала плечами герцогиня Сконе. — Буду ждать вас здесь. Идите уже!

— Потерпи! — подошедшая к Ульрике Варвара, неожиданно для Бармина, обняла невестку и поцеловала ее в щеку. — Я здесь однажды тоже стояла, как ты сейчас, и, как видишь, жива-здорова. Все будет хорошо.

— Верю, — чуть поежилась принцесса. — Возвращайтесь быстрее, пожалуйста... Я буду ждать.

На этом и расстались. Рикке осталась стоять на дне колодца, — одна в жарком отливающем кровью мареве, буквально «выпивавшем» свет даже из довольно сильного «фонарь» кронпринцессы, — а Ингвар с сестрой прошли в Жертвенный коридор. Здесь сражаться с силой Источника пришлось уже Варваре, но она держалась молодцом, и минут через десять они все же достигли нижнего края тропы-серпантина, вьющейся вокруг Протуберанца. Здесь внизу, буквально в нескольких метрах от входа в Алтарный зал, — а он теперь был открыт перед обоими и выглядел, как вытянутая по вертикали стреловидная арка, — справа в стене появился новый отнорок или, лучше сказать, грот: широкая, но неглубокая пещера, выход из которой в Жертвенный коридор был перекрыт железной решеткой.

— Ты первая! — Бармин поднял чуть выше свой «лампион» — сгусток голубоватого холодного огня, — и осветил лежащие на каменном полу тела.

На первый взгляд, могло показаться, что эти мужчины мертвы, но это было не так. Они действительно почти не шевелились, хотя, если присмотреться внимательнее, можно было заметить какие-то слабые движения их рук и ног. А еще они издавали порой едва слышные глухие стоны. Вчера, когда Ингвар и Варвара доставили смертников к колодцу Менгденов, мужчины сразу же начали кричать и корчиться, словно испытывали нестерпимую физическую боль. Возможно, так все и обстояло, — обычным людям не место рядом с таким мощным источником силы, — но у Бармина не было к этим мужчинам ни грена сочувствия. Все четверо являлись убийцами, садистами и насильниками, и, по мнению Ингвара, хорошо знакомого с их следственными делами, не заслуживали, по совокупности содеянного, ни снисхождения, ни сочувствия. Конечно, где-нибудь в Америке или Европе его прежнего мира этих подонков, скорее всего, даже не казнили бы. Хотя, в некоторых штатах смертная казнь все еще существовала, но даже там это была целая история — довести приговор до исполнения. В мире же Ингвара Менгдена все было предельно просто: голову могли отрубить даже аристократу, — было бы за что, а топор найдется, — тем более, никого не удивляло повешение уголовных преступников. Впрочем, говоря по совести, Бармин

предпочел бы казнить душегубов, не откладывая, и без театральных эффектов, но богиня требовала жертвоприношения по всем правилам, и он просто не мог ее послушаться. Таковы были правила игры.

Получив накануне ночью четырех смертников в Шекснинской военной тюрьме, Ингвар и Варвара доставили их сначала в замок, воспользовавшись для этого подземным ходом, а затем и в лабиринт. Ручные и ножные кандалы, не говоря уже о магии, обеспечили безопасность «конвоиров» и умеренно быстрый темп передвижения. Пробивать на панику мужиков стало метров за двести до устья колодца, так что пришлось их подгонять разрядами электричества, иначе бы не пошли. Однако, едва они приблизились к колодцу вплотную, пленники лишились последних крупниц сознания, и единственное, что могли делать, это кричать и агонизировать, так что в колодец их спускали на веревках, а оттуда Бармин носил их по очереди на плече. Он относил мужчин к специально для этой цели сотворенной богиней камере смертников, куда, собственно, и сваливал этих «жертвенных баранов». Здесь они и оставались все это время, то есть, почти полные сутки, а это в Жертвенном коридоре равно целой жизни. Так что сейчас для того, чтобы корчиться и кричать, у них попросту не оставалось физических сил.

И вот теперь настал момент истины. Решетка, запиравшая грот, исчезла, едва Бармин мысленно попросил об этом, не зная, впрочем, к кому сейчас обращается: к богине или к Источнику. Но по факту, его просьбу выполнили, и он хотел было уже взять одного из мужчин, чтобы перенести к алтарю, но Варвара его остановила:

— Сама! — твердо сказала она.

Нагнулась, поморщившись от исходившей от смертников вони, и довольно технично крутанула тело лежащего на полу человека так, что мужчина разом оказался у нее на спине.

«Грамотно!» — отметил мысленно Бармин, предоставив Варваре совершать жертвоприношение самой. Проводил взглядом женщину, волокущую на спине слабо подергивающееся тело жертвы, но за ней не пошел, и ждал до тех пор, пока она не вернулась из Алтарного зала. Руки у Варвары были, что называется, по локоть в крови. Пятна крови виднелись на ее лице и одежде, но, в целом, выглядела она спокойной, возможно, даже умиротворенной.

— Все в порядке? — спросил Ингвар больше для порядка, чем ожидая развернутый ответ.

— Да, — кивнула женщина. — Госпожа наша Марена довольна моим приношением.

«О как! — восхитился Ингвар. — Похоже, Марена с ней близко пообщалась, и это хороший знак!»

— Жди здесь! — Бармин взял за воротники камуфляжных курток сразу двоих и поволок бесчувственные тела в Алтарный зал.

Странное ощущение. С одной стороны, заслуженная казнь, а с другой — хладнокровное убийство. Однако приказ богини — не сон, и сама она не видение обезумевшего разума. В этом мире боги, если и не ходят среди людей, то, во всяком случае, наверняка живут где-то рядом, приходят к некоторым из мужчин и женщин, говорят с ними, как Марена с ним, помогают или наказывают. В общем, они реальны, вот в чем дело. Ну, а то, что варварство, так с этим не поспоришь: варварство и есть. Вот только здесь, как и везде, впрочем, со своим уставом в чужой монастырь не лезут.

Бармин дотащил смертников до алтаря, взглянул на истекающую кровью жертву Варвары, и, быстро зарезав обоих мужчин, присовокупил к одному телу еще два.

— Тебе, госпожа моя Марена! — сказал он, склонив голову перед алтарным камнем, и поспешил обратно в коридор. Сегодня он должен был принести богине еще одну, третью жертву. И он ее, разумеется, принес.

Глава 4 (2)

2. Тринадцатое декабря 1983 года

В замок вернулись только на рассвете. Женщины, — даже двужилная Мария, — буквально валились с ног. Не столько даже от физической усталости, сколько от нервного напряжения, пережитого ими в подземном лабиринте богини Мары. Близость божества истощила их душевные силы, а вот Ингвар, напротив, чувствовал себя так, словно родился заново. Такова была, должно быть, благодарность Марены. Кровь бурлила в жилах, энергии было столько, что, казалось, еще чуть-чуть и он засветится, однако самым ярким ощущением было проснувшееся в нем неистовое желание. У Бармина такое случалось крайне редко, но даже тогда, когда случалось, это не шло ни в какое сравнение с тем, что он переживал сейчас. Ему срочно нужна была женщина, и при том отнюдь не на один раз. Судя по ощущениям, предполагалось, как минимум, классическое троеборье, а как максимум, настоящий марафон. Однако, как назло все его шесть женщин были сейчас недоступны. Вернее, доступ к телу получить не проблема, другой вопрос, что с этим телом потом делать? Иметь спящую женщину Бармину не нравилось даже в юности, когда для большинства его друзей принципиальным было только одно: было бы куда вставить, остальное — пустяки. Но, во-первых, он на такие глупости не велся даже тогда, тем более, не был склонен к подобного рода безобразиям теперь.

«О! — вспомнил вдруг Бармин, выходя из душа в чем мать родила. — У меня же теперь есть наложница! Приказать что ли Марфе, позвать ее сюда?»

Наложницу Ингвар ни разу пока не тронул. Он ее даже голой до сих пор еще не видел. Все было как-то недосуг. Днем дела, ночью жены... Зато теперь нашлось, как говорится, время и место, чтобы оценить по достоинству свадебный подарок кронпринцессы Ульрики Катерины. Идея Ингвару понравилась, и он хотел было позвать Марфу Подосенкову, которая выполняла деликатную роль комнатной служанки в апартаментах Бармина, где его, что ни ночь, посещали шесть очень разных женщин. Иной раз даже вдвоем. Хотел позвать и даже тронул мысленно кнопку электрического звонка, но, в результате, остановил свой скоропалительный порыв, потому что в голову пришло кое-что другое, гораздо более заманчивое, чем рабыня-наложница. И в результате вместо «сонетки»[1], Ингвар взялся за телефон.

Удивительно, но, несмотря на ранний час, Хатун оказалась дома и даже не спала, ответив ему уже после четвертого гудка.

— Неужели случилось чудо, — сказала она в трубку вместо «здрасьте», — и мне позвонил наконец отец моей дочери?

Вообще-то, дочь они зачали, — если Хатун действительно знает, о чем говорит, — только седьмого ноября, в красный день календаря, так сказать, и называть Ингвара отцом в первой трети декабря было несомненным художественным преувеличением. Другой вопрос, как она узнала, кто именно ей телефонирует в этот ранний час? Бармин же даже голоса подать не успел!

— Чудо случилось, — усмехнулся он в ответ. — Здравствуй, боярышня!

— Здравствуй, коли не шутишь, — поздоровалась женщина. — По делу звонишь, князь, или просто соскучился?

— Хотел спросить, не появился ли у тебя за это время кто-нибудь... э...

— Кто греет мою постель, — подсказала Хатун.

— Вроде того, — признался Бармин.

— То есть, — уточнила умница-оборотень, — если появился, ты, как благородный человек, трахаться меня не позовешь, а, если не появился, то как раз за этим ты мне в такую рань и позвонил. Я правильно понимаю?

— Да, — признал Ингвар очевидное.

— А ничего, что я, вообще-то, не человек и живу совсем по другим законам?

— Это имеет значение? — озадачился Бармин.

— Инг, — явственно улыбнулась женщина-леопард, — это совсем неважно, есть у меня кто-то или нет. Ты был и навсегда останешься моим первым мужчиной и отцом моей дочери! И уже, хотя бы поэтому, я никогда не скажу тебе «нет».

— Но кроме моих желаний существуют и твои желания, — мягко возразил Бармин, уловивший главное — отказа не будет.

— Я тебе об этом и говорю, а ты не понимаешь! — усмехнулась женщина-оборотень. — Я просто не могу тебя не хотеть.

— И что это означает на практике?

— Это значит, что я ответила тебе «да». Займемся этим у меня или покажешь мне свою спальню?

— Ты в ней, вроде бы, уже была...

— Не человеком, — возразила Хатун. — И не для случки.

— Значит, ко мне?

— К тебе! — подтвердила женщина.

— Ты в своей горнице? — уточнил тогда Бармин, зная по случаю, где она обычно спит. Она же сама и показала во время экскурсии и, вероятно, не без умысла, поскольку знала, что он способен «перемещаться».

— Да!

Ее «да» еще звучало в ушах, а он уже стоял рядом с ее кроватью.

— Иди ко мне! — позвал он, протянув к ней руки.

— Я здесь! — отбросив телефонную трубку, она рывком поднялась на ноги.

Высокая, сильная, в почти ничего не скрывающей полупрозрачной кружевной ночнушке, едва доходившей до середины невероятно женственных бедер.

— Я собиралась этой ночью на охоту, — сказала Хатун с многообещающей улыбкой, появившейся вдруг на ее полных, изящного рисунка губах, — но Ясмин, наша дочь, шепнула мне по секрету, что сегодня *тот самый день!*

— Ясмин? — переспросил Ингвар, даже не удивившись тому, что его еще не родившаяся дочь уже способна давать матери такие правильные советы. У пардусов[2] и не такое бывает.

— Хеттура Ясмин, — еще шире улыбнулась юная женщина. — Хеттурой, если не знаешь, звали последнюю жену праотца Авраама, а Ясмин — это тюркское имя. Означает жасмин.

— Но вы же не тюрки и не иудеи, — отвлекся на мгновение Бармин, хотя видят боги, отвлечь его от созерцания этого великолепного тела было непросто.

— Это так, — кивнула Хатун. — Поэтому у нее будет еще и третье имя, но ты его узнаешь только после того, как она пройдет первый оборот. Таков закон. А сейчас, я хочу к

тебе на руки, мой князь! И, видят боги, я хочу такого, что мне даже стыдно об этом думать, а ведь мы, пардусы, не из стыдливых!

— Прикажи собрать твои вещи, — сказал Бармин, поднимая женщину на руки. — Погостишь в Усть-Угле пару-другую дней.

Хатун была крупной и достаточно тяжелой женщиной, но Ингвар Менгден не зря слыл богатырем, он вполне мог удержать ее на руках, пусть и не очень долго.

— Я приказала собрать мои вещи еще с вечера.

— Это? — кивнул Бармин на два больших чемодана и сумку, стоявшие у стены.

— Да, — коротко ответила женщина, прижимаясь к его груди.

— Тогда, пошли! — Он подхватил ее багаж воздушной петлей, поднял, перенес и поставил вплотную к своей ноге, так что, переходя, утянул за собой и ее чемоданы.

— Хочу тебя! — заявила женщина оборотень, едва они оказались в его спальне, и, не откладывая дела в долгий ящик, приникла к губам Бармина.

Поцелуй вышел замечательный. Страстный, сильный, можно сказать, агрессивный. Но ничего другого ожидать, на самом деле, не приходилось. Вернее, не стоило, имея в виду, с кем он имел дело. Поэтому Бармин воспринял ее попытку доминировать, как должное, но воли давать все-таки не стал. Ответил на страсть страстью, тем более, что желание, ставшее причиной этой незапланированной встречи, никуда не делось, напротив, усилившись так, что ждать сразу стало невмочь. И, позабыв разом о всяких глупостях, вроде нежностей и ласк, Ингвар взял женщину сразу: без прелюдий и предисловий. Бросил на кровать, перевернул лицом вниз и, взяв одним резким сильным движением, имел ее затем долго и с непреходящим наслаждением. Впрочем, по тому, с каким энтузиазмом включилась в процесс Хатун, по ее сильным, а порой и резким движениям, по громким, полным страсти стонам, переходящим в звериное рычание, несложно было догадаться, что ей этот брутальный подход к делу не только не мешает, но даже напротив — нравится. В общем, хотя Бармин и не отвлекался на неуместные здесь и сейчас рефлексии, он все-таки запомнил большую часть из того, что они творили с женщиной-пардусом на его огромной кровати, которую они в какой-то момент покинули, переместившись на медвежью шкуру, брошенную на драгоценный паркет, и далее везде, куда заводил их случай или горячая фантазия. Но следует отметить, что «по итогам боевых действий» совместное творчество понравилось им обоим. Хатун выдохлась первой, испытав неизвестно какой по счету, но по-прежнему сокрушительный по силе оргазм. Выгнулась под Ингваром дугой, издала вопль, переходящий в довольное порывивание и, словно бы, без сил упала на спину. Расслабилась, «растеклась» на мраморном полу ванной комнаты, куда занесла их под конец необузданная страсть. Бармин, однако, на это раз, не остановился. Просто не смог, — не сейчас, не с ней, — и в результате «догнал» женщину буквально через десять-пятнадцать секунд, испытав при этом один из самых ярких оргазмов в своей долгой двойной жизни. Безжалостно придавил Хатун, содрогаясь при этом всем своим огромным телом, вжимаясь в нее так сильно, как только мог и извергаясь в ее лоно долго и мощно, как никогда еще не случалось с ним прежде. В общем, концовка не подкачала. И это было общее мнение.

— Надеюсь, — сказала женщина через пару минут, то есть, после бокала вина, выпитого одним глотком, и горсти кишмиша и орехов, перемолотых мощными челюстями юной красавицы, — что это еще не все...

— Я никуда не тороплюсь, — улыбнулся Бармин, с огромным удовольствием оглаживая взглядом идеально круглый зад боярышни.

Все-таки Хатун была диво, как хороша со своими длинными сильными ногами, широкими, но в меру, бедрами, тонкой талией, изысканно красивой спиной и изящными, очень женственными плечами, не говоря уже о густых и длинных, чуть вьющихся платиновых волосах, скрывавших поистине лебединую шею. И ведь все это был всего лишь взгляд сзади. Спереди все выглядело еще соблазнительнее...

Появление в замке красавицы-оборотня оказалось неожиданным для всех. И для тех, кто был с нею знаком прежде, — и, соответственно, знал, кем она является на самом деле, — и для тех, кто видел ее впервые. Одни не без основания предположили, что пока они отсыпались и отходили от пережитого под землей ужаса, их муж и брат развлекался с этой левой девицей, которая к тому же от Ингвара успела не так давно понести, тогда как они, все пятеро, все еще нет. Другие же, посмотрев на реакцию первых и на то, как раскованно ведет себя в их обществе всадница[3] Хатун Парсбит, для начала просто удивились.

— Прошу прощения, сударыня, — вежливо поинтересовалась Стефания, — но отчего Ингвар назвал вас всадницей? Это же хазарский титул.

— Я хазарянка, — улыбнулась платиновая блондинка. — И, упреждая ваш следующий вопрос, я военный вождь племени.

— Дамы, — нашел нужным прояснить ситуацию Бармин, — господа! Просто для того, чтобы вы узнали наши реалии. На северном берегу озера Белое недавно поселилась семья кавалерственной дамы Субат-ханум Парсбит. Хатун ее дочь-наследница и по правилам, принятым в этом племени, является воеводой. Во время войны с Союзной ратью, Хатун совершила бесчисленное количество подвигов на поле брани и покрыла себя неувядаемой славой, как бесстрашный воин и отличный командир.

Пока говорил, качал мысленно головой, но с восточными людьми, даже если они выглядят, как какие-нибудь древние германцы, никакие панегирики[4] и прочие дифирамбы никогда не бывают лишними, тем более, если речь о молодой красивой женщине, эго которой *«затмевает солнце и луну»*.

— Ты кое-что забыл, — улыбнулась ему в ответ юная женщина.

— Ах, да! — «припомнил» Ингвар. — Хатун мне не жена, но так уж вышло, что она носит под сердцем мое дитя.

— Что значит, вышло? — «недоуменно» округлила глаза интриганка. — Я бы сказала, вошло, а выйдет, благослови нас богиня, месяцев через восемь.

— Вот даже как... — задумалась Ульрика Катерина.

— Так у вас, Ингвар, будет ребеночек на стороне? — сразу же заинтересовалась Сиф, подразумевая больную для нее тему незаконнорожденных детей.

— У нас не как у вас, — нашла нужным объяснить Хатун. — У нас не бывает бастардов.

— Как это? — спросила Стефания, еще не имевшая возможности познакомиться с оборотнями.

— Вы, верно, не знаете, — ничуть не смутившись, очаровательно улыбнулась дочь-наследница, — но я не совсем человек, я пардус[5]. В обороте превращаюсь в кавказского барса[6]. Но оборачиваются у нас только женщины, оттого отца можно и вовсе не знать. Я своего, например, не знаю. Мать говорит, что не помнит, но я думаю ей просто было все равно с кем, лишь бы мужчина был подходящий, чтобы зачать дочь. Но моя кровинка будет знать, кто ее папочка.

«Вот же стерва!» — вздохнул мысленно Бармин, вполне оценив устроенную женщиной провокацию. Ладно бы в разговоре участвовали только его жены, но за столом находились и свитские принцессы и принца, и старшие офицеры присланного Карлом Августом в Усть-Углу корволанта[7]. Однако мир не без добрых людей, и положение спасла быстро соображавшая княгиня Полоцкая.

— Я видела Хатун в бою, — сказала она, подпустив в голос чуточку потребной в этой ситуации патетики. — Она убила на моих глазах двух высокоранговых магов. То еще было дело. Тогда погибла тетушка Хатун...

Посидели молча, отдавая дань памяти погибшей героине и не зная, что тут сказать и как разрешить возникшую неловкость. Но тут как раз подали вторую перемену, и сотрапезники с видимым облегчением дружно взялись за еду. На повестке дня были супы, оказавшиеся великолепным поводом сменить тему. Следующие полчаса прошли относительно мирно. Едоки обменивались лишь краткими репликами гастрономической тематики и постепенно обретали твердую почву под ногами. Но и Хатун, следует заметить, правильно поняла иронический взгляд Бармина, брошенный на нее как бы между делом, и перестала провоцировать. Так что к десертам подошли, разрешив все вопросы в уме и не поднимая их вслух и сразу перед всем обществом. Люди за столом собрались неглупые, и быстро сообразили, — под добрым, можно сказать, «отеческим» взглядом Ингвара, — что лучше не обострять. А все вопросы лучше оставить на потом и задать их в уместной обстановке и, разумеется, тет-а-тет.

Казалось бы, все пришло в норму, ан нет. Во-первых, имели место последствия. Сразу в шести хорошеньких головках возникла мысль, что не надо ждать милостей от природы, а дети, как известно, рождаются вследствие близости между мужчиной и женщиной. Причем, чем чаще это происходит, тем больше вероятность залететь. Если, разумеется, не пользоваться противозачаточными средствами, которых у магов имелось более чем достаточно. До сих пор за этим делом следил сам Бармин. Как только понял, как можно предотвратить нежелательную беременность, так сразу же и начал следить за собой и дамами. Единственным исключением среди его жен до сих пор являлась Дарена, но это он со зла делал, и уже пару дней, как перестал. Женщин же этот вопрос и вовсе не занимал. Молодые, не нагулялись еще. Однако хвастовство Хатун сыграло с Барминым плохую шутку. Все вдруг захотели иметь от него ребеночка. И, вроде бы, неплохо: ведь, как ни крути, а род надо поднимать, а значит нужны люди. И не просто люди, а родня, которая будет радеть за дело, поскольку и он будет о них заботиться. Однако все это в теории. А на практике Бармин к активному размножению был пока морально не готов. Ну, ладно Хатун. Она ему не жена, и воспитывать дочку будет в своей вере и по своим принципам. То же самое можно сказать и об Ульрике Катарине. Понесет — успокоится, и соглашение будет исполнено, и она при деле. А вот относительно других своих жен, как, впрочем, и Варвары Ингвар такой уверенности не чувствовал. Напротив, полагал, что еще год-два все они могут погулять, «*аки холостые*», в смысле в праздности, потому как, если забеременеют, совсем другая начнется жизнь. И для них, и для него. Так что крамолу надо было душить на корню. Но не тут-то было, потому что сразу за «во-первых» имело место «во-вторых».

Поддавшись капризу, он привел Хатун в Усть-Углу. Выгнать ее теперь обратно было бы некрасиво и переселить ее из своих апартаментов было некуда. Ну, не в гостевые же покои, в самом-то деле! Она же к нему в дом не напрашивалась, сам к ней пришел, сам и перенес ее к себе в замок. Так что, назревал кризис серьезного масштаба, и быть бы беде, но большая

кошка оказалась женщиной не только смелой и красивой, но и умной, не говоря уже о том, что не мелочной. Она могла провоцировать и элегантно хамить — это, да. Но вот устраивать подлости не хотела и не стала. Помучила Бармина пару-другую часов, поддерживая его опасения на медленном огне, и сама же разрешила назревающий конфликт.

— Сегодня ночью пойду гулять, — сказала, как о чем-то само собой разумеющемся. — Ты ведь не рассердишься, если я завалю в лесу какого-нибудь лося?

— Или вот еще можно поднять медведя... — мечтательно улыбнулась Хатун. — Или волка задрать...

— Ни в чем себе не отказывай, — ответно улыбнулся Ингвар. Он уже понял, что большая кошка нашла блестящий выход из создавшегося положения. Но знал он и другое. Вернее, предполагал, исходя из характера оборотней, о котором мог судить по тем книгам, которые успел прочесть, да еще по рассказам Екатерины Северской-Бабичевой. Жена Федора, приходившегося Менгдену единокровным братом, была альвой и обладала кое-каким знанием, недоступным простым смертным. Так вот, было очевидно, что пока Хатун не покинет замок по-настоящему, приводить в свою спальню какую-нибудь другую женщину равносильно оскорблению. Пардус почует чужой запах и обидится. Кровавой мести, разумеется, не будет, — не те нынче времена, — но они поссорятся, а это не к чему. Она и так уже сделала красивый жест, уйдя на ночную охоту, и не стоит злоупотреблять ее добротой. Поэтому ночь он провел в апартаментах Ульрики Катерины и ни на мгновение об этом не пожалел. Прощенная жена буквально из кожи вон лезла, чтобы угодить Ингвару. Но и Бармин вел себя с ней, как настоящий мужчина, ни разу за ночь, не переступив ту черту, за которой начинается моветон. А перед рассветом, покинув заснувшую женщину, на губах которой блуждала счастливая улыбка, Ингвар принял душ и вернулся в свои покои. Пришел, лег и заснул, а когда проснулся был в постели уже не один. Рядом с ним спала юная красавица, одуряюще пахнувшая морозом, сосновой хвоей и немного кровью...

3. Четырнадцатое декабря 1983 года

Ни одно доброе дело, говорят американцы, не остается безнаказанным. Однако иногда, как подсказывает опыт, добрые дела все-таки вознаграждаются. Бармин свой приз получил аккурат через день после окончательного примирения с герцогиней Сконе. Пошел — «переходом» — провожать всадницу Хатун, а на обратном пути вместо своей спальни оказался в странном месте, где не было ничего кроме клубящегося тумана, за которым не видно было ни неба, ни окрестностей. И даже земли под ногами было не рассмотреть. Но Ингвар удивиться этому не успел. Испугаться, впрочем, тоже, потому что через мгновение или два, когда он только начал воспринимать это чудное место, как объективную реальность, из тумана к нему вышел человек, которого Бармин знал только по фотографии.

— Здравствуй внук! — сказал Карл Менгден, окинув его внимательным взглядом. — Вот ты, значит, какой! Похож на моего отца, и харизма Менгденов в наличии. Что ж, спасибо Богине, что она не оставила нас своим благословением.

Появление Карла Менгдена оказалось для Ингвара полной неожиданностью. Он был не просто удивлен, он был настолько шокирован, что даже не сразу нашел в себе силы заговорить.

— Дед? — наконец, выдавил он из себя, пытаясь сообразить, как это вообще возможно. — Ты умер, разве нет?

— Вероятно, так и есть, — грустно улыбнулся в ответ немолодой красивый мужчина. —

Не знаю, внук, не помню. Здесь нет времени и нет прошлого. Одно лишь забвение, если ты понимаешь, что это такое.

— Где *здесь*? — Уловил Бармин главное.

Ведь, если к нему пришел его собственный дед, вернее, дед Ингвара Менгдена, то означать это может только одно: посмертие существует на самом деле. Оно реально, что не может не озадачивать. Впрочем, возможно, это Богиня, — а кстати, которая из двух, Марена или Вар? — показывает ему иллюзорные картины? Поэтому, вопрос вопросов — это «где». Где нет времени и нет прошлого, но есть забвение?

— Наверное, это Валгалла, — чуть пожал плечами старый граф. — Ну, или Ирий[8] если по-нашему. Мы же все-таки северяне, а не викинги.

— Я думал все варяги[9] — викинги, — выразил свое недоумение Бармин.

— Возможно, когда-то давно так и было... — пожал плечами Карл Менгден. — Но ты не викинг, внук, и не варяг. Последним варягом в нашем роду был твой пращур Бер Тяжелая рука и еще, быть может, его сын Ретвин, но уже сын Ретвина стал русом-северянином. Так что, ты северянин, как и весь наш род. Мы не чужие на Русском Севере.

— Спасибо за разъяснение, — чуть поклонился Ингвар. — Я этого не знал.

Если то, что сказал ему сейчас Карл Менгден, правда, то Ирий, и в самом деле, реальность. И сейчас перед ним не иллюзия, а настоящий...

«А кто, кстати? — спросил себя Бармин. — Привидение? Тень отца Гамлета? Кто?»

Но не было ответа, и не было времени думать о таких пустяках, потому что откуда-то было известно, что такого рода встречи долгими не бывают, и, увы, никогда не повторяются.

— Правильно понимаешь, — кивнул дед, как если бы читал его мысли, — я здесь ненадолго. Скоро придет время возвращаться. Хотел тебя увидеть. Умирая, молил Богиню, показать мне наследника. Того, кто в грядущем примет мое имя и титул. И вот ты здесь, и мне есть кому передать наследство.

— Да я, вроде бы, все уже получил, — признался Бармин. — Вклады, земли...

— Ты получил золото, — впери в него взгляд Карл Менгден, — а теперь я завещаю тебе Силу и Мечь.

— Силу? — переспросил Бармин, поскольку с «мечью» все было, более или менее, понятно.

— Личный *спуд* твоего пращура и моего прадеда Берси Менгдена, — объяснил старик.

— Что такое спуд? — Ингвар впервые слышал это слово, и оно ему ничего не говорило.

— Поищи в родовой книге, там есть. Только в книге он называется «скат»[10].

— Родовая книга? — В тайниках Усть-Углы Бармин нашел много чего, включая множество документов. Но ничего такого, что можно было бы назвать «Родовой книгой», он не припоминал, хотя и не жаловался на свою память.

— За алтарем в стене есть проход, — медленно, явно с трудом припоминая детали, сказал на это дед. — Надо очень захотеть, тогда откроется... Родовая книга там... Остальное не помню.

— Но ты же можешь объяснить мне, что это такое? — попросил Бармин, понимавший, что любое слово деда потом будет для него на вес золота. — Хоть что-то!

— Что-то, — кивнул Карл Менгден. — Что ж... Опытный колдун может откладывать силу про запас. Как деньги в банке или воду во фляге — старый граф говорил не как Тень отца Гамлета. Так стал бы говорить со своим взрослым внуком реальный человек.

«Так что же ты такое?» — Бармин слушал деда внимательно, запоминая его речь слово

в слово, но одновременно пытался понять, насколько все эти «тайны» соответствуют действительности.

«А что, если соответствуют? — спросил он себя. — Что я буду делать с такой правдой?»

«То же, наверное, что и с явлениями Богинь, — ответил он себе. — Просто приму к сведению и пойду дальше».

— У тебя есть счет в банке? — спросил между тем дед.

— Твоими молитвами, и не один.

— Туда ты кладешь деньги, оттуда ты их берешь.

— Ты хочешь сказать, что силу можно хранить, как воду в бутылке или деньги на банковском счете?

— Даже лучше, — поправил его Карл. — Пока сила накапливается, ее можно брать и использовать. Но, если, она пребывает в спуде долго и ее много, происходит качественный скачек. И вместо воды в твоей бутылке уже коньяк. Так понятно?

— Продолжай, пожалуйста, — попросил Ингвар.

— «Коньяк» — это, как минимум, один ранг. В спуде Берси Менгдена три дополнительных ранга.

«Это же сколько Силы?» — не поверил услышанному Бармин.

— Ты имеешь в виду, что они плюсятся к тому рангу, который уже есть?

— Именно так.

— Но...

— Время на исходе, — поморщился старый граф. — Поверь, внук, я не тороплюсь, меня торопят.

— Я понимаю, — смирился Ингвар с неизбежным.

— Когда в спуде больше двух рангов, он начинает копировать знания рода. Обычно основы основ родовой магии, но что именно находится в моем спуде, я не знаю. Откроешь, узнаешь. Открывается он, к слову, только у алтаря. Все, что в нем ни найдешь, все сразу станет твоим: и сила, и знание.

— Спасибо, — поклонился Бармин. Даже если все это сон разума, все равно долг велит поблагодарить деда за желание помочь.

— За это не благодарят, — покачал головой старый граф. — Я всего лишь отдаю тебе то, что принадлежит тебе по праву рождения, и что ты не получил из-за превратностей судьбы. А судьба, внук, это люди. И, значит, пора сказать о мести. Его зовут Артемий Нетшин. Природный князь. Рюрикович. Был считался моим самым близким другом, но, как оказалось, только считался. Это он организовал мятеж, но, на проверку, это была провокация. Оттого нас так легко и разгромили. Не знаю, за что, по какой причине или, может быть, приревновал невестку к моему сыну. Все возможно. Но теперь это твой труд, внук: узнать, судить и казнить.

Ну, что тут скажешь: любишь кататься, люби и саночки возить. Принял титул и наследство, значит и долги выплатить обязан.

— По твоему слову, дед! — сказал он вслух.

— Верю в тебя, — кивнул Карл Менгден. — И благословляю!

Бармин хотел ответить, но не смог, потому что в следующее мгновение оказался уже в своей спальне...

[1] Сонетка (устар.) — комнатный звонок для вызова прислуги, часто приводившийся в действие шнурком.

[2] Пардусы — самоназвание оборотней-леопардов.

[3] Всадник, всадница — придуманный автором (по римскому и европейскому лекалу) хазарский дворянский титул, соответствующий боярскому — Боярин и Воевода.

[4] Слово панегирик используется здесь в своем первоначальном смысле — литературное произведение или публичное выступление, цель которого состоит в восхвалении какого-либо человека или явления.

[5] Пардус — самоназвание людей-оборотней.

Пардус — упоминаемое в летописях животное, отождествляемое некоторыми писателями с барсом (пантерой, леопардом), а другими, что вероятнее, с рысью. Для охоты за П. в составе княжеских охот были особые пардусники.

[6] Переднеазиатский леопард или кавказский барс — хищное млекопитающее из семейства кошачьих, подвид леопарда, обитающий на Кавказе, а также в Западной и Центральной Азии. Но оборотни куда крупнее обычных леопардов.

[7] Корволант — исторически подвижное войсковое соединение, состоящее из конницы, пехоты и лёгкой артиллерии и предназначенное для нападения на тылы и коммуникации противника в отрыве от основных сил армии. Здесь употребляется в значении «отдельного войскового соединения».

[8] Ирий — в восточнославянской мифологии древнее название рая и райского мирового дерева, мифическая страна, находящаяся на тёплом море на западе или юго-западе земли, где зимуют птицы и змеи.

[9] На самом деле, так и есть, но в нашей истории, это не так.

Варяги — собирательное название скандинавских народов в Древней Руси, выходцы из Скандинавии на Руси.

[10] «Скат» означает «клад» на ряде скандинавских языков. Варьирует только произношение.

Глава 5(1)

1. Пятнадцатое декабря 1983 года

Разговор с дедом, — а Бармин был теперь полностью уверен, что это был Карл Менгден или, во всяком случае, его «тень», — форменным образом выбил Ингвара из колеи. Слишком сильное и непростое впечатление произвела на него эта встреча. Слишком актуальными могли оказаться нечаянные дары богини Вар. Но дело, разумеется, не только в этом, а в том, что та часть Бармина, которая оставалась Ингваром Менгденом, — ну или стала им за время пребывания Игоря Викентиевича в этом теле и в этом мире, — испытала от этой странной встречи настоящий эмоциональный шок. Одно дело знать, что у тебя были когда-то мать, отец и дед, и совсем другое — лично встретить одного из них, причем того самого, кто являлся последним подлинным главой рода и погиб задолго до твоего рождения. Игорь Викентиевич и сам не ожидал от себя такого эмоционального отклика, такой невероятной бури чувств. Его буквально захватил шквал сильных, но при этом весьма противоречивых эмоций, так что Бармин не сразу даже сообразил, где он теперь находится, и кто пытается «достучаться» до его перегруженного впечатлениями сознания. А между тем, он находился в своей спальне в замке Усть-Угла и говорила с ним, пытаясь пробиться через внезапно возникшие стены непонимания, его собственная жена — Хельга графиня фон Нойвид. А он стоял перед ней, как громом пораженный, и ничего не понимал. Слова доносились, как сквозь вату, а интонации не «читались» вовсе.

К счастью, это продолжалось относительно недолго. Минуту, максимум — две. А потом сознание Бармина справилось с нагрузкой, и он разом сбросил с себя охватившее его было состояние «отупения».

— Все! — сказал он, с трудом выталкивая из горла первые слова. — Все, Хельга! Угомонись! Я... Я жив, и я не... Я не спятил. Я просто...

«Я просто что? — спросил он себя, постепенно приходя в норму. — Оглушен? Раздавлен? Мешком пыльным ударен по голове?»

— Я в норме, — сказал вслух. — Плесни мне чего-нибудь. Неважно чего, но покрепче.

Он сел на козетку в изножье кровати и стал охлопывать карманы в поисках сигарет, но, разумеется, ничего там не нашел, потому что уже с месяц, как перестал брать их с собой.

— Не помню, — сказал он, поморщившись, — здесь есть где-нибудь сигареты?

— У меня есть, — ответила Ольга, не оборачиваясь, она как раз наливала ему что-то в хрустальный стакан. — Но ты такие не куришь. Они ментоловые.

Ментоловые сигареты он, и в самом деле, не курил. Не любил, что в прошлой жизни, что в нынешней.

— Тогда кликни Марфу, — предложил он устало. — Она принесет.

Марфа Подосенкова происходила из семьи потомственных слуг графов Менгденов. У Ингвара, она работала за честь и за деньги, взяв на себя деликатную роль комнатной служанки в его апартаментах, где кроме самого графа все время крутились его женщины.

В результате, и сигарета нашлась, и коньяк плескался в стакане. Бармин сделал несколько сильных глотков, закурил, затянулся, выдохнул дым, и только тогда Ольга нарушила тишину.

— Что-то случилось?

— Ко мне дед приходил...

— Какой дед? — не поняла женщина.

— Мой дед Карл, — пояснил Бармин.

— Карл Менгден?

— Он самый. — Ингвар сделал еще одну затяжку и снова отпил из стакана.

— Но он же...

— Умер, — кивнул он жене. — Из Валгаллы приходил.

— Это не шутка? — нахмурилась Ольга.

— Такими вещами не шутят, — покачал головой Бармин.

Повисло многозначительное молчание. Пауза, глоток-другой коньяка, еще пара затяжек.

— Очень устал, — признался он наконец. — Никогда не думал, что так может случиться. Вот буквально все силы ушли.

«Наверное, Гамлету тоже было плохо после встречи с тенью отца».

Самому Бармину было, именно что, плохо. И никак не думалось, хотя подумать следовало о многом: и о Силе, и о Мести. Но, похоже, думанье следовало отложить до утра.

— Который час? — спросил он вслух.

— Десять.

Значит, все про все заняло какую-то минуту. Минута в нигде и никогда, а чувствовал он себя так, словно, товарняк в одиночку разгружал.

— Хочешь, чтобы я ушла?

— Да, нет, — покачал он головой. — Оставайся. Но...

Ингвар имел в виду, что не уверен, что сможет соответствовать «высоким идеалам» их отношений, но не договорил. Смутился. И однако же Ольга все поняла правильно.

— Я не расстроюсь, — улыбнулась она Бармину. — Я понятливая. Ванну будешь принимать?

— Только если вместе с тобой, — попробовал улыбнуться Бармин.

Идея ванны ему понравилась. Горячая вода, обнаженная женщина на расстоянии вытянутой руки, — или, и вовсе, на твоих коленях, — и коньячок в *плипорции* были способны сотворить чудо. Ну или ему так пригрезилось. И кстати о грезах.

— Слушай, Хельги... А что если организовать не ванну, а баню? — спросил он, представив «образ результата».

— А ты дойдешь?

— Думаю, должен.

— Ну, тогда я прикажу Марфе... Но это возьмет время, как ты понимаешь.

— Вот и хорошо, — кивнул Бармин. — Плесни мне еще коньяка, и я пойду пока приму душ. Заодно потренируюсь в ходьбе ногами.

— Ну-ну... — и она оставила его один на один с задачей пройти полтора десятка метров.

Впрочем, вернулась Ольга гораздо быстрее, чем можно было ожидать. Бармин едва успел доплестись до ванной комнаты, стащил с себя одежду, — комнатного лакея он отправил восвояси, чтобы не отсвечивал, — и встал под душ, пустив воду. А она уже тут как тут, появляется где-то за спиной и задает вполне очевидный в их случае вопрос:

— Ты как?

— Уже лучше.

— Спинку потереть?

— Сам справлюсь.

— Тогда я оставлю тебя, Инг, на пару минут, надо бы к себе зайти, распорядиться о белье и платье на после бани.

— Иди и ни о чем не волнуйся! — не оборачиваясь, махнул рукой Ингвар.

Он все еще был слаб, — голова пустая и ноги ватные, — но уже совсем не так, как, скажем, десять минут назад. «Отдышался» немного. Стал потихоньку приходить в себя. Так и стоял, ни о чем не думая, под горячими струями, потом включил холодный циркулярный душ, выбрав при этом самый жесткий из всех возможных режим. Тонкие и острые, как вязальные спицы, водяные струи ударили сразу со всех сторон, вызвав резкий выброс адреналина и мгновенное «прояснение» в глазах. Кровь закипела, дыхание сбилось, но зато голова очистилась и в мышцах, вроде бы, прибавилось сил, хотя идти вниз, к алтарному залу он все еще не мог. Да и не хотел пока, если честно. Хотелось прежде все обдумать услышанные от деда слова, если конечно это, и в самом деле был дед, и кое-что почитать на эту тему. Например, о князе Нетшине и о том, каким боком он вообще оказался причастен к истории несостоявшегося мятежа. Вот тогда, — скорее всего, не сегодня и даже не завтра, — он и пойдет за «спудом» и «Родовой книгой». Слишком серьезное это дело, чтобы ломиться напролом.

В общем, пока суд да дело, Бармин успел прийти в себя, — все-таки у него был, и в самом деле, невероятно сильный организм, — все хорошенько обдумать и принять самое важное решение на сегодняшний день — не спешить и не делать резких движений. Завершив «омовение», он вышел из-под душа, растерся полотенцем докрасна, испытывая, к слову сказать, вполне достойное называться мазохизмом удовольствие. Набросил банный халат и вышел в спальню, удивляясь, что Ольги все еще нет. Можно было подумать, ей далеко идти или самой собираться в баню. Но ее все еще не было, и Бармин закурил сигарету, плеснул себе еще чуть-чуть коньяка и, позвонив по телефону в буфетную, приказал сварить ему крепкий кофе и подать вместе с подходящими случаю сладостями и коньяком в семейную баню. Сладкого хотелось — просто жуть, а шоколада, как назло, в баре не оказалось.

«Недосмотр, кстати, — отметил Ингвар мысленно. — Надо будет кое-кому «попенять» по голове! Больно!»

О том, что мысль эта насквозь «менгденовская» и ни разу не «барминовская», Игорь Викентиевич сообразил не сразу. Что-то в ней царапнуло, конечно, по краю сознания, но потребовалось какое-то время, чтобы понять, что, как и отчего. Объяснение, однако, лежало на поверхности. Чтобы жить здесь и сейчас, он должен был стать настоящим Менгденом, а не только им казаться. Притворство ни к чему хорошему не приведет. Все равно, рано или поздно спалишься. Поэтому только метод Станиславского, только полное погружение в роль. Что, собственно, с ним, наконец, и произошло.

Обдумывая этот момент, он докурил сигарету и допил коньяк. На повестке дня, таким образом, стояло — «повторить»? Однако, как раз в этот момент в спальню Ингвара вернулась Ольга, и на лице ее имело место весьма необычное выражение. Что-то там явно произошло, — в ее апартаментах, куда она ходила отдавать распоряжения относительно белья и одежды «на после бани», — вопрос только — что именно? Не плохое, это факт. Но и не сказать, что уж очень хорошее. Возможно, странное?

— Что случилось? — спросил он четвертую жену.

— Да, вот не знаю даже, как сказать. И как относиться к этому, тоже не знаю, — покачала головой Ольга так, словно сомневалась в своих собственных словах.

— Звучит многообещающе, — кивнул Ингвар, — но хотелось бы узнать, о чем, собственно, идет речь.

— Я по дороге к себе встретила в коридоре твою шведку ...

— Теперь уже нашу, наверное, — поправил Ольгу Бармин.

— Еще нет, но все может быть, — рассеянно заметила женщина, подразумевая, судя по интонации, совсем не то, что имел в виду Бармин.

— Конкретизируй, пожалуйста, — попросил насторожившийся Бармин.

— Она спросила, куда я направляюсь, — начала объяснять Ольга, все еще находясь в каком-то необычном состоянии души, словно бы в сомнении или в раздумье. — Я ответила. Сказала, что собираемся пойти в баню. А она и говорит давайте, дескать, я тоже с вами.

— Ты что стесняешься при ней раздеться или ты предполагала заняться в бане сексом? — прямо спросил тогда Бармин, пытаясь понять суть возникшей проблемы.

— Предполагала.

— Ну, раз так, сказала бы ей прямо, что нет, — пожал Бармин плечами.

— Я и сказала. А она мне в ответ, вот и чудно, мол. Устроим тройничок. В бане самое то.

— Ты не обязана, — успокоил Бармин женщину.

— Я ей сказала, что мы с ней недостаточно близки, чтобы устраивать l'amour de trois[1]. А она мне, типа, ну надо же когда-нибудь начинать. Ты, мол, что, никогда не была с женщиной? А я, Инг, действительно никогда... Как-то не было ни желания, ни повода. А без этого втроем, вроде бы, глупо получится.

— Ну, и все! — махнул рукой Ингвар. — Тебя никто ни к чему не принуждает. И она просто не имеет на это права! Ты такая же жена, как она.

— Это да, — согласилась с ним Ольга. — Но я вдруг подумала, другие-то делают... Ну, Варвара, например, с Дареной...

— Мало ли кто, что делает!

— Знаешь, она меня уговорила. — Произнесено было шепотом, едва слышно. И глаза одновременно зыркнули в сторону. И краска залила щеки...

— Ульрика тебя уговорила? — не поверил своим ушам Ингвар.

— Да, — промямлила в ответ Ольга, — если ты не против.

— Уверена? — спросил тогда Бармин, который был, разумеется, не против, но и настаивать на таких «экзерсисах» не хотел.

— Я нет, — помотала головой Ольга.

— Значит, решено.

— Тогда, пошли, — кивнула женщина. — Там уже, поди, все готово.

Вообще-то, истопить баньку дело небыстрое, но, возможно, там, в их семейной баньке, постоянно поддерживается готовность «№ 1» на случай, если вдруг кому понадобится. Бармин этого не знал, поскольку никогда прежде этим вопросом не интересовался.

— Пошли, — согласился он и вслед за Ольгой пошел к лифту. Баня у них размещалась в цокольном этаже.

Вошли в лифт, — он находился сравнительно недалеко от дверей в покои Ингвара, — спустились на три этажа и вышли в служебном коридоре на отметке «0». Здесь располагались банные покои, являвшиеся той самой «семейной баней Менгденов», небольшой зал с тренажерами, запасной медицинский пункт и вещевые склады Семьи, то есть помещения, в которых хранилось все то, что не помещалось в апартаментах. Вообще-то,

в замке было несколько бань, в том числе настоящие термы в римском стиле, правда модернизированные в угоду современности и с элементами восточного хамама, привнесенными в них в XIX веке. Те же банные покои, в которые направлялись сейчас Ингвар и Ольга, были относительно небольшими, — всего из трех помещений, — и функционально напоминали шведскую басту и русскую белую баню. В теплом предбаннике, куда они попали, миновав термоизолирующий тамбур, находились удобные скамьи, табуреты и стол, заставленный сейчас блюдами с легкими закусками, бутылками с вином и кувшинами с квасом, морсом и пивом. Здесь, в обшитом светлым деревом помещении, можно было раздеться и посидеть — голышом или закутавшись в простыню, — за тихим разговором, выпить и закусить. Здесь, учитывая отличную вентиляцию, можно было даже курить, хотя на памяти Бармина, курили здесь редко, да и то чаще кальян, чем сигары или сигареты.

Впрочем, сейчас Бармин в табаке и алкоголе не нуждался, — успел накуриться, да и выпил порядочно, — зато быстро восстанавливающий свои кондиции организм остро чувствовал потребность в женщине. Поэтому сбросив халат, Ингвар тут же взялся за извлечение Ольги из скрывающих ее божественное тело одежд. Дело это ему нравилось еще в его прежней жизни. Черт его знает отчего, но он предпочитал раздевать женщину сам, хотя никогда не отказывался от полноценного стриптиза. Было в этом действе что-то невероятно возбуждающие. Не просто эротика, а полноценная прелюдия к нерядовому сексу. Увы, в жизни Игоря Викентиевича таких случаев было до обидного мало, в особенности, после того, как он женился. С женой они чаще всего встречались уже в постели, когда «для снять» на ней оставалась обычно одна лишь ночнушка. Максимум — ночнушка и трусики, и то, только если у супруги было игривое настроение. Сейчас же на Ольге было более чем достаточно одежды: шерстяной кардиган, платье, шелковая комбинация, пояс с чулками, не говоря уже о туфлях, и, разумеется, кружевные бюстгальтер и трусики. Что называется, снимай — не хочу! Ну, Бармин и наслаждался, раздевая женщину «тряпочка за тряпочкой», медленно и со вкусом, по ходу дела, касаясь ее тела тут и там, оглаживая округлости и целуя особенно понравившиеся ему места. Причем, чем дольше он этим занимался, тем сильнее хотел Ольгу, да и она уже, считай, поплыла. Дышала тяжело и хрипло, и даже постанывать, вроде бы, уже начала. И вот как раз в тот момент, когда руки Бармина дошли наконец до черных кружевных танга[2], - а «либидо»[3] готово было пойти из ушей паром, — в предбанник пожаловала герцогиня Сконе.

За спиной Бармина открылась и закрылась дверь в тамбур, затем последовала короткая пауза, — пара мгновений, потребовавшихся Ульрике Катерине, чтобы оценить обстановку, — и вот уже, преодолев в пару шагов расстояние, отделявшее ее от Ингвара и его четвертой жены, кронпринцесса зашла Ольге за спину и, прижавшись к ней всем телом, включилась в игру: стала ласкать кончиками длинных пальцев только-только освободившуюся от бюстгальтера грудь. Бармин этого не видел, скорее угадывая движения своей первой жены. Он в это время уже стоял на корточках, медленно стягивая трусики по бедрам женщины и сопровождая их движение догоняющими поцелуями в низ живота, в гладко выбритый, вернее магически эпилированный лобок, в сладкую складку — туда, где начинается бедро. И оторвался он от этого занятия только добравшись до колен, перецеловав которые, он отстранился, чтобы увидеть во всей красоте дело рук своих. Увидел, восхитился открывшимся перед ним видом, а тут и Ольга оперлась ему на плечи, чтобы окончательно освободиться от «пут» на своих великолепных, можно сказать, безукоризненных ногах.

— Ох! — выдохнула она, отбрасывая ногой ставшие вдруг ненужными трусики и сжимая пальцами плечи Ингвара, все еще остающегося в «нижней стойке».

— А меня? — подала голос первая жена. — Меня тоже разденешь или самой придется мучиться?

— Я... — дрожащим голосом ответила ей Ольга, хотя вопрос был явно адресован не ей, а Бармину. — Я сама тебя... раздену... Если не возражаешь!

Говорить Ольге было трудно, но она все-таки с этим справилась.

— Почту за честь, — улыбнулась Ульрика Катерина.

— Чур, я тогда, буду на это смотреть, — усмехнулся Бармин, который, на самом деле, предпочел бы, чтобы одна из его жен, ну или обе две по очереди, утолили его страсть губами и языком, но он был интеллигентным мужчиной и решил немного подождать, тем более, что зрелище предполагалось весьма любопытное, а отсосать они могут и позже. Вечер в самом разгаре, и это, ничего не говоря еще про ночь.

Он встал в полный рост, отшагнул назад, бросив короткий взгляд вниз, на свое «восставшее мужское естество», и, оставшись довольным увиденным, посмотрел на женщин. Нагая Ольга как раз начала разворачиваться лицом к Ульрике Катерине, и Бармин счел за лучшее отступить от них к дальней стене, — чтобы смотреть было удобнее, — уселся на табурет и, протянув руку к столу, взял, не глядя, первую попавшуюся бутылку. Оказалось, он выбрал вполне удачный для бани паллиатив[4]: не вино и не водка, а просто крепкое пиво в полулитровой бутылке темного стекла с бугельной пробкой[5].

«Матвеевское крепкое», — прочел Бармин и попытался вспомнить, что это за пиво. Но думать было сложно — отвлекали ласкающиеся женщины. Впрочем, он все-таки вспомнил. Это пиво было похоже и по цвету, — бронзовый, — и по крепости, и по способу приготовления на то, что в его прошлой жизни называлось Пейл эль[6]. Однако ни выпить пива, ни насладиться сценой лесбийского секса не удалось. Бармин только и успел, что открыть бутылку, а кронпринцесса избавиться от бюстгальтера, когда дверь открылась и к ним в предбанник ввалилась целая толпа сильно выпивших женщин.

— Ой, а чем это вы тут занимаетесь? — «удивилась наивная» Елена, Дарена прыснула в кулачок, а Мария обратила внимание на то, на что и надо было им всем сразу посмотреть.

— Ого! — сказала она. — А стоит-то как!

— Ну, вы и живодерки! — с укоризной посмотрела она на Ольгу и Ульрику. — Вы что совсем без понятия? У мужика стоит, а они лизутся, понимаешь!

— А давайте, я ему помогу! — вызвалась осмелевшая в последнее время Дарена.

— А ты ему как помогать собралась? — поинтересовалась Елена. — Верхними губами или нижними?

Девки заржали, — судя по всему, выпито было более чем достаточно, — и Бармин решил, что теперь — «только мыться». Заниматься сексом у всех на глазах, да еще и с комментариями, советами и замечаниями, — а по-другому, похоже, и быть не могло, — ему не хотелось. До такого разврата он пока не дошел.

— Цыц! — сказал он веско, заставив женщин замолчать. — Раздевайтесь, и будем мыться. Секса сегодня не будет, только стриптиз.

В результате, с сексом этим вечером ничего у него не вышло, — сам отказался, — но зато обнаженки Бармин увидел столько, что кто другой слюнной мог бы захлебнуться. И лесбийский секс, но маленькими порциями, тоже имел место быть. Совсем по чуть-чуть, скорее для красоты, чем для удовольствия. А также из хулиганских побуждений, на пьяную

«бабью» голову и из «детского» любопытства. Однако, Бармин, в любом случае, не прогадал, потому что не все в жизни сводится к сексу, вернее, к половой близости. Наряду с инстинктом размножения и связанными с ним наслаждениями, существует ведь и эстетическое чувство, а пять нагих красавиц, истекающих потом в сухой сауне — это просто красиво. И «набиться» с ними вместе в довольно-таки маленький бассейн тоже было интересно и приятно, тем более, что в той толчее, суе и веселой неразберихи, которая наполнила собой неглубокое и неширокое пространство, кто-то добрый, — и Бармин даже знал кто этот «кто», — великодушно разрядил его готовый рвануть от напряжения ствол. Не то, чтобы никто не обратил на это внимания, но как воспитанные люди, все присутствующие сделали вид, что ничего не происходит. Мало ли чья рука где находится и чем занята. А рука у Дарены, к слову сказать, была маленькая и, судя по всему, делала она это впервые, но все у нее получилось просто на «ять», и растроганный ее заботой Ингвар даже поцеловал свою пятую жену в губы. В связи с обстоятельствами, — хохочущая куча-мала голых баб, — поцелуй вышел недолгий и без фанатизма, но Дарена его оценила правильно и от этого буквально расцвела. Так что Бармин, не смотря даже на случившийся реприманд[7], а, может быть, напротив, именно благодаря устроенному женщинами сюрпризу, коллективным походом в баню остался доволен, даже при том, что спал в этот день в одиночестве...

[1] L'amour de trois — любовь втроем, тройничок, быть третьим в постели.

[2] Для тех мужчин, кто не знает: танга (англ. thong «полоска кожи, ремень») — разновидность мини-трусов, используемых как нижнее бельё или купальник: состоят из одного или двух треугольников с узкой соединительной полоской на бёдрах, в виде полоски ткани или резинки.

[3] Либи́до (лат.) — похоть, желание, страсть, стремление, одно из основных понятий психоанализа, разработанных Зигмундом Фрейдом для описания разнообразных проявлений сексуальности. Оно обозначает некую специфическую энергию, лежащую в основе полового влечения.

[4] Паллиатив — не исчерпывающее, временное решение, полумера.

[5] Бугельная пробка — крышка для бутылок и банок, удерживаемая с помощью рычага, позволяющего без больших усилий плотно закупоривать и откупоривать бутылку или банку.

[6] Пейл (Pale Ale) — светлое пиво бронзового оттенка, которое содержит небольшое количество углекислоты. Чаще всего созревает в бутылках. Имеет горьковато-пряный привкус.

[7] Реприманд — устар., разг. неожиданность, неожиданный оборот дела.

Глава 5(2)

2. Шестнадцатое декабря 1983 года

Разумеется, Бармин не забыл свой разговор с дедом, — наверняка являющийся тем самым подарком, который обещала ему богиня рода Стенкилей, — но «торопиться с выводами» не стал. Вместо того, чтобы бежать сломя голову в Алтарный зал и искать там упомянутый в разговоре вход в тайную сокровищницу, представлявшуюся Ингвару явно избыточной на фоне всех прочих секретов подземелий Менгденов, он взял таймаут. Нужно было успокоить нервы и подождать, пока уляжется в мозгах поднятая душевным штормом мусть. А пока суд да дело он предпринял некоторые разыскания, обратившись к доступным ему в данный момент источникам. Напряг ведомство майора Злобиной на предмет изучения подноготной Артемия Нетшина и расспросил Ульрику Катерину и остальных своих девочек о том, знаком ли им, по случаю, термин «спуд». Оказалось, что «спуд» известен не только колдунам, практиковавшим стихийную магию, но и магам, использовавшим классические техники. Впрочем, никто ничего толком об этом феномене не знал, поскольку это было крайне редким делом, чтобы кто-нибудь из магов смог создать полноценный «спуд». Некоторые, вообще, считали это фольклором, сказками и легендами. Но, вроде бы, сильные маги что-то такое действительно делали, используя для этого какой-то древний и никому толком не известный ритуал. Так ли это или нет, жены сказать не могли. Единственная, кто кое-что об этом знал, это Ульрика Катарина, которая вспомнила, что «спудом» в некоторых читанных ею книгах называли «скат» — хранилище силы и умений, которые были способны создавать великие колдуны древности. По описанию, это было нечто, что существовало одновременно «внутри» мага, — то есть, в поле его личной Силы или индивидуального Дара, — и «вне» его, то есть в метафизическом пространстве магосферы[1]. Именно поэтому «скат» можно было объективизировать, выведя из внутреннего пространства во внешнее и таким образом передать кому-то другому, например, своим наследникам. Вот, собственно, и все, что удалось узнать Бармину от членов семьи. В книгах, — во всяком случае, в тех, которые ему удалось разыскать в замковой библиотеке, — ничего нового по сравнению с рассказами женщин найти тоже не удалось. Те же самые мотивы только другими словами.

Другое дело князь Артемий Нетшин. О нем Ингвару сразу же кое-что рассказали Варвара и Мария, не говоря уже об информации из справочника «Кто есть кто в Великорусской империи», из Бархатной книги и прочих подобного рода изданий. А через пару дней и майор Злобина положила на стол Бармина довольно обширное досье на этого товарища, который Ингвару, разумеется, ни разу не товарищ, а, скорее, наоборот.

Артемий Нетшин оказался ничем не примечательным немолодым мужчиной. Не красавец и не урод, несильный маг, получивший образование в Берлине и Вене, безземельный князь, — он владел небольшой усадьбой в районе Ужгорода, — и плейбой по жизни. Не ловелас или повеса, не прожигал, а именно плейбой. Светский человек, способный быть душой общества, но никогда этим не злоупотребляющий. И, наконец, старый холостяк, воспитывающий прижитую на стороне дочь. Но все это, с одной стороны, а вот, с другой, Артемий Никитич был, по-видимому, совсем непросто, хотя и не стремился делать эту сторону своей жизни достоянием широкой общественности. Начать с того, что князь

Артемий Нетшин являлся признанным бастардом Никиты Галицкого и единокровным младшим братом нынешнего князя Божьей милостью Федора Никитича. Собственно, старший брат и устроил в свое время его судьбу, настояв перед отцом, чтобы тот признал своего ублюдка, а позже, когда сменил отца на Галицком столе, выбил для Артемия княжеский титул. Другим интересным моментом было то, что, являясь многолетним другом Сигурда Менгдена и Андрея Северского и будучи лично знаком едва ли не с половиной мятежников, в опалу, — не говоря уже о худшей доле, — он не попал и практически все годы правления императора Константина являлся его конфидендом, не занимая, впрочем, никакой официальной должности. А вот с Андреем Романовичем Северским он, судя по всему, разругался вразг. Но не сразу после коронации Константина, а лет через пять-шесть после этого. Что уж там между ними произошло, никто доподлинно не знал, а только из друга семьи Артемий Никитич разом превратился в персону нон грата. Князь Северский не только перестал с ним общаться, но даже руки с тех пор не подавал. Ну и, наконец, в Обществе ходили упорные слухи, что именно Нетшин, действуя через искренно любившего его старшего брата, оторвал Галицкое княжество от западного пула и организовал его союз с юго-восточными княжествами: Киевским, Черниговским, Новгород-Северским и Переяславским, а значит и с теми княжествами, которые образовали Союзную Рать и объявили Менгденам войну. В этой связи, слова деда о мести приобретали особый смысл, поскольку за сухими фактами биографии князя Нетшина начинала проступать личность предателя и его мотивы.

«С отцом он, по-видимому, просто дружил, — прикинул Бармин возможные варианты, — но дружбой, скорее всего, там и не пахло, поскольку это общение было для Нетшина попросту вынужденным в силу особых отношений с Андреем Романовичем, который, собственно, и дружил с Менгденом».

Могло такое случиться? Да запросто. Но, если так, — если, и в самом деле, возник этот странного вида любовно-дружеский треугольник, — то в силу близости к Сигурду Менгдену Нетшин мог узнать о заговоре и слить заговорщиков, чтобы сделать карьеру при новом императоре. Впрочем, карьера, как таковая, его, похоже, не интересовала. Другое дело — власть. Это было сильно похоже на правду и объясняло между прочим ссору с князем Северским. Если Андрей Романович узнал в конце концов, из-за кого погиб его друг и отец его сыновей, это могло стать причиной разрыва. Это же, к слову, могло бы объяснить и фестиваль невиданной щедрости, устроенный Северским Ингвару Менгдену. Не только дружба с отцом Ингвара и сантименты, связанные с семьей, но и чувство вины. Впрочем, как бы хорошо и логично ни выглядела выстроенная Барминым теория, все это пока являлось лишь предположением, но, с другой стороны, лиха беда — начало. С гипотезы, собственно, и начинается любое научное исследование, и Бармин по опыту знал, что, если уж начал распутывать клубок, не остановится пока не распустит его до конца. Тогда и правда обнаружится. А до тех пор никаких резких движений. Низкий профиль, и ничего иного.

3. Девятнадцатое декабря 1983 года

День не заладился с самого утра. За стенами замка лил ледяной дождь, — по типу, «раскрылись хляби небесные», — перешедший ближе к полудню в густой снегопад, а дома... Ну, что сказать? Полигамная семья — это не всегда «гуд», иногда — это фэйл[2], притом фэйл эпический, а иногда и того хуже. Конкретно сегодня, оставшись без старшей пионервожатой, — Варвара отправилась с Петром в вояж по ближним и дальним

родственникам, — Елена Прекрасная привычно, хотя обещала больше этого не делать, поцапалась с не менее прекрасной Хельгой, Мария гордо обфыркала ударившуюся в слезы Дарену, а принцесса Шведская решила, что сейчас самое время выяснить так и не прояснившиеся до конца отношения со своим юным годами «мужем и господином». В очередной и отнюдь не в первый раз, да, наверняка, и не в последний. Однако Бармин идти на поводу у женщин не захотел: молча выслушал всех желающих, сказал, что принял их жалобы к сведению, и ушел заниматься своими делами. Дел же, как всегда, было много, и все, что характерно, срочные и совершенно не терпящие отлагательства. И это, заметьте, после того, как все эти запросы, просьбы и даже требования, — такое тоже случалось, — прошли через мелкое сито секретариата, где производился первичный отбор информации с отделением зерна от плевел, а затем и через руки личного секретаря-референта Авдеева, в задачу которого входило окончательное отделение овец от козлиц. В общем, спасибо еще, что встал рано и успел перед завтраком сходить в gym[3] раз уж побегать и поплавать не получилось. Хотя, если честно, плавать в покрывшейся льдом реке затруднительно даже в хорошую погоду. Но вот побегать можно даже в мороз. Однако измываться над своим организмом, потащившись под дождь, Бармин не стал, — чай не в САС[4] отбирается, — и поэтому полтора часа изнурял себя различного рода упражнениями. Теми, что не требуют специальных тренажеров, и теми, что требуют. Потом душ, завтрак, — где на него и надели, собственно говоря, его «отчаянные домохозяйки», — и понеслось. Кофе Ингвар пил уже в своем кабинете, там же позволил себе первую в этот день сигарету, сопроводив ее второй чашкой крепкого черного кофе, который допью, то есть двойной эспрессо. Под кофе просмотрел и подписал довольно много документов, касающихся укрепления, так сказать, обороноспособности графства Менгден и Северной марки. Некоторые из этих бумаг были «для служебного пользования», а другие и вовсе — секретными с магической защитой. В общем, начитался вдоволь, да и впечатлился неслабо, ознакомившись с объемом работы, проделанной его соратниками, помощниками, служащими и всеми остальными, кто составлял резко разросшийся штат графа Менгдена.

Закончив с документами, приготовленными на утро, Ингвар сделал короткий перерыв, походил по кабинету, размялся, напрягая разные мышечные группы, покрутил руками, поприседал, но перерыв, увы, закончился слишком быстро, и, вернувшись за стол, Бармин перешел к следующему «неотложному» делу.

В полдень, а вернее, в 12:15 по Пулково, у Ингвара состоялась весьма важная беседа, посвященная довольно-таки деликатному, если не сказать щекотливому, вопросу. Встречу с капитаном Хайвом в миру Егором Степановичем Вогт-Аржениковым он инициировал сам, поскольку тот числился в списке подавших прошение о поступление на службу к графу Менгдену и подходил для целей Бармина по всем статьям. Хайв — означает на норне «куница», и Бармин, узнав об этой кличке-псевдониме, решил, что, скорее всего, это был позывной, причем не из новых, а оставшийся Егору Степановичу с тех давних пор, когда тот служил во Франкском иностранном легионе, куда исторически вербовалось довольно много говоривших на норне[5] русских северян, балтийских варягов и шведских викингов. Но дело, разумеется, не в псевдониме, а в том, что этот крепкий хорошо натренированный пятидесятилетний мужчина, «отбарабанив» семь лет на службе у заносчивых без всякого на то повода франков, ушел на вольные хлеба. Сформировал из новгородских повольников[6] отряд и в течении пятнадцати лет работал по найму, в основном, в африканских и южно-американских колониях и местных полусостоявшихся государствах. По данным, собранным

на него, Ией Злобиной и ее людьми, сначала у Вогт-Арженикова была всего лишь тактическая разведывательная группа, — ну или отделение, если использовать стандартный термин, — состоявшая из семи первоклассных бойцов, но уже под конец наемнической карьеры под командованием капитана Хайва находилась полноценная разведывательно-штурмовая рота. Из других интересных фактов его биографии вызывало интерес то, что по происхождению Вогт-Аржеников являлся великорусским дворянином — исходно относясь к так называемым сынам боярским[7], — и имел близкородственные связи, как с Балтийскими, так и Приладожскими Менгденами. Вместе с ними, к слову сказать, он прилетел полтора месяца назад на помощь Ингвару — в последнюю по времени большую войну, — и показал себя отличным бойцом и командиром, сражаясь против ростовчан в районе Устюжны.

— Здравствуйте, Ваша Светлость[8], — вежливо поклонился высокий крепкого сложения мужчина, войдя в кабинет Бармина.

— Здравствуйте, Егор Степанович! — Встал из-за стола Ингвар.

Руку пожимать посетителю он не стал, но зато сразу же указал на кресло, поставленное перед его рабочим столом, предлагая сесть. Знак уважения, да еще какой.

«Таков уж я, — усмехнулся мысленно Бармин. — Демократ и либерал».

— Вы изъявили желание поступить ко мне на службу, — начал он сразу с главного, — я правильно понял?

— Да, — подтвердил Вогт-Аржеников, — это так.

— У вас богатый военный опыт, — продолжил Бармин, — но специального образования у вас нет.

— Все верно, Ваша Светлость, — посетитель был спокоен, не нервничал, не заискивал, не торопился что-либо объяснить, — если не считать разумеется, сержантскую школу и курсы разведчиков и командиров боевых машин пехоты.

— Но зато у вас есть высшее экономическое образование, — перешел Ингвар к следующему пункту программы.

— Бакалавриат из Сорбонны и Магистерская степень из Ниенского университета, — подтвердил мужчина.

— Однако по этой специальности вы никогда не работали...

— Я играю на бирже, — чуть улыбнулся посетитель. — Понемногу, без фанатизма.

— И как? — поинтересовался Бармин. — Выходит?

— В среднем, остаюсь в плюсе, хотя, видит бог, звезд с неба я в этом деле не хватаю.

— Вы православный? — зацепился Ингвар за упоминание бога в единственном числе.

— Чисто формально, — разъяснил Вогт-Аржеников свою позицию. — Я не атеист, но все-таки веду чисто секулярный образ жизни.

— Знаете четыре языка.

— Пять, на самом деле, но по-испански только говорю. Читаю, разумеется, все-таки франкофон[9], как ни говори. Но по факту, лучше считать меня в отношении испанского языка неграмотным.

— Спасибо за уточнение, — кивнул Бармин. — А теперь, с вашего позволения, один деликатный, но крайне важный вопрос. Насколько я знаю, вы не состоите в формальном браке, однако, возможно, у вас есть спутница жизни, с которой вы официально не зарегистрированы?

— Есть любовница, — совершенно равнодушно ответил посетитель, — но там ничего серьезного, и никакого драматического развития событий не предвидится. Я ответил на ваш

вопрос?

— Да, спасибо, — подтвердил Бармин. — Это облегчает дело, но, разумеется, никоим образом его не решает.

— Что вы имеете в виду? — уточнил явно удивленный репликой Бармина мужчина.

— Сейчас объясню, — ответил Ингвар, нажимая на кнопку электрического звонка. — Будете кофе? Или, может быть, чай?

— Кофе, — кивнул посетитель, — с молоком и сахаром. Благодарю вас.

Минут десять, пока варили кофе и накрывали кофейный столик в кабинете, они с капитаном Хайвом говорили о всякой ерунде. О странах, где тому привелось побывать со своими отнюдь не вегетарианскими миссиями, о нынешнем состоянии мировой экономики и прочих несущественных вещах. Впрочем, разговор этот позволил Бармину расширить и углубить то представление о собеседнике, которое сложилось у него после прочтения досье, собранного на кандидата майором Злобиной. И надо сказать, Егор Степанович Вогт-Аржеников понравился Бармину теперь даже больше, чем прежде. Умный, выдержанный и уверенный в себе мужчина. Речь культурная, внешность отнюдь не бандитская и, как ни странно, вполне себе человек общества, если судить по манере поведения, одежде, речевым интонациям и лексикону, а не клятый солдафон.

«Годный кандидат! — отметил Бармин мысленно. — Только бы срослось! Тьфу, тьфу, тьфу!»

— Итак, по вопросу о вашем трудоустройстве, — начал Ингвар, когда они снова остались в кабинете одни. — Я готов принять вас на службу в любом случае. Это, чтобы вы не волновались по поводу дальнейшего. Есть две вакансии, на которые вы, Егор Степанович, можете претендовать. Первая — это командир разведывательно-штурмовой роты в южной части графства Менгден или в княжестве Ижорском у моей сестры княгини Варвары. К слову сказать, примите вы этот пост или нет, передаю через вас приглашение вашим людям, если они ищут службу.

— Щедрое предложение, — спокойно, без ажитации озвучил гость свое отношение к сказанному. — Какова вторая вакансия, если не секрет?

— Не секрет, — ответил Бармин. — Могу предложить вам место начальника курса подготовки разведывательных и штурмовых групп.

— Где?

— Здесь, в Шексне.

— Звучит многообещающе.

— Так и есть, — подтвердил Ингвар. — Однако, я хотел бы сделать вам другое предложение.

— Альтернативное? — вежливо усмехнулся Вогт-Аржеников.

— Вроде того.

— Я весь внимание, Ваша Светлость.

— Что ж, перейдем к делу. — И в самом деле, чего тянуть, если все равно ничего нового не вытянется. — Что мне нужно от вас. Мне нужно, чтобы вы женились на одной из моих служащих. Предупреждаю сразу, это не то, о чем вы можете подумать, Егор Степанович. Она мне не любовница, и не ждет ребенка от какого-нибудь близкого мне человека. Интрига в том, что, являясь одной из наиболее высокопоставленных и доверенных моих сотрудников, по социальному статусу она тем не менее остается моей холопкой. Дать ей вольную я не могу, поскольку Гербовая палата никак не может решить, кто является моим наследником

первой и второй очереди. Остается только воспользоваться поправкой к закону о браках от июня 1935 года. В упрощенном виде она сводится к тому, что крепостной или крепостная, вступившие в официальный церковный брак со свободным гражданином империи, выводятся из подлого сословия при условии рождения общего ребенка и совместного проживания пары в течение не менее пяти лет. Поэтому, собственно, я и хочу, чтобы вы на ней женились. Женщина она небедная, приданное принесет довольно большое, да и должность занимает такую, что перед вами, как перед ее мужем, сразу же откроются самые широкие перспективы для карьерного роста хоть в военной сфере, хоть в финансово-экономической. Не торопитесь возражать! — остановил Бармин Вогт-Арженикова. — Итак, я объяснил вам, что я хочу от вас, Егор Степанович, и что принесет вам этот брак обычным порядком. Теперь послушайте, что я предлагаю вам я.

— То есть, приданное... — нахмурился мужчина.

— Это между вами и ею, если сговоритесь, — объяснил Ингвар. — Но предложение вам сделал я, я и плачу по счетам. Я предлагаю вам небольшое, но прибыльное поместье в Ижорской земле, титул дворового воеводы[10] и мою личную симпатию, если все сложится, как надо. А мое покровительство дорого стоит. Могу и в род ввести когда-нибудь в будущем младшей ветвью.

— То есть, предлагаете жениться не только формально?

— Можно и формально, если признаете потом ее ребенка, как своего. Имение и титул, как я и обещал, и отступные от невесты, получающей свободу и титул. Если же поладите, то сможете высоко подняться.

— Сколько невесте лет?

— Сорок один, — сообщил Бармин. — симпатичная и спортивная. Умная и занимает одну из ключевых позиций в моем штате.

— Ответ надо дать прямо сейчас?

— Нет, но придется подписать соглашение о конфиденциальности. Тогда сможете познакомиться с невестой и попытаться с ней договориться. Она женщина умная и договороспособная. Если увидит перед собой достойного человека, то... Впрочем, хотелось бы уточнить. Она отнюдь не в отчаянии, да и я только начал заниматься ее судьбой. Могут найтись и другие кандидаты в мужья, или гербовая палата выродит наконец решение о наследниках...

Идея выдать Дарью Иванову замуж возникла у Бармина в тот момент, когда он понял, что гербовая палата будет «долго и упорно» решать вопрос с его наследниками[11], и ускорить этот процесс попросту невозможно. Что-то там хитрожопое и напрочь выносящее мозг с имперскими правилами и подзаконными актами, прецедентами и пояснениями к основным законам. Сложно, муторно и, даже наняв целую толпу крючкотворов, быстро и качественно переломить тенденцию вряд ли получится, ибо за всем этим гадством угадывалась тень, если и не самого государя-императора, то уж точно кого-то из его сыновей. А между тем, госпожа Иванова оказалась невероятно ценным работником. Умна, образована и опыта хоть отбавляй, она в самые короткие сроки организовала эдакое подобие Казенного приказа[12] и приказа Большой Казны[13] в одном флаконе. Попросту говоря, она создала и руководила, — при том руководила более чем эффективно, — его, графа Менгдена, личным министерством Финансов и Промышленности, да еще и налоговым управлением в придачу. К тому же, Ингвар ей просто симпатизировал, как человеку, причем чем дальше, тем больше. Так что меркантильные интересы тесно переплелись в этом случае

с морально-этическими императивами, и Бармин решил любыми способами, — и, разумеется, не считаясь с тратами, — помочь Ивановой обрести свободу.

И решение, что называется, напрашивалось. Найти Дарье Петровне подходящего супруга, и дело с концом. Но, озаботив свою тайную службу поиском годной кандидатуры в мужья, Бармин сообразил, что, если уж выдавать госпожу Иванову замуж, то дело можно сладить таким образом, чтобы довольны остались буквально все: и сама Дарья, — у которой не было ни семьи, ни постоянного мужчины, — и ее предполагаемый партнер, и сам Бармин, имевший в этом деле определенный и при том весьма серьезный интерес. Поэтому, прежде всего, он самым серьезным образом обговорил эту «брачную аферу» с самой виновницей торжества, и, только получив от нее «добро», — вот что значит умный и умеющий мыслить на перспективу контрагент, — начал действовать, и, в частности, подобрал, не сам, разумеется, а руками своих контрразведчиков, несколько кандидатур и ознакомил женщину с их досье. Так что Егор Степанович Вогт-Аржеников появился сегодня в его кабинете не случайно, а после серьезной предварительной проверки.

Вообще-то, на данный момент кандидатов было общим числом трое, но капитан Хайв представлялся Бармину очевидным лидером. Хорош собой, — во всяком случае, Дарье он сразу понравился, — не мальчишка, прости господи, и карьера, учитывая обстоятельства, отнюдь не тривиальная.

«Было бы неплохо..., - вздохнул мысленно Бармин. — Но решать не мне. Взрослые люди — сами разберутся».

Он проводил взглядом покидающего кабинет Вогт-Арженикова, посмотрел с сомнением на резную сигаретницу, — курить не то, чтобы очень уж хотелось, но привычка вторая натура, не правда ли? — и все-таки, подумав еще мгновение, Ингвар решил отложить третью дневную сигарету «на потом». Эйфория первых месяцев «в новом мире, в новом теле» начала понемногу проходить и Бармин решил, что даже при его богатырском организме имеет смысл свести потребление никотина и алкоголя к приятному минимуму, чтобы и удовольствие получать, и палку не перегибать. Поэтому, вернувшись в Усть-Углу из Гетеборга, он, с одной стороны, увеличил физические нагрузки, а, с другой, сократил курение до пяти-шести сигарет в день и несколько уменьшил количество выпиваемого за сутки алкоголя. Как психиатр, он знал, разумеется, что безопасная суточная доза алкоголя для мужчин составляет примерно 80 граммам водки, 300 граммам сухого вина или чуть больше полулитра пива стандартной крепости. Сейчас он, правда, был в полтора раза крупнее себя прежнего, почти в четыре раза моложе и обладал уникальным метаболизмом. Проще говоря, в дополнение ко всем бонусам молодости и здоровья его физиология была сильнейшим образом увязана с его колдовским Даром. Так что, по идее, в рамках присущих имперской аристократии эпикурейства[14] и гедонизма[15] Бармин мог себе много чего позволить, — и следует заметить, позволял, — но все-таки решил сбавить обороты и перейти к хотя бы относительно здоровому образу жизни. Так что, сигарету он, в конце концов, не взял и остывший кофе пить не стал, налил себе в стакан минеральной воды и, сделав пару глотков, снял трубку с телефонного аппарата.

— Слушаю вас, Ваша Светлость, — сразу же откликнулся замковый коммутатор. Светлостью его теперь звали все подряд, справедливо рассудив, что князь Милостью Божьей ничем существенным не отличается от *«герцогов, младших детей правнуков императора, а также светлейших князей по пожалованию»*.

— Соедини меня с госпожой Ивановой.

— Минута! — попросил обезличенный голос телефонной барышни. — Говорите!

— Здравствуйте, Дарья Петровна, — сказал Бармин, как только Иванова взяла трубку. — Я говорил с Вогт-Аржениковым. Он готов попробовать. Так что ждите в ближайшее время приглашение на свидание.

— Спасибо, Ингвар Сигурдович! Это... Это много значит для меня.

— Я понимаю, — Он, и в самом деле, понимал, поскольку все-таки был не только Менгденом, но и Барминым, а Игорю Викентиевичу вся эта история с крепостными холопами, ой как, не нравилась. Просто поделаться с этим он ничего не мог. Ну не революцию же, в самом деле, устраивать!

«Один попробовал уже, — вздохнул он мысленно, вспомнив про своего деда и отца, — и мы знаем, чем это закончилось».

Вообще, для человека из двадцать первого века и не просто человека, а того, кто вырос при советской власти, а потом полжизни прожил в Америке, проблема рабства была более чем актуальна. В прошлом обеих этих стран остались темные страницы крепостного права и рабства, так что отношение к этим явлениям могло быть у Бармина только и исключительно отрицательным. Но ситуация была и того хуже. В прошлой его жизни все эти ужасы остались в далеком прошлом, завершившись еще в девятнадцатом веке, и негатив всплывал только тогда, когда в новостных выпусках СиЭнЭн или ЭнБиСи рассказывали о торговцах живым товаром, о сексуальном рабстве или рабах в мусульманском мире. Но там это были эпизоды, а здесь вся эта дрянь существовала, как факт обыденности. У него самого, как крупного феодала, было около миллиона холопов, если считать не только графство Менгден, но и население Северной марки. И как бы он к этому ни относился, своих рабов Бармин освободить не мог. Одного, десять или даже сто крепостных — возможно, особенно если гербовая палата даст наконец ответ на животрепещущий вопрос: кто является его наследниками первой и второй очереди. Но, если он начнет освобождать тысячами, вмешается государство, поскольку такое поведение пошатнет устои и способно вызвать жестокий социально-экономический кризис. Культурно-психологический — кстати тоже. Поэтому устройство судьбы Дарьи Ивановой стало для Ингвара уникальной возможностью помочь хотя бы одному конкретному и небезразличному ему лично человеку и тем облегчить свою душу. Оттого он так и старался убедить, — купить, на самом деле, — Вогт-Арженикова. На капитане Хайве свет клином, конечно, не сошелся, на примете у Бармина было еще несколько кандидатур. Но в одном случае, ей светила роль третьей жены у нетитулованного дворянина и крайне слабого мага, а во втором — жены провинциального мещанина, не имеющего Дара вообще. Вогт-Аржеников являлся в этом смысле лучшим вариантом, поскольку уже был дворянином, да и магией владел на твердом среднем уровне. Выйдя за него замуж, Дарья стала бы не только свободной, но также получила бы титул, а с титулом в ее ремесле куда проще, чем без него.

[1] Магосфера — придуманное автором пространство магии, охватывающее всю вселенную человека. Понятие создано по образцу Ноосферы.

Ноосфера — гипотетическая сфера взаимодействия общества и природы, в границах которой разумная человеческая деятельность становится определяющим фактором развития. Ноосфера — предположительно новая, высшая стадия эволюции биосферы, становление которой связано с развитием общества, оказывающего глубокое воздействие на природные процессы.

[2] Фэйл (от английского fail — неудача) — слово, которое в Интернете заменяет

собственно слово «неудача».

[3] Gym — «качалка» — оборудованный тренажерами спортзал. Бармин много лет прожил в Америке, поэтому вспомнил англоязычный термин, а не его русский аналог.

[4] Особая воздушная служба (англ. Special Air Service), сокращённо SAS, также расшифровывается как Специальная авиадесантная служба (САС) — специальное подразделение вооружённых сил Великобритании, являющееся образцом для подразделений специального назначения во многих других странах по всему миру.

[5] На самом деле, Норн (англ. Norn) — скандинавский язык, распространённый на Оркнейских и Шетлендских островах и вымерший еще в XVIII веке. Однако в этой реальности, это один из основных скандинавских языков, широко употребляемый также в северо-западных регионах Великорусской империи.

[6] Повольник — в Новгородской республике — вольный, свободный человек, занимавшийся разбоем и торговлей, ушкуйник.

[7] Дети (или сыны) боярские — сословие, существовавшее в Северо-Восточной Руси и в Русском царстве в конце XIV — начале XVIII веков. В XVI–XVII веках дети боярски вместе с дворянами входили в число «служилых людей по отечеству» и несли обязательную службу, за которую получали поместья, записывались в десятни по уездам и составляли поместную конницу.

[8] Светлостью Бармин стал, получив титул Волей Божьей князь Острожский. В этой реальности Острожские исторически считаются правящим домом Северной Марки, которая входит в Великорусскую империю, как автономия.

[9] Франкофоны в широком смысле — франкоязычное население планеты.

[10] В этой реальности дворовый воевода — дворянский титул, находящийся между не титулованным дворянством и баронами, то есть, баронет или баннерет, что выше сына боярского (рыцарь, кавалер, риттер) на ступень или даже две.

[11] Во второй книге было дано объяснение, что по закону освободить крепостных хозяин может только с позволения своих наследников (двух первых в очереди). Закон, таким образом, защищает права наследников.

[12] Казённый приказ — дворцовое учреждение в Российском государстве 16–17 вв. В его управление входило производство и хранение ценностей царской казны, торговые операции для царских нужд, финансирование государственно важных проектов. Казённый приказ выделился из княжеской казны. Казённый приказ основан, вероятно, одновременно с появлением звания казначея, то есть около 1495 года. Название «Казённая изба» впервые встречается в 1578 году, «Казённый двор», впервые упоминается в 1598 году.

[13] Приказ этот заведовал государственными доходами с тех городов, сёл и деревень, которые не были подчинены другим приказам; в его ведении состояли гостиная и суконная сотни и вообще торговые люди, а также мастера серебряного дела. Ему был подчинён денежный двор, на котором чеканились деньги и медали. В записных книгах денежный двор упоминается с 1665 года, наблюдал за ним особый приказ из дворянина и дьяка. В заведовании приказа Большой казны состоял ещё тульский железный завод, на котором изготовлялись разные железные изделия, ружья, ядра, пушки. Горное дело также состояло в ведении этого приказа.

[14] Эпикуреизм (в просторечии Эпикурейство) — философское учение, исходящее из идей Эпикура и его последователей. Согласно ему, высшим благом считается наслаждение жизнью, которое подразумевает отсутствие физической боли и тревог, а также избавление

от страха перед смертью и богами, представляющимися безразличными к происходящему в мире смертных.

[15] Гедонизм — аксиологическое учение, согласно которому удовольствие является высшим благом и смыслом жизни, единственной терминальной ценностью (тогда как все остальные ценности являются инструментальными, то есть средствами достижения удовольствия).

Глава 6(1)

1. Девятнадцатое декабря 1983 года

Разговор с Вогт-Аржениковым оставил у Ингвара ощущение хорошо выполненной работы. Он сделал нужное дело и надеялся, что результаты сегодняшней встречи его не разочаруют. Немаловажно было и то, будет ли довольна госпожа Иванова, которой он действительно симпатизировал и очень хотел помочь.

«Что ж, поживем — увидим!»

Бармин взглянул на часы. До обеда еще четыре часа, и это значит, что у него два варианта развития событий. Можно перекусить и снова засесть за бумаги, занявшись теперь ради разнообразия вопросами экономики и финансов, или спуститься в подземелья замка и продолжить изучать «наследие предков». Тайный архив Менгденов на поверку оказался гораздо больше, чем показалось Бармину вначале. Такой объем информации за один присест не изучить. Но там еще ведь и магия! Абсолютно секретные и оттого только рукописные трактаты по стихийному колдовству, каких не найдешь, пожалуй, ни в одной, — даже условно закрытой, — библиотеке мира, и личные записи его предков, владевших секретами родовой магии, изучавших ее и развивавших в меру своего разумения и личных способностей. Ну и тайна «спуда» и родовой книги тоже ведь сама себя не раскроет. Так что идея спуститься в лабиринт, скрытый под Медвежьей башней, показалась соблазнительной, и Бармин совсем уже собрался пойти в свой тайный «архив», когда с ним неожиданно связался барон алп-Тархан.

— Добрый день, Ингвар Сигурдович, — вежливо поздоровался хазарин, получивший от Бармина право обращаться к нему в неформальной обстановке по имени-отчеству.

— Здравствуйте, Зиновий Яковлевич! Всегда рад вас слышать. Чем могу помочь?

— Надо увидеться, — коротко ответил собеседник и этим задал общее настроение разговора.

— Что-то случилось? — насторожился Бармин.

— Да, — ответил барон. — Поступила крайне важная информация.

— Нетелефонный разговор? — уточнил Ингвар.

— Именно так.

— Где хотите встретиться? У меня или у вас? — перешел Бармин к конкретике.

— Я бы не хотел привлекать внимания к этой встрече, — уточнил свою позицию хазарин.

— Значит, у вас, — согласился Ингвар. — Где?

— В замке Вогнема.

Крепость Вогнема находилась в верховьях Шексны близ озера Белое. Где-то «посередке», имея в виду радиус действия Менгденовской телепортации, и к тому же Бармин успел уже неплохо изучить окрестности хазарского замка и чувствовал, что переход туда проблемой не станет.

— Хорошо, — согласился он на предложение о месте встречи, — через полчаса. Со мной будет Мария Дмитриевна.

— Это будет более, чем уместно, — коротко ответил алп-Тархан.

Причин для того, чтобы взять Марию на конфиденциальную встречу в замке Вогнема,

было несколько, и все, как одна, существенные. Во-первых, всегда полезно иметь рядом с собой кого-нибудь, кто в случае чего прикроет тебе спину. Мария же сильный боец, и в преданности ее сомнений не было и не могло быть. Но дело было еще и в том, что княгиня Полоцкая умела открывать порталы. Вот Бармин и брал ее «на выезд», чтобы она ознакомилась с как можно большим количеством локаций. А ну как придется кидать переход на южный берег озера Белое? И это, разумеется, во-вторых. Ну и, наконец, в-третьих: Марии, как, впрочем, и Варваре необходимо было как можно скорее набираться реального опыта по непосредственному руководству немалой по размеру страной. Неважно, какова степень автономности того или иного княжества, — а графство Менгден формально являлось последней в империи Выделенной Стороной[1], — «рулить» такой махиной, не говоря уже о Северной марке, — совсем непросто. А управление — это не только и не столько надувание щек, — сидючи на троне или во главе стола для заседаний, — это в первую очередь понимание, как и что устроено во власти. И в этом смысле, политика и закулисные игры занимают не последнее место в списке умений и навыков, характеризующих успешного властителя. Сам Бармин учился этому искусству на ходу и урывками, постигая его шаг за шагом и не без труда. Тем более, стоило, воспользовавшись оказией, поучить этому княгиню Полоцкую, да и самому поучиться у нее. Все-таки ее, в отличие от Ингвара, готовили к роли правящего монарха едва ли не с пеленок.

Замок Вогнема являлся чистой воды новостроем. Ну а поскольку отделочные работы провести до наступления сырой и холодной осени не успели, то было никак не скрыть тот факт, что выстроена крепость, в основном, из железобетона. Конечно, потом, когда безликие серые поверхности скроются под деревом и кирпичом и будут облицованы мрамором и гранитом, Вогнема будет выглядеть, как настоящий замок с намеком на восточный стиль. Но пока, — то есть, как минимум, до поздней весны, когда возобновятся отделочные работы, — выстроенное хазарами сооружение напоминало причудливой формы казарму, «косящую» под блокгауз[2]. Впрочем, они сюда не архитектурой прибыли любоваться: делу, как говорится, время, а потехе — час, да и то если останется.

Переместились прямо на дамбу Шекснинского водохранилища метрах в двадцати от речных ворот крепости. Бармин переход оценил, как «*среднемагистральный*» — всего каких-то жалких 110 километров, — и умеренно болезненный, а Мария, осмотревшаяся, едва они оказались на месте, с нарабатанными годами тренировок профессиональным интересом, прежде всего, не обнаружив непосредственной опасности, дала «отбой», и сразу за тем определилась с локацией:

— Портал из Усть-Углы или Шексны, если потребуется, — сказала она тихо, — открою на раз. Из Вологды или Череповца, пожалуй, тоже. Но надо бы все-таки проверить, поэкспериментировать.

— Проверь, — так же тихо ответил Бармин. — Запас карман не тянет. А вот и хозяйева!

Комитет по встрече появился в створе ворот буквально через минуту после перехода, и дело здесь не только в том, что их ждали и при том ждали именно на дамбе, а в том, что рядом с бароном алп-Тарханом стояла боярышня Хатун бат[3] Субат алп Тухчар, а она, следует заметить, совсем неплохо отслеживала перемещения Бармина в радиусе, как минимум, ста пятидесяти километров. «Чуяла» его, но не охотничьим чутьем барса, а интуицией лесной ведуньи, которая открылась в женщине, стоило ей забеременеть от

Ингвара. К слову сказать, возможность присутствия на этой встрече Хатун являлась еще одной и при том немаловажной причиной того, что Бармин прихватил с собой Марию Полоцкую. Как ни странно, две эти молодые женщины — совершенно разные, и по происхождению, и по воспитанию, и по характеру, — на редкость хорошо сошлись сразу же после первой же их встречи. Даже на охоту и девичники ходить иногда стали вместе, считая себя, — вот уж чудо из чудес, — едва ли не сестрами. Однако особый интерес Ингвара вызвали отнюдь не знакомые ему персонажи, а некто неизвестный, стоявший сейчас рядом с Хатун.

Интуиция подсказывала, что эти двое, — юная красавица-оборотень и высокий представительный мужчина средних лет, — близки. Что-то их связывало, несмотря на то, что между ними не было ни капли сходства.

«Отец?» — предположил Бармин, слышавший уже от Субат-ханум, что у пардусов[4] девочки наследуют внешность и способности исключительно от матерей, игнорируя, как факт, генотип отца.

Незнакомец был хорош собой, даже Мария, посмотрев на него внимательнее, вздохнула так, что Ингвар едва ее не приревновал. Впрочем, почему едва? Приревновал, но совсем немного и ненадолго. На минуту или две. Затмение нашло, но быстро вышло.

— Добрый день, Ваше Сиятельство! — приветствовал Ингвара алп-Тархан. — Или теперь лучше говорить, Ваша Светлость?

— Это зависит, барон, от того, кто ваш гость, — усмехнулся в ответ Бармин. — Для вас я Ингвар Сигурдович, а для госпожи алп Тухчар — просто Ингвар. Так что все зависит от того, кто к нам пожаловал в гости, друг, родич или еще кто.

Сказав это, он посмотрел на незнакомца, прямо ему в глаза. Мужчина был темноволос и темноглаз, но эти определения ничего, на самом деле, не говорили о его внешности. Постриженные по последней европейской моде волосы имели цвет воронова крыла, глаза были похожи на черные агаты, а классически красивое, — в античном понимании мужественности, — лицо было, словно бы, высечено из белоснежного каррарского мрамора. Ни пигментации, ни тени загара. Контраст впечатлял.

«Вампир?»

Но Бармин знал, разумеется, что Вампиров в природе не существует, так что — нет, не вампир. Но кто, тогда?

— Разрешите представиться, Ваша Светлость, — поклонился ему мужчина. — Ваше Светлость, — поклон, адресованный Марии, — барон Антон Рор фон Дента, статс-секретарь[5] его Императорского Величества Фридриха IX Церингена[6], к вашим услугам.

— Я заведовал личной канцелярией императора, — добавил мужчина, вероятно, чтобы расставить все точки над «і», — хотя, возможно, все еще веду, но, если так, то чисто технически, поскольку нахожусь в бегах.

«Вот это номер!» — покачал Бармин мысленно головой.

И в самом деле, перед ним стоял особо приближенный придворный чин императора Австрийской империи. И прибежал этот царедворец, — какими бы ни были причины его бегства, — не куда-нибудь, а в графство Менгден. Но именно это, судя по всему, и являлось темой разговора, на который так поспешно пригласил Ингвара хозяин замка Вогнема.

«А ценой политического убежища станет конфиденциальная информация из австрийских закров!»

Ситуация непростая, так как, с одной стороны, графство действительно имеет древнее

неотъемлемое право предоставлять убежище. «С моей земли выдачи нет», и точка. Но, с другой стороны, земли эти входят в состав империи, а у Бармина и так уже отношения с Иваном Романовичем более чем натянутые. Может и прилететь, — если противоречит имперским интересам, — а значит, все, как всегда, сводится к цене вопроса. А также к тому, что именно и как терсно связывает австрийского барона и прикаспийских хазар.

— Очень приятно, барон! — склонил голову в вежливом полупоклоне Бармин и спросил, переводя взгляд на хозяина замка. — Будем говорить здесь, Зиновий Яковлевич, или пригласите нас в дом?

— Добро пожаловать в замок, Ингвар Сигурдович! — улыбнулся в ответ барон алп-Тархан. — Мария Андреевна! — поклонился он княгине. — Прошу вас в дом, дамы и господ!

Бармин кивнул, соглашаясь, и без промедления, но и без спешки направился в замок вслед за хазарским беком, превратившимся здесь, на севере, в кланника семьи Менгден. Ворота, — Ингвар обратил внимание на бронеколпаки с крупнокалиберными пулеметами по обеим сторонам от входа, — все еще захламленный строительным мусором, просторный внешний двор и полукруглая лестница в пять ступеней, выглядевшая более чем элегантно, если бы не серая шероховатость голого бетона; двустворчатые высокие двери, светлый холл в форме ротонды и еще одна лестница, плавной дугой поднимающаяся на второй этаж, и, наконец, вполне *ухоженный и обжитый* кабинет барона. Здесь были уже уложены полы из наборного паркета, стены отделаны дубовыми панелями и затянуты шелковыми обоями, а сводчатый потолок расписан золотыми узорами по снежно белому алебастру. Эркерное окно с витражным остеклением по другую сторону от массивного рабочего стола, бронзовые светильники, монументальные напольные часы в футляре из красного дерева, бухарский ковер на полу, картины на стенах — пейзажи приморской полосы княжества Хамзин[7] — родины хозяина дома.

«Впечатляет, — отметил Бармин, занимая одно из кресел, расставленных вокруг овального журнального столика в рекреационной зоне. — Вполне!»

— Приказать принести напитки? — спросил между тем алп-Тархан на правах «принимающей стороны».

— Благодарю вас, — отказался Ингвар. — Возможно, позже. Давайте сначала разберемся с делом, а там посмотрим.

— Я не против, если ни у кого нет возражений, — оглядел барон всех собравшихся, но никто идею с напитками не поддержал.

— Что ж, тогда передаю слово нашему гостю, — кивнул алп-Тархан.

— Благодарю вас, — чуть улыбнулся в ответ австриец. — И начну я, пожалуй, с предыстории, которая просто необходима, чтобы объяснить все остальное, о чем пойдет речь.

— Прошу вас, барон, — поддержал его инициативу Ингвар.

— Я, Ингвар Сигурдович, если вы еще не догадались, волк, — начал барон свой «зачин». — Черный вервольф — это, если по-немецки, но поскольку я не немец, а ободрит[8], то скорее все-таки волколак, а не вервольф. Так, наверное, будет правильнее.

— Не знала, что ободриты все еще не растворились среди германцев, — с искренним удивлением в голосе прокомментировала Мария слова барона. Обратни для нее уже не диковинка, а вот древнее славянское племя вызывает интерес.

— Нас еще порядка сорока тысяч, живущих на западе Мекленбурга, — ответил ей фон

Дента, — ну и еще тысяча двадцать тут и там в Германских государствах и в империи. Но сам я из Шлезвиг-Гольштейна. Там когда-то жила моя семья.

— Ваш побег не может им навредить? — решил уточнить Бармин, поскольку, если быть последовательным, то, приняв барона в Менгдене, придется среди прочего озаботиться так же эвакуацией на север семьи перебежчика.

— Те, кому следовало бы опасаться гнева императора, давно уже мертвы, — ровным голосом сообщил беглец. — Я был единственным оборотнем в семье, а ободритские волколаки, Ингвар Сигурдович, живут долго. Я выгляжу довольно молодо, но на самом деле мне уже больше двухсот лет. Двести три года, если быть точным, и моя семья, — все, кто мне по-настоящему близок и дорог, — находятся здесь, в ваших землях, граф.

— Барон мой отец, — внесла ясность Хатун.

«Тест? — усмехнулся Бармин мысленно. — Оригинально! Почти мексиканское кино!»

— Это веская, но не единственная причина, — посмотрел в глаза Ингвару мужчина. — Если поверите мне на слово, меня пригласил сюда еще ваш прадед Ингвар Третий. Он обещал мне убежище.

— Вы знали моего прадеда? — удивился Бармин, не представлявший себе, как может выглядеть реально столь долгая жизнь.

— Мне двести лет, — грустно улыбнувшись, повторил мужчина. — А с вашим прадедом мы не то, чтобы дружили, но испытывали обоюдную симпатию. Сошлись, знаете ли, на почве любви к истории. Основатель вашей династии, Ингвар Сигурдович, Дарри Менгден[9] однажды очень сильно помог моему предку Годлейбу. Тот являлся одним из военоначальников князя Никлота. Но эту историю, полагаю, вы знаете.

Так и было, эту историю, произошедшую едва ли не тысячу лет назад, Бармин знал. Прочитал в хрониках рода — весьма занятом девятитомном собрании подлинных документов эпохи, летописных записок, дневниковых записей и анналов[10], составленных семейными хронистами.

— Это предыстория, — констатировал он вслух. — Какова же история?

— Поверите ли, граф, но все случилось практически случайно, — посмотрел гость на Ингвара. — Можно сказать, несчастное стечение обстоятельств. Вы, возможно, не знаете, но императора Фридриха воспитывали иезуиты. Он ревностный, я бы даже сказал, воинственный католик. При его дворе нет не только язычников, нет даже представителей других христианских конфессий. И, если этого мало, Церинген яростный националист. Публично он это не озвучивает, — все-таки он стоит во главе многонациональной и многоконфессиональной империи. Но достаточно взглянуть на его двор, на высших имперских чиновников и генералов, чтобы увидеть — в большинстве своем это немцы. Есть несколько немецкоязычных ясов и добреценских гайдуков, тирольских ладинов[11] и богемцев, но и все, если не считать нескольких евреев-выкрестов. Я в этом серпентарии всегда считался немцем из Пруссии и, разумеется, католиком. Я, — просто, чтобы вы поняли ситуацию, — человек не сильно верующий, так что мне все равно в какой ходить храм. Но все-таки я волколак, а волколаки почитают богиню Диану[12] или по-нашему Джевану. Так что я изредка участвовал в ритуалах нашей общины в Штирии и Бургенланде[13]. И вот из неизвестного источника, полагаю, откуда-то из ваших краев, граф, император узнает, что у меня есть дочь в хазарском племени. Я эту связь никогда не афишировал, но кое-кто по эту сторону границы кое-что обо мне все-таки знает. Дальше больше. Само по себе иметь незаконнорожденную дочь, если смотреть с точки зрения католиков, проступок, но не

преступление. Однако кое-кто в окружении императора решил на этом сыграть, чтобы освободить место у трона для кого-то из своих родичей. В общем, нашли предателя среди вервольфов, и выяснили, что я не только не католик, но к тому же еще и не немец. Не трагедия, если честно. Подвинули бы из имперской канцелярии, и все, собственно. В крайнем случае, отправили бы в изгнание. Но тут разразилась ваша, граф, война с Союзной ратью и женитьба на шведской кронпринцессе-язычнице, и меня обвинили в предательстве и шпионаже в пользу Великорусской империи. То есть, не обвинили, поскольку не успели, — меня предупредил старый приятель из контрразведки, — но собирались обвинить, а это уже, как минимум, тюрьма, а то и казнь.

— Вот с этого места поподробней, пожалуйста, — насторожился Бармин. — Какая связь между вашей дочерью и шпионажем?

— Моя дочь, как и я оборотень, но она хазарянка и, мало того, что совсем недавно перебралась со всей семьей с Кавказа на Русский Север, так еще и замуж вышла за графа Менгдена.

— Мы не совершали обряда, — счел нужным внести ясность Бармин.

— Но она носит вашего ребенка, граф, живет в ваших землях, участвовала на вашей стороне в войне с Союзной ратью. Этого достаточно, чтобы приписать вам наличие брачного контракта. Во всяком случае, тот, кто донес до императора все эти «новости», трактует ваши отношения именно так, то есть, как брачные. А у нас там мало кто знает о том, что пардусы замуж не выходят. Они ориентируются на вервольфов, а те ведут себя в этом отношении совсем, как люди: женятся и выходят замуж, заводят семью.

— Вы знаете, кто доносчик?

— Скажем так, не знаю, но подозреваю.

— То есть, стопроцентной уверенности нет? — уточнил Бармин.

— Именно так, — подтвердил барон.

— Назовите имя?

— Почему бы не назвать, — пожал плечами оборотень. — Но повторяюсь, это всего лишь мои подозрения, основанные на анализе известных мне фактов.

— Ваши сомнения мне понятны, — кивнул Бармин. — Назовите имя, и мы обсудим ваши подозрения.

— Князь Нетшин.

«А этот-то каким боком? — опешил Ингвар, хотя внешне остался совершенно спокоен. — Совпадение? Все может быть...»

— Я знаю князя, — снова вступила в разговор Мария. — Он постоянно крутится возле императора. Отец его не любит, — не знаю, правда, за что, — но пару раз мы его у нас принимали. Веселый, остроумный, бонвиван[14]... но взгляд у него неприятный и аура какая-то темная...

— Католик в православной империи, — добавил барон фон Дента. — Он учился в Австрии, имеет там множество друзей, и, вроде бы, из Австрии привез дочь. Она узаконенный бастард, но не это важно. Родилась она в Вене. А Нетшин, по некоторым данным не только католик и германofil, он еще и сторонник унии.

— Что за уния? — насторожился Бармин, помнивший, но смутно, что-то такое из своей прежней жизни. Там, вроде бы, на Украине были такие вот ребята... Униаты... На западе страны.

«Черт! — сообразил он вдруг. — То, что на той Украине юго-запад, у нас здесь — юго-

восточные княжества, и Нетшин как раз оттуда из Галиции!»

— Это старая идея, — взялась между тем объяснять мужу княгиня Полоцкая. — Объединить обе церкви под эгидой одного иерарха. Имеется в виду Ватикан и Папа Римский. В Галицком княжестве и у соседей воду мутят венгры, поляки и австрийцы, да и в самих княжествах католиков полно. А вот язычников в тех краях как раз мало. В Венгрии несколько мелких групп, в Словакии тоже, ну и в русских княжествах. Но их там от силы треть.

— Постой, Миа! — остановил Бармин свою жену. — Получается, у нас тут раскол по религиозно-этническому принципу! Северо-запад, шведы и голландцы с одной стороны и вся Европа — с другой?

— В южной Европе и на Балканах язычников, как бы ни половина населения, — возразила женщина. — Да и у нас в империи, — и в Сибири, и на Дальнем Востоке, — язычников все еще больше, чем христиан. В юго-восточных и восточных княжествах — не меньше трети населения. Так что, не все так плохо. Да и православные под руку Папы идти не захотят, не говоря уже о существенных различиях между конфессиями.

«Н-да, — покачал Бармин мысленно головой, — не зря говорят: ученье — свет, а не ученье — тьма».

— Что ж, — сказал он вслух. — Спасибо за разъяснения. Теперь мне многое становится понятным. Но, полагаю, срочность нашей встречи вызвана не этим. Это так?

— Разумеется, — кивнул барон, — но...

«Бойтся, что выдою и выброшу...»

— Вы можете не сомневаться, барон, — сказал он вслух. — Если мой прадед обещал предоставить вам в случае необходимости убежище, этого достаточно. Селитесь, устраивайтесь. Землю выделю, деньгами тоже не обижу.

— Деньги у меня есть.

— Как скажете, — не стал спорить Ингвар. — Но, если понадобятся, обращайтесь, тем более, вы отец Хатун, а значит и дед нашей дочери.

Называть незнакомца тестем Бармин не хотел, тем более, по существу, это так и есть.

— Спасибо, граф, — поклонился ему новоявленный родственник. — Ваши слова очень много для меня значат.

— Значит, с любезностями закончили, — подвел Бармин черту. — Переходим к основному блюду.

— Император принял принципиальное решение начать войну против Великорусской империи не позже конца мая следующего года.

— С ума спятил? — удивился Бармин. — У него элементарно не хватит для этого сил!

— Верно, — согласился барон. — В одиночку ему такую войну не потянуть. Однако Фридриху удалось сколотить коалицию. В Европе на его стороне выступят Польша и Дания, а это, в свою очередь, означает, что воевать против вас подпишутся добровольцы и наемники практически из всех Германских государств. А на Кавказе и в Закаспии вас атакуют войска Халифата.

— Это точно?

— Я видел бумаги, — пожал плечами фон Дента. — К самим переговорам я допущен не был. Канцелярия традиционно не вмешивается в Иностранные дела и в вопросы обороны. Мое поле деятельности — внутреимперская политика. Однако совсем уже скрыть от меня такую новость было невозможно. Канцелярия, среди прочего, обеспечивает внутреннюю

безопасность. Так что, кое-что я видел и запомнил наизусть.

— После вашего бегства планы могут измениться, — поморщился Ингвар. — Во всяком случае, оперативные.

— Ни в коем случае, — усмехнулся беглец. — Видите ли, граф, моя машина сорвалась в пропасть. Я слишком спешил как можно быстрее и как можно дальше убраться из Вены, гнал машину на высокой скорости и не впился в поворот. Автомобиль сорвался в пропасть. Чуть больше пятидесяти метров свободного падения, — не считая ударов о выступы стены, — завершающий удар и взрыв. Там мало что осталось, но то, что найдут, будет неоспоримо свидетельствовать, что я мертв. Так что, для пользы дела я готов какое-то время жить здесь инкогнито.

— Буду вам очень признателен, — поблагодарил Бармин, хорошо представлявший себе, на что идет фон Дента ради «крепкой дружбы» и помощи своему новому сюзерену.

— Мы этим займемся, — впервые нарушил молчание барон алп-Тархан. — Я и Субатханум.

— Не сомневаюсь, — посмотрел Бармин на хозяина замка и тут же перевел взгляд на беглеца:

— Детали вы изложите письменно?

— Да, — подтвердил мужчина. — Не позже завтрашнего вечера.

— Надеюсь, — сказал тогда Бармин, — что все, сказанное здесь, останется между нами.

Нам в такой ситуации только утечки информации не хватает...

[1] Графство Менгден формально является так называемой Выделенной Стороной. Понятие это просуществовало на Руси всего триста лет, с XIV по XVII век и в реалиях формирующейся Великорусской Империи означало Суверенный Дом. Закон, таким образом, приравнивал графство к удельному княжеству, а графов Менгден к удельным князьям (*Выдумка автора*).

[2] В данном контексте, блокгауз — это фортификационное огневое сооружение, приспособленное для ведения кругового ружейного и артиллерийского огня и для проживания гарнизона.

[3] Бат — дочь (ивр.). Функция отчества в русском языке.

[4] Пардус — самоназвание оборотней- кавказских барсов. Переднеазиатский леопард или кавказский барс — хищное млекопитающее из семейства кошачьих, подвид леопарда, обитающий на Кавказе, а также в Западной и Центральной Азии.

[5] Статс-секретарь — государственная должность и/или звание. Чаще всего статс-секретарём называется глава общегосударственного органа, центрального ведомства или министерства, член правительства, заместитель или помощник министра.

[6] В РИ: Церингены — древний немецкий (швабский) род из Швабии, представители которого были герцогами Каринтии и маркграфами Вероны (1061–1077), герцогами Швабии (1092–1097), герцогами Церингенскими (1097–1218), наместниками (ректорами) и герцогами Бургундии (1127–1218) и герцогами Текскими (1187–1432), а также правителями (с 1112 года маркграфами, с 1803 года курфюрстами, с 1806 года великими герцогами) Бадена (до 1918 года).

[7] В этой реальности Хамзин — хазарско-савирское княжество. В РИ Хамзин (пс Артамонову) — Царство гуннов (савир) или царство Сура в Дагестане, существовавшее в V–X веках на территории в приморской полосе Дагестана.

[8] Ободриты (древане, бодричи) — средневековый союз славянских племён,

относящихся к полабским славянам. Местность проживания — нижнее течение Эльбы (Лабы), запад современного Мекленбурга, восточная часть земли Шлезвиг-Гольштейн и северо-восточная часть современной Нижней Саксонии (области, восточнее города Люнебург — Вендланд, район Люхов-Данненберг), где проживали древане.

[9] Дарри (от древнесканд. *darǫ* — "дротик, копье") Менгден — выдуманный автором свейский ярл, приведший свою дружину на помощь князю Никлоту в его борьбе с немцами под предводительством герцога Генриха Льва.

Никлот (ок. 1105–1160) — последний независимый князь бодричей/ободритов (1129–1160) и родоначальник Мекленбургского дома.

[10] Анналы — годовые записи событий, связанных с жизнью города, области или страны. В современном языке слово «анналы» часто используется в значении «хроника», запись значительных событий.

[11] Ясы — этническая группа в Венгрии, первоначально одно из аланских племён, пришедшее на территорию Венгрии в XIII веке. Они расселились на равнине к востоку от Дуная.

Хайду — исторический комитат (область) в восточной части Венгерского королевства, в степях Хортобадя к востоку от Тисы.

Ладины — народ, входящий в группу ретороманцев. Живут в исторической области Тироль на севере Италии. Говорят на ладинском языке; пользуются также итальянским и немецким. Верующие ладины — католики.

[12] Диана в римской мифологии — богиня растительного и животного мира, охоты, олицетворение Луны; соответствует греческим Артемиде и Селене.

[13] Штирия и Бургенланд — исторические области Австрии.

[14] В обыденной русской речи бонвиван — это беспечный и богатый мужчина, живущий в своё удовольствие.

Глава 6(2)

2. Девятнадцатое-двадцатое декабря 1983 года (Вечер-ночь)

«Не было печали, так черти накачал! — зло подумал Бармин, как минимум, в третий раз за последние полчаса вернувшись памятью к разговору, состоявшемуся в замке Вогнема. — Но с другой стороны...»

С другой стороны, древние не зря говорили, «*Praemonitus, praemunitus*» — предупрежден — значит вооружен. А вооружатся придется наверняка, знать бы еще, как это сделать! Но зато теперь становились понятны резкие телодвижения Карла Августа и союзников из Северо-Западных княжеств. Получалось, что они знали? Знали или только догадывались? Предчувствие большой войны? Возможно, что и так. Но о чем, тогда, думает император? Он что, вообще мышей не ловит? Это же его империю собираются рвать на куски!

«Какого хрена было собачится со мной, ослабляя заведомого союзника? Неужели разведка спит на посту?»

Впрочем, Бармин мог бы и не задавать риторических вопросов. Он помнил, как в его прошлой жизни просрал начало войны другой вождь народов. Там и тогда ведь тоже все было понятно. Идея войны, что называется, носилась в воздухе. Все, кто имел мозги и умел ими пользоваться, знали и понимали, быть беде. И, вроде бы, готовились. Но, во-первых, готовились, похоже, к какой-то другой войне, а во-вторых, ошиблись в расчетах и неверно оценили масштаб приготовлений. Ну, или как-то так, поскольку Бармин был ни разу не знаток этого вопроса, и, возможно, звучивал сейчас какую-то из неправильных теорий, но уж больно ассоциации были недвусмысленные.

— Не молчи, Инг! — нарушила молчание Мария, терпеливо просидевшая все эти полчаса в кресле напротив Бармина. — Давай об этом поговорим!

— Не могу, — признался Ингвар. — Надо бы сначала успокоиться, привести мысли в порядок, тогда и поговорим.

— Отложим до утра? — предложила Мария.

— Да, — согласился Бармин. — Утро вечера мудренее. И знаешь, что, придержи до времени эту информацию. Не надо пока говорить с отцом. Девочкам тоже не рассказывай, не надо. День-два погоды не сделают. И даже неделя или две, если на то пошло.

— Ты ему не доверяешь? — нахмурилась жена, явно имея в виду своего отца.

— Ему доверяю, а вот его окружению — нет, — объяснил свою позицию Ингвар.

— Это из-за Нетшина?

— Из-за него, но не только, — покачал Бармин головой. — Если есть один, может быть и другой. Подумай еще вот о чем, кто мог знать о том, что Хатун ждет от меня ребенка?

— Если не брать в расчет, что это мог сделать кто-то из ее окружения, — предположила Мария, — остается мой отец и его приближенные. Подозревать отца мне не хочется, но вот его штаб — это совсем другое дело. Тут же вокруг полно шпионов жандармского управления и контрразведки. Многого о нас они не знают, но в этом случае многого знать и не надо. А информация стекается в штаб и только оттуда поступает к отцу. Так что, теоретически, это может быть кто-то из его офицеров, и он, я думаю, не обязательно шпион или предатель родины. Достаточно, если просто твой недоброжелатель или просто болтун. Мог шепнуть

куму-то по секрету, а оттуда, в особенности, если речь о юго-восточных княжествах, слив пошел уже к австриякам.

— Звучит реалистично, — согласился Бармин. — Но давай все же отложим этот разговор до утра.

— Извини!

— Ерунда! — отмахнулся Ингвар.

— Я приду к тебе сегодня. — Не вопрос. Констатация факта.

— С остальными договорилась?

— А по-другому и быть не может, — пожалала плечами юная красавица.

— Буду ждать, — кивнул Бармин. — И вот что. На ужин я не приду. Скажи всем, что у меня образовались срочные дела. Что за дела, ты не знаешь. Так что, без подробностей, пожалуйста.

— Сделаю, — пообещала жена.

— Я пойду вниз, — объяснил Ингвар уже специально для нее. — Если задержусь, не обижайся. Спи, я тебя разбужу...

Спускаться к ужину не было никакого настроения, и Бармин перекусил в своих покоях. Так было спокойнее, и появилась возможность еще раз обдумать поступившую информацию. Собственно, этим он и занимался те полчаса, которые потребовались на то, чтобы съесть пару кусков осетрины холодного копчения, салат из парниковых овощей и пару ломтиков костромского и вологодского сыра под большую кружку крепкого кофе без сахара и молока. Пока ел эмоции успели остыть, мысли упорядочились, и Бармин вчерне составил план действий на ближайшие две-три недели. Все это, конечно, еще предстояло обмозговать и обсудить со своими женщинами — под вопросом, хотя и по разным причинам, оставались только Дарена и Ульрика Катерина, — и главными советниками, но, в целом, он уже знал, что и как будет делать. Послезавтра День Зимнего Солнцестояния, — его стоило отметить дома в кругу семьи, — затем будет почти полная неделя перед новым годом, когда можно будет нанести визиты к ближним соседям. В дни между языческим и календарным Новым Годом, традиционно устраивается множество в той или иной степени знаковых приемов, пиров и прочих коллективных сборищ. И практически на все эти увеселительные мероприятия Бармин и его жены уже успели получить приглашения. Приглашений таких было получено около пятидесяти, — сорок девять, если не округлять, — и, в общем случае, дело сводилось к вежливому ответному письму, в котором Менгдены благодарили за приглашение и извинялись за то, что не смогут, увы, присутствовать на празднике. Однако и раньше, то есть сразу после того, как он *«воспрям от ран»*, и, тем более, теперь, когда в этом возникла острая необходимость, Ингвар собирался посетить некоторые из этих приемов лично. Во время танцев так удобно отойти с хозяином дома в сторонку, чтобы поблагодарить его за помощь в войне, предложить союз на будущее и договориться о не афишируемой сторонами деловой встрече в ближайшей перспективе. Обсуждать тему будущей войны со своим тестем, с императором и королем Швеции Бармин предполагал только после того, как составит прочный союз северо-западных земель. Они, разумеется, не вся империя, но, занимая относительно небольшую территорию и имея среднюю плотность населения, Старый Северо-Запад контролировал половину промышленного производства страны, — а в некоторых областях, например, в оружейном и транспортном бизнесе, и того больше, — а

так же 59 % внутренних и 72 % внешних колоний[1].

Впрочем, это были планы на пусть и близкое, но все-таки будущее. Сегодня же Ингвар решил закрыть вопрос с наследием прадеда: то есть, выяснить, существует ли оно на самом деле, и, если действительно существует, принять. Поэтому, отужинав, Бармин переоделся и отправился в древний лабиринт Менгденов. Его путь лежал к Алтарному залу. Там, собственно, и должны были быть получены ответы хотя бы на некоторые из волнующих Ингвара вопросов. И вот что любопытно. Он получил-таки эти ответы, но вопреки его ожиданиям произошло это на редкость буднично. Без помпы и без спецэффектов.

Бармин пришел к алтарному камню, бросил на него тушку зайца, которому только-что, прямо перед алтарем открутил голову, добавил горстку старых, еще прошлого века серебряных рублей, окропил все это своей собственной кровью из разрезанной ладони и, встав на колени, попросил у богини отдать ему оставленный в наследство «спуд» и открыть дверь в тайную сокровищницу. Богиня к нему на этот раз не вышла, но «голос» подала практически сразу.

За имуществом пришел? — Показалось или нет, что в словах Марены прозвучала откровенная насмешка.

— Дед Ингвар сказал, что это мое наследство, — спокойно объяснил свою позицию Бармин.

Встречался с прадедом? — как-то буднично поинтересовалась богиня, которую, судя по всему, желание Ингвара ничуть не удивило.

«Заранее знала?»

— Вар обещала мне подарок, — сказал он вслух. — Пообещала отдариться за то, что буду хорошо относиться к Ульрике Катерине. Я свое слово сдержал, она ответила тем же.

Надо же, — уже откровенно хмыкнула Богиня, — *какая добрая!*

— Кто я такой, чтобы обсуждать деяния богов?

Хороший мальчик, разумный...

— Я стараюсь, — коротко ответил на замечание Марены Ингвар.

Ладно. Владей! Какой из них ты хочешь открыть? — спросила тогда богиня.

— Что значит, какой? — не понял Бармин. — Я прошу открыть «спуд».

Их четыре, — объяснила непонятку Марена.

— Как четыре? — удивился Ингвар.

Смотри! — предложила богиня, и перед Барминым возникла парящая в воздухе деревянная полка, на которой в ряд были расставлены четыре сундучка. Размер у них был одинаковый, но они отличались друг от друга возрастом, — это как-то угадывалось само по себе, — и отделкой. Первый слева был старше других, инкрустирован моржовой костью и украшен потемневшими от времени золотыми зверями и птицами, но не реальными, а пришедшими прямо из легенд и преданий седой старины: виверна и птица сирин, левиафан и Фафнир, и множество других зверей, которых Бармин не смог опознать.

Тринадцатый век, — прокомментировала богиня, явно знавшая, на что смотрит сейчас Ингвар. — *«Спуд» Магни Менгдена. Между прочим, самый большой из всех. Если откроешь, подрастешь сразу до двадцать шестого ранга.*

— Ты знаешь мой ранг? — удивился Бармин.

Двадцать второй.

— Почему же ты мне ничего об этом не сказала? — поинтересовался Ингвар, давно подозревавший, что Марена себе на уме, и никогда не говорит ему всей правды.

Ты не спрашивал, — последовал короткий ответ.

— Про «спуды» я тебя тоже не спрашивал, — кивнул Ингвар, — и никогда не спросил бы, ведь я про них просто не знал.

Теперь знаешь, — сказала богиня и явно хотела уже перейти к следующим сундучкам. Однако, Бармин твердо решил открыть именно тот «спуд», про который рассказал ему дед.

Он твой! — прочтя его мысли, согласилась богиня. — *Владей!*

Бармин не взялся бы объяснить словами, что именно он почувствовал в этот момент, но по ощущениям его, словно бы вывернули наизнанку, а затем перекрутили раз двадцать в стиральной машине, да не пустой, а до упора заполненной горячей водой и мыльной пеной. После чего у него взяло едва ли не сорок минут отдышаться и более или менее прийти в себя. Про время он узнал только благодаря часам, и ничего вспомнить об этом кратком отрезке своей жизни толком не мог.

Двадцать пятый ранг, — констатировала так и не появившаяся в алтарном зале Марена. — *И «Шесть Первых Умений» в придачу.*

— Шесть умений? — переспросил Бармин.

Прочтешь в книге рода, — остановила его богиня. — *А сейчас мне пора уходить...*

Сказала и ушла. Бармин как-то сразу почувствовал, что алтарный зал опустел, и кроме него здесь больше никого нет. Марина откликнулась на его зов, пришла и выполнила его просьбу. Остальное предстояло сделать самому, и прежде всего, Ингвару следовало посмотреть на тайную сокровищницу, спрятанную неподалеку от тайного алтаря богини. Проход туда, к слову сказать, открылся в противоположной от входа в алтарный зал стене. Узкий и низкий, он вел куда-то в молочную белизну, заливавшую пространство прямо за ним. Это явно был какой-то магический эффект, но, кажется, Бармин о таком даже не слышал. Впрочем, он пребывал в этом мире и в этом теле всего лишь немногим меньше года и не успел приобрести всех знаний, необходимых колдуну и владельческому графу. Хотя теперь его, наверное, следовало называть князем, но Ингвар к этому титулу еще не привык, ему и графский-то все еще *«жал в плечах и давил на голову»*.

Он обогнул алтарный камень, с которого как-то нечувствительно исчезли и тушка зверька, и горстка серебра, пересек зал и, не чувствуя опасности, прошел через узкий проход. При его росте и габаритах сделать это оказалось совсем непросто, но он справился. А за проходом и пеленой молочного сияния нашлась еще одна пещера. Этот зал был меньше Алтарного, но, как и тот, поражал отсутствием пыли и влажности, и к тому же был освещен. Стены, пол и потолок слабо светились, но, по совокупности, этого желтоватого свечения вполне хватало для того, чтобы читать или писать. Впрочем, писать Бармин не собирался, а вот почитать хотел, поскольку ради той единственной книги, что лежала на пюпитре из темного дерева, он сегодня сюда и пришел. Однако, прежде чем обратиться к «Родовой книге Менгденов», Ингвар решил рассмотреть другие находящиеся в пещере вещи, и, следует сказать, здесь было на что посмотреть. На длинных деревянных полках, закрепленных прямо на грубо обработанной каменной стене, лежало и стояло довольно много предметов, буквально притягивающих к себе внимание Бармина. Но не только. Магия этого места была такова, что стоило взгляду остановиться на чем-нибудь определенном, как ты тут же узнавал, что это такое и отчего оказалось именно в этой тайной сокровищнице:

Секира Ретвина — сына богини Марены и Бера Менгдена, корона принцессы Ведис дочери Сигурда, правившего графством в XV веке, и меч ее мужа Кальва по прозвищу Ворон Тюра... Оружие, женские и мужские украшения, латная перчатка Гейры Менгден по

прозвищу Богиня копыа, — она была регентом при своем малолетнем сыне Ингваре, — и предметы обихода такие, как зеркало в серебряной оправе, золотой кубок или стальной веер. Все эти вещи были очень старыми, а то и вовсе древними, но всех объединяло одно — все они являлись довольно сильными артефактами. А книга... Что ж, книга оказалась не только большой, — ин-кварто[2], — но и толстой, хотя текста в ней было гораздо меньше, чем в современной книге того же формата: слишком толстые страницы из настоящего пергамента, слишком широкие поля и слишком много рисунков, гравюр и всяческих виньеток. И все-таки прочесть весь текст и понять его смысл за один раз Бармину не удалось. Однако за четыре часа работы он успел узнать много интересного и, в частности, то, что такое «Шесть Первых Умений». Оказалось, это то, что считалось базовым набором «колдовских техник», которыми, по мнению людей, живших больше тысячи лет назад, — дело происходило еще в древней Свее, — должен владеть настоящий стихийный маг. Со временем, предкам Ингвара удалось создать так называемое «общее знание» — знание, передаваемое в готовом виде из поколения в поколение, то есть, от отца к сыну или вот так, как случилось с Барминым, через «спуд» большой емкости.

В принципе, Ингвар уже знал, что при всех сущностных отличиях стихийного колдовства от классической магии, магия всегда остается магией, то есть является некой особой энергией или даже субстанцией, наподобие несуществующего на самом деле эфира[3], и одновременно — врожденной способностью, которую можно и нужно развивать. Точно так же, как пища перерабатывается человеческим организмом в энергию, энергия, поступающая из внутренних и внешних источников, преобразуется в магию. В этом, собственно, и заключается Дар мага. Таким образом, Одаренный — это человек, который способен генерировать магию, накапливать ее в своем организме и манипулировать ею с помощью различных техник, будь то вербальные формулы и жестовое кастование, если иметь в виду классическую магию, или, как в случае стихийной магии, волевое управление потоками Силы. Некоторые ученые, впрочем, утверждают, что магия существует и вне человеческого тела. Что ее, пусть и в малых дозах, генерируют все живые организмы, и что она растворена в воздухе и воде, в земле и камне. Есть и такие ученые маги, кто идет еще дальше, утверждая, что, являясь особым видом энергии, магия легко «прилипает» к другим энергетическим потокам, и поэтому ее так много в грозовых облаках и молниях, в штормовом ветре и в колебаниях грунта во время землетрясений, в вулканической магме и в океанических волнах, обрушивающихся на берег.

Итак, чтобы стать магом, нужно им родиться. В обычном случае, Дар открывается в возрастном интервале от 3 до 12 лет. И закономерность тут проста: чем раньше обнаруживается Дар, тем сильнее со временем будет маг. Впрочем, есть еще один важный показатель: скорость обучения. Маги с большим потенциалом быстрее овладевают различными техниками и, следовательно, быстрее прогрессируют. Но, если классическая магия — это, грубо говоря, *Освоенная Земля*, стихийное колдовство — настоящая *Terra Инкогнита*. И объясняется это, прежде всего, тем, что колдунов едва ли не на три порядка меньше, чем классических магов: где-то 1–2 колдуна на 700–900 магов. Редкий Дар, мало изученный и, по большому счету, непонятный. И вот еще что: владеют им преимущественно представители по-настоящему древних родов и эльфийские маги. Однако внутри семей, отмеченных наличием именно этого Дара, со временем, — а это, между прочим, долгие века, — возникли техники обучения подрастающего поколения. Разумеется, они сильно отличались, — не могли не отличаться, — от принципов и методов, используемых для

обучения «классических» магов. Вот в рамках этой древней традиции, тщательно скрытой от глаз общественности и имеющей черты родовой тайны и семейных секретов мастерства, и возникли в давние времена способы передачи «Общего знания». Обычно это делал старший родственник, передававший наследнику «из рук в руки», — и, разумеется, только после инициации Дара, — «пакет», содержащий *«Шесть Первых Умений»*. Причем, Первыми они были назначены не только потому что три из них были очевидно базовыми техниками, а потому что все шесть относительно легко поддавались «свертыванию» и «развертыванию». То есть, путем прямой передачи научить кого-то другим техникам и приемам не удавалось, а эти шесть — без проблем.

Все это Бармин узнал из «Родовой книги Менгденов». Там, вообще, много чего было написано о всяком и разном, и вот что ценно — это было именно систематическое описание стихийной магии. Все другие записи, с которыми в тайных архивах рода успел уже ознакомиться Ингвар, были сродни заметкам профессионального физика, которому нет надобности объяснять базовые понятия и прочее все в том же духе. Многое из этого Бармин все-таки понимал, но только потому что и сам уже в той или иной степени владел этим типом колдовства. Однако, как теперь выяснилось, многое из этого он понимал неверно и использовал неправильно, а значит, и неэффективно, поскольку попросту не имел систематического образования. Теперь же, по прочтении первой части содержащегося в книге текста, он стал понимать многие вещи совсем не так, как прежде. Новое знание расширяло перспективу и давало Бармину инструменты для продвижения вперед. Но это же знание заставило его снова вернуться к своей собственной истории и посмотреть на нее, если и не новыми глазами, то уж точно под другим углом зрения.

Был ли отрок Ингвар одаренным по праву крови? Скорее всего, так все и обстояло, но вот ответить на следующий вопрос, — когда открылся его Дар, — Бармин уже не мог. Впрочем, кое-что он про это все-таки знал. Ингвара никто ничему не учил. Некому было, поскольку на осужденных магов накладывалось заклятие «демобилизации», и они лишались магии. И специфических книг на острове не было тоже. Поэтому не факт, что его Дар, — имея в виду Бармина, вселившегося в Ингвара, — проснулся бы и стал развиваться, не попадись Игорю Викентиевичу чемодан с «горячими» камнями. По-видимому, чтобы дать толчок к развитию Силы, нужен внешний фактор. И это уже не просто предположение. Пример Варвары указывает скорее на правило, чем на исключение из правил. И вот теперь это: «спуд», открытие которого резко увеличило силу его собственного Дара, и «Шесть Первых Умений», перешедших к Бармину вместе с заемной Силой.

Из шести умений ни одно не являлось атакующим, а вот защитных было целых два: Большой и Малый Щит. В тексте их называли так же «скутумом» и «баклером»[4], и в этом действительно был заключен определенный смысл, поскольку «Большой щит» был практически стационарным. Выставив его, двигаться становилось крайне затруднительно, но зато этот щит можно было растягивать вширь и вверх насколько хватит сил, то есть, чем сильнее маг, тем большего размера щит он мог выставить, хотя верно и другое — чем меньше щит по площади, тем он крепче. Баклер же являлся, можно сказать, мобильным щитом и всегда возникал на не доминантной, то есть не ведущей руке. Он был мал по площади, но зато им можно было парировать довольно сильные атакующие заклятия.

Два других умения, на взгляд Бармина, относились к высшей магии, но он был неуч — самородок и самоучка, — и не ему судить, что просто, а что, напротив, сложно. Да, и вообще, дареному коню в зубы не смотрят, а техники ему, и в самом деле, достались

зачетные: способность открывать порталы, — «Ну, наконец-то я буду, как все!» — и «ключ» к классической магии, открывший ему доступ к тому таинственному «Средоточию», которое позволяло генерировать в себе магию классического типа и манипулировать ею, овеществляя заклятия всех возможных видов. Разумеется, это не делало его сильным магом. Слабым, если по совести, тоже. Но зато Бармин получил возможность развивать этот неожиданный Дар. Теперь точно так же, как Варвара обладала доступом к двум разным формам Силы, Ингвар тоже мог стать магом *«удвоенных способностей»* — что случилось, как ни странно, только среди стихийных колдунов. Так что относить это умение к высшей магии или, напротив, к базисным техникам, во всяком случае, для стихийных магов — вопрос, скорее, риторический, чем сущностный.

И, наконец, еще два по-настоящему базовых умения: способность к концентрации внимания и его распределению, ну или расщеплению, если говорить другими словами. И вот что любопытно: Бармин все это уже умел. Знал, как настроиться на волшбу и сконцентрировать на ней внимание, умел он так же распределять внимание, то есть творить два или даже три колдовства одновременно. Но делал это, — в свете нового знания, — что называется, через жопу. Сложно, энергозатратно и никак не оптимально. А умения-то на проверку оказались простыми, как хлеб и вода, но с самоучками такое случается сплошь и рядом. Повторное открытие Америки или изобретение велосипеда — это ведь не единичные случаи, это горькая правда жизни.

В общем, Бармин получил в тот день довольно-таки дорогой подарок, — увеличение личной силы едва ли не на три ранга и одномоментное приобретение принципиально значимых умений, — и удивлялся в этой связи только тому, отчего Марена ничего об этом не рассказывала прежде. Скорее всего, у нее имелись свои резоны, чтобы не спешить одаривать Ингвара сверх меры и здравого смысла. Например, чтобы *«не избаловать мальчика»*. Выглядело достаточно разумно и убедительно, и все равно было жаль, что это все пришло к нему только сейчас. Во время войны с Союзной ратью кое-что из этого ему бы точно не помешало, но прошлое уже не вернуть, и жалеть о несделанном неразумно. Тем более, что разумом прожившего жизнь человека Бармин понимал, что получать незаслуженные блага вредно и даже опасно. Сам он всю жизнь трудился, — учился, работал, преодолевал, — и все, чего, в конечном счете, добивался, было его собственным. За ним никогда не стояли богатые родители, высокопоставленные родственники и «райком с обкомом». С потом и кровью писал и защищал диссертации, строил карьеру, — два раза, между прочим, и оба раза успешно, — выгуливал девушку, ставшую ему женой и так далее и тому подобное. Здесь же, в этом новом мире, он многое получил сразу вдруг: по праву рождения, по праву сильного, имея в виду, прежде всего, его мощный стихийный Дар, и, наконец, по праву отмеченного богиней. И все это, не говоря уже, о внешности, интеллекте и огромной физической силе, что в значительной мере зависит от ее величества генетики.

Дары и «плюшки» буквальным образом сыпались на Игоря Викентиевича, как из рога изобилия. В кустах прятались белые и красные рояли и даже целые симфонические оркестры. Женщины влюблялись в него, привлеченные немереной харизмой Ингвара Менгдена, и смерть до сих пор обходила его стороной, хотя возможностей свернуть себе шею было все-таки более чем достаточно. И, соответственно, возникал важный, можно сказать, концептуальный вопрос: сожалел ли Бармин о такой щедрости судьбы? И ответ был под стать вопросу: разумеется, нет! С чего бы ему переживать на эту тему? Поэтому и отреагировал так болезненно на факт утайки от него богиней столь важной информации, как

существование «тайного тайника» и содержанием этой невероятной сокровищницы. Ведь кроме того, что получил он сам, в руки Бармина попало теперь средство для усиления стихийного Дара Варвары. Два сильных стихийных мага в семье, — да еще таких, кто может оперировать и классической магией тоже, — это серьезный бонус и туз в рукаве. А ведь в заалтарной пещере кроме всего прочего хранились отнюдь не исторические реликвии. Все эти мечи и латные перчатки являлись серьезными боевыми артефактами, — по нынешней классификации это были артефакты трех классов: аз, буки и веди, — что представлялось более чем важным, в особенности, в свете угрозы надвигающейся мировой войны. Конечно, кое-что из этого было запрещено к применению, но, как говорится, *на войне, как на войне*, и ведь *победителей не судят*. Впрочем, и то правда, что все это еще предстояло изучить и освоить, но Бармин не сомневался: у него получится!

[1] Внутренними колониями в этом мире называются территории, непосредственно примыкающие к границам государства (например, восточная Сибирь, Северный Казахстан и Приморье), а внешними — колонии, находящиеся на других материках (в случае Великорусской империи это северо- и южноамериканские, африканские и азиатские колонии).

[2] Ин-кварто — два перегиба, на типографском листе размещаются 4 листа или 8 страниц. Форматом ин-кварто было издано большинство инкунабул.

[3] Эфир — тончайшая пятая стихия в античной и средневековой натурфилософии, физике и алхимии. Его синонимами были термины «пятая стихия» («пятый элемент»), «пятое тело», «пятая сущность» («квинтэссенция»).

[4] Скутум — ростовой (башенный) щит с центральной ручкой и умбоном.

Баклер — маленький, 20–40 см в диаметре, чаще всего металлический круглый щит. Был рассчитан, главным образом, в качестве вспомогательного оружия с мечом или шпагой. Держался за ручку с обратной стороны. Баклеры имели только одну рукоятку, которую воин сжимал в кулаке, из-за чего их называли «кулачными щитами».

Глава 7(1)

1. Двадцатое декабря 1983 года

Двадцатого с утра, Ингвар созвонился с мужем Варвары Петром, договорился с ним с встрече и сразу после завтрака отправился «переходом» в гости к сестре и зятю. С собой, как и накануне, он взял одну только Марию Полоцкую, но ничего никому объяснять по этому поводу опять-таки не стал. Он хозяин, ему и решать. И что характерно, никто из женщин даже не рыпнулся. Даже Ульрика Катерина проглотила, не поморщившись.

«А жизнь-то налаживается! — хмыкнул мысленно Бармин. — Только бы не было войны!»

«Но кто же нас спрашивает!» — зло добавил к прежним своим мыслям и, подхватив Марию на руки, перешел в замок Устье, как и договаривались, прямо во внутренний двор крепости.

Петр и Варвара встретили их на крыльце своего паласа. Крыльцо было не парадное, но и не служебное: приватное. Для себя, родичей и близких друзей. Ну а Менгдены Глинским-Севрюкам, слава богам, не только родичи, но и друзья, не говоря уже о том, что союзники. Могут заглянуть на огонек и без помпы, свои же люди. И говорили они между собой так, как можно говорить только в кругу близких людей.

— Скверная история! — подытожил свои мысли Петр, внимательно выслушав рассказ Ингвара и обдумав поведенные им неутешительные новости.

— Что будем делать? — тут же спросила Варвара, привычно исходившая из того, что Бармин явился к ним не с пустыми руками, а с идеями и планами «на сегодня, на завтра, а, возможно, и на послезавтра».

— Во-первых, не паниковать, — предложил Ингвар, по обыкновению, беря на себя роль лидера. — Во-вторых, готовиться. И начнем мы с переговоров. Вы, ребята, наверняка получили от Нестора Изяславовича приглашение на праздник. Ведь так?

— Так, — кивнул Петр, — но мы...

— Не хотели ехать, но поедем, — поняла Варвара, успевшая уловить общую идею. — Дарену отпустишь?

— Отличная идея! — Улыбнулся Бармин. — Поговорите с Нестором и с Олегом, — продолжил Бармин. — Разумеется конфиденциально, в рамках предварительных переговоров. Хотелось бы узнать, что они думают обо всем этом дерьме, что собираются в этой связи предпринимать, с кем готовы негласно переговорить, не привлекая к переговорам ненужного внимания властей. И еще одно, пожалуй. Спросите Нестора, не может ли он прямо или опосредствованно, то есть через кого-нибудь другого инициировать под каким-нибудь благовидным предлогом съезд владетелей Северо-Запада и Запада. Мне бы не хотелось, чтобы инициатива исходила от меня, но, разумеется, желательно на этот съезд попасть.

— Юбилей битвы при Грюневальде? — предположил Петр.

— Или триста лет победы над Польшей, — высказалась молчавшая до сих пор Мария. — Можно, кстати собраться в Полоцке. Победу под Лепелем отметить. Мы их тогда там в плоский блин раскатали!

— Повод не хуже других, — согласился Бармин, — но не надо, чтобы идею встречи

связывали с тобой или со мной.

— Упс! — расстроилась юная княгиня. — Не подумала. Звиняйте!

— Тогда, сегодня вечером и вылетим, — вступил в разговор Петр. — И я уже этим вечером обсужу все эти вопросы с отцом и с братом. Только ты Дарену пришли сюда часикам к трем. Лады?

— Сам приведу, — пообещал Бармин или вот Мария откроет портал.

— А ты, Маша, к слову, когда с отцом будешь говорить? — спросил Петр, поворачиваясь к княгине Полоцкой.

— Не сейчас и не я, — покачала головой женщина. — С ним будет говорить Инг, но не сейчас, а когда станет ясно, с нами он или со своим братом-императором. Я сегодня же вылечу в замок Балта[1]. Поговорю с Федором и Екатериной. Они оба вменяемые и не едят с руки отца. Предупрежу, посоветуюсь, попрошу пораспрашивать аккуратно знакомых хазарских беков и князей, ну и приглашу к нам, если оборонять Керич станет невозможным. Будет куда отступить. Заодно узнаю, нет ли свободных воев, готовых пойти к нам на службу. Да и оружия прикупить не помешает. Родственники Катерины держат в Езерском княжестве[2] вертолетный завод, на котором выпускаются ударные «сапсаны» и транспортно-боевые «горлицы», а у Федора в Царицыне тракторный завод. Нам хотя бы два десятка танков купить бы надо...

— Таковы планы, — кивнул Ингвар, подтверждая слова жены. — А я, стало быть, наведуюсь к родичам. И к тем, кто живет на Балтике, и к тем, кто живет в Приладожье. Надс понять, кто чем дышит, и какие в тех краях ходят слухи о возможной войне.

— К Карлу Густаву обращаться будешь? — спросил Петр, продолжая разговор.

— Куда же без него, — чуть покривился Бармин. — Но не сейчас, а немного погодя. Не верю я, что его разведка мышей не ловит. Про датчан и германцев-то он наверняка должен что-то знать. Но мне пока ничего по-родственному не сообщил. Вот и я подожду. Две-три недели ничего уже не изменят, зато, если он так и будет играть в молчанку, я на него Ульрику Катерину натравлю. Это теперь и ее земля, должна радеть.

О том, что ей теперь, — после знакомства с Мареной, — отступать уже некуда, — он благоразумно промолчал. Это он Аре потом сам скажет, наедине. Как говорится, тет-а-тет, а посвящать Петра и Марию в эти игры с Богиней пока не стоит. Тут дело тонкое и, пожалуй, что, семейное в прямом смысле этого слова...

2. Двадцать первое декабря 1983 года

Для первого броска Бармин воспользовался любезным приглашением князя Изборского отпраздновать в его замке Велесовы дни[3]. Иван Игнатович был одним из тех, кто открыто поддержал Ингвара во время войны с Союзной ратью, и, хотя знакомы они были лишь шапочно, — виделись мимолетно во время Большого летнего бала в Новгороде, — из уважения к Ингвару написана эпистола была от руки самим князем, поскольку Изборск, как ни крути, являлся частью Северной марки. Не полный вассалитет, если что. Но что-то сильно похожее на те отношения, в каких состояли Великорусская империя и графство Менгден. Впрочем, такого рода приглашения, уважительные и собственноручные Бармин получил практически ото всех «Виленских протестантов», и всем им, — и разумеется, Ивану Игнатовичу, — своею рукой написал ответ. Дескать, благодарен за приглашение, ценит и непременно найдет возможность приехать, познакомиться, погостить и поговорить (нужное подчеркнуть), но не в этот раз. Дел много, здоровье шалит, молодые жены опять же... То да

сё. Но все это было до того, как прибежал к нему барон фон Дента. Теперь же ситуация изменилась коренным образом, и, созвонившись с князем, Ингвар сообщил, что, несмотря ни на что, все-таки приедет. Возьмет с собой одну из жен и прилетит вечером первого дня Коляд.

Так и случилось. Именно в День Солнцестояния и точно в праздничный вечер, но не слишком поздно, а в самый раз, то есть как раз к застолью. А сопровождать его в этой поездке взялась Ольга, чья вотчина Надозерье находилась всего в ста пятидесяти километрах от Изборска, да и то, если ехать по шоссе. А по прямой там и ста километров не будет. Так что на семейном совете решили, что на этот раунд переговоров — Изборск, Гдов и Псков, — с Ингваром полетит Хельга графиня фон Нойвид. Заодно и в Надозерье заглянут, чтобы посмотреть, что там и как. Как замок восстановили, как заводы работают. Да мало ли, что еще. Хозяйство требует заботы. Иначе никак.

Итак, Дарена с Варварой и Петром отправились к Глинским, Мария полетела к брату в Керич, Елена осталась на хозяйстве, а Ульрике Катерине участвовать в такой поездке было все-таки рано. Вот освоится, познакомится с местными реалиями, войдет в курс дел и вперед! Флаг ей в руки и барабан со свистком в придачу. Но все это, естественно, не сейчас. Не в этот раз и не по этому делу. И, к слову, там впереди — в ближайшем будущем, — еще предстояло с ее венценосным братом отношения выяснять. Поэтому даже после случившегося между ними сближения — *«извини, но нет»*. Женщина, однако, ни словом не возразила. Поняла, похоже, что, во-первых, слово мужа — закон. А во-вторых, не дура: догадалась, поди, что у Бармина на то, чтобы не брать ее с собой, — пусть даже и в компании с Ольгой, — есть серьезная причина, о которой он пока рассказать ей не может. Однако, если она хотела, чтобы когда-нибудь смог, сейчас ей не следовало лезть в его дела без спросу. Поэтому и не спорила. И даже более того: вышла на вертолетную площадку проводить их с Ольгой, расцеловала обоих и пожелала с улыбкой *«счастливого пути и веселых праздников!»*

И они отправились в путь. По прямой, минуя Старую Руссу и Псков, лететь им на конвертоплане было больше двух часов. Вполне достаточно времени, чтобы вздремнуть или еще что, — *слиться в экстазе*, например, — но отдохнуть в полете не получилось: сидели всю дорогу в соседних креслах и читали досье на всех, кого могли встретить на гуляниях в Изборске. Впрочем, кое-кого Ольга знала по прошлой жизни или, во всяком случае, была о них достаточно «наслышана». Так что ее комментарии и ремарки оказались вполне востребованы.

Ну а потом они наконец прибыли на место. Погода стояла отличная: мороз и безветрие. На небе лишь редкие перистые облака и звезды, а под крылом конвертоплана белая равнина Городищенского озера. Бармин перевел взгляд вперед, на яркие огни небольшого уютного города и на господствующий над ним Селогов[4] детинец на Жеравьей горе.

— Красивый город, — сказал он вслух.

— Красивый, — согласилась Ольга, — но сейчас мы видим только Старый город — Труворову слободу[5], а за горой давно уже построен Новый город. Он раз в четыре больше по площади, и народу там живет раз в десять больше.

— Много этажная застройка, — пояснила «для самых глупых».

— Я так понимаю, ты в Изборске уже бывала.

— И не раз, — подтвердила его предположение Ольга. — В старших классах мы сюда с компанией часто прилетали. Здесь хороший драматический театр, пара очень приличных

танцевальных клубов для подростков и чудесные кондитерские.

— И архитектура приличная? — поинтересовался Бармин, наблюдая, как приближается посадочная площадка у подножия крепостной горы.

— Замок, многие боярские хоромы и купеческие терема стоят чуть ли не с XIV века. Я имею в виду каменные постройки, поскольку до того город был полностью деревянным, и от него уже давно ничего не осталось. Но нынешнее Труворово городище застраивалось, в основном, уже в XVIII–XIX веках. Так что, северянское барокко, европейское рококо и новгородская эклектика. Еще купеческий ампир, но его здесь мало.

— Любопытно, — констатировал Бармин, но то, что поняла из его слов Ольга, и то, что имел в виду он сам, наверняка не совпадало даже на треть.

Для него короткий рассказ Ольги отнюдь не являлся всего лишь источником новых знаний о городе, в котором он прежде не бывал. Прежде всего, это был повод в очередной раз сравнить свой прежний мир с тем дивным новым миром, где он теперь жил. Там, где когда-то жил Бармин, Россия, вообще, — включая сюда и Украину с Белоруссией, — и ее Северо-Запад, в частности, являлись в своей исторической перспективе преимущественно деревянной страной. Поэтому, если что и осталось потомкам от седой древности, так это только каменные монастыри, церкви и крепости, да и то, большей частью, в руинах. С домами, теремами и прочим всем горели так же архивы и библиотеки. Если сравнивать с Европой и, в особенности, с Западной Европой, до нынешних времен, имея в виду конце XX — начало XXI веков, дотянули лишь отдельные строения и немногочисленные документы. В мире же Ингвара Менгдена Россия ничем особенно от Западной Европы не отличалась. Те же замки, те же древние города и городки, и, разумеется, множество книг и документов, сохранившихся в библиотеках и архивах. Да даже в Усть-Угле, которая и сама по себе стоит с XIII века, хранятся рукописные и печатные книги, самые старые из которых были созданы в VIII–IX веках. А, если говорить о документах, то в замковом архиве Бармин нашел дв «грамотки», писанные рунами на норне еще в 6181 году от сотворения мира, ну или в 673 году от Рождества Христова.

Трудно сказать, почему так случилось. Может быть, все дело в магии или в язычестве. А, может быть, и в том, что здесь Русь, не потеряв своей славянской индивидуальности, оказалась вполне инкорпорирована в общеевропейскую цивилизацию. Бармин этого не знал и даже не пытался предполагать. Но, наверняка, причин такому положению дел было куда больше, чем одна, да и действовали они, скорее всего, не по-отдельности, а все вместе. Однако, стоит признать, результат ему в целом нравился. Во всяком случае, вот под крылом конвертоплана город, каким он никогда не был в прежней реальности Игоря Викентиевича. И вот Селогов детинец — не просто крепость, а настоящий замок, резиденция князя Изборского. И всей разницы, — если сравнивать с той же Усть-Углой или замками в германских государствах, — что княжеский дворец построен в стиле древнерусских теремов. Красиво, стильно, и все сложено из красного кирпича.

— Красивое место, — сказал Ингвар, спускаясь по трапу на бетон посадочной площадки.

— Кто бы спорил, — поддержала Ольга, шедшая сразу вслед за ним.

— Добро пожаловать в Изборск! — приветствовал вышедший их встречать Иван Игнатович.

Князь Изборский оказался высоким и все еще по-молодому крепким мужчиной, выглядевшим где-то лет на сорок с небольшим, и значит, наверняка, разменявшим седьмой

десяток. Он встретил Ингвара и Хельгу теплое скорее по-дружески, чем, как вассал своего господина. Хотя кое-какие интонации в его речи указывали на то, что князь помнит, кто в доме хозяин. А вот сын и наследник Ивана Игнатовича княжич Олег Иванович был отнюдь не дружелюбен. Соблюдая нормы приличия, он, разумеется представился полным чином, а затем уже поздоровался с Барминым за руку, вежливо кивнув Ольге, но «дьявол в деталях», как говаривали в другом мире. Руку жене своего сюзерена не поцеловал, смотрел на обоих волком, ни разу не улыбнувшись и не сказав даже пары слов. Что называется, отработал номер и ариведерчи: поклонился коротко и был таков. Князь поведение сына оставил без комментариев, но Ингвар видел, Ивану Игнатовичу это неприятно. Бармину, впрочем, это тоже не понравилось, но уже по иной причине. Не любил он эдаких «*жестов доброй воли*». Однако нет худа без добра. Встреча эта задала тон, а дальше, как говорится, само пошло.

Коляды — праздник языческий, и, хотя среди гостей было довольно много христиан, — в стране со смешанным населением по-другому и быть не могло, — язычников в пиршественной зале было куда больше. Древним богам поклонялся и сам князь. А вот его старший сын Олег демонстративно носил, как и его мать, крест на груди. И компанию завел соответствующую. Бармин обратил на это внимание еще во время застолья, но первое впечатление только окрепло, когда начались танцы. Стало очевидно, что сын князя презирает язычников и, что называется, не одобряет *политики партии*. Ему не нравилось, — и, судя по всему, не ему одному, — что их княжество перестало быть имперской автономией и перешло под руку князя Острожского. Однако, судя по разговорам в кругу «молодежи», — хотя какая там молодежь, если все они лет на пять-шесть старше Ингвара, — возрождение Северной марки было неприятно княжичу и его друзьям не только поэтому. Им, вообще, не нравилось, что на Северо-Западе вновь ожили идеи сепаратизма. Православный государь-самодержец в лице великорусского императора был им понятнее и ближе, чем «*язычество и феодальная раздробленность*». О том, что попытка загнать тех, кто поклоняется древним богам и состоит в многовековых союзах, как раз и может привести к расколу и гражданской войне, они не думали. Они, похоже, вообще не понимали, что, на самом деле, происходит в стране и в мире. И в этой связи Ингвар Менгден был им не просто немил, он стал для этих людей «*образом извечного врага*» и символом противостояния их любимому императору в одном флаконе.

По наблюдениям Бармина, таких *борцунов* на княжеском празднике было довольно много, но вряд ли больше трети гостей. Однако, с другой стороны, они были в достаточной степени заметны, выделяясь своей несколько театральной, на показ, фрондой и неприкрытой агрессивностью, в особенности, после того, как крепко выпили, и у них по-настоящему начало сносить крышу.

— Неудачный отпрыск получился, — признал, нахмурившись и тяжело вздохнув, Иван Игнатович.

Они с Ингваром отошли в сторонку и тихо беседовали, наблюдая за танцующими. Вроде бы, стояли у всех на виду, но, в то же время, не совсем. Стояли они в глубокой нише, образованной двумя колоннами, обрамлявшими высокое в пол окно. Танцующие их видели, но тень, падающая на собеседников, мешала различить выражение их лиц, не говоря уже о том, чтобы читать по губам.

— Это ваше семейное дело, Иван Игнатович, — дипломатично заметил Бармин, менее всего желавший встревать в этот чисто семейный, как он полагал, конфликт.

— Не совсем так, но я благодарен вам за понимание, Ингвар Сигурдович, — возразил

собеседник.

— Что вы имеете в виду? — спросил тогда Бармин прямо.

— Когда на вас напала Союзная рать, я хотел послать Олега с отрядом ушкуйников в Череповец, — начал объяснять князь. — А он, представьте, отказался. Сказал, что коли не было на то дозволения императора, невместно подданным вмешиваться в чужие распри.

— Формально он прав, — пожал плечами Ингвар.

— Вот именно, что формально, — покривился собеседник, не собиравшийся, видно, скрывать своего отношения к случившемуся. — Но для меня это стало последней каплей. Нельзя такому человеку оставлять княжеский стол. И княжество погубит, и дела не сделает. В общем, после этой его эскапады я изменил завещание. Теперь он уже не наследник, хотя сам об этом пока не знает.

«Ну ничего себе откровения! — искренно удивился Бармин. — Действительно считает меня своим сюзереном?»

— Зачем вы, Иван Игнатович, все это мне рассказываете? — спросил Бармин, не хотевший оставлять в их с князем отношениях недоговоренностей и двусмысленностей.

— По двум причинам, Ингвар Сигурдович, — уже абсолютно спокойно, задавив «нерв», ответил князь Изборский. — Во-первых, хочу, чтобы вы знали, что я не случайно подписал «Виленское обращение». А, во-вторых, хочу заручиться вашей поддержкой. Я, видите ли, предполагаю сделать своей наследницей дочь. Ксения девушка умная, волевая и придерживается веры отцов. Выдам ее замуж за второго сына князя Новгородского, а он парень не только красивый, но и воин отменный. Сильный маг, образование опять же хорошее имеет. Будет Ксении надежной опорой. Вместе, небось, выдюжат. Но Олег не из тех, кто способен легко смириться с таким поворотом дел. Будет оспаривать завещание и при моей жизни, и, тем более, после того, как я уйду в Ирий-сад. Вот и хочу попросить вас, Ингвар Сигурдович, как старшего князя, поддержать мое решение и помочь Ксении.

— Поддержу, — пообещал Ингвар. — С дочерью познакомите?

— Разумеется.

Вот так и начался этот разговор. А продолжался он затем почти сорок минут. Вроде бы, и немного. Но и немало. В особенности, если беседуют умные люди, объединенные общей целью. Так что успели, пусть и накоротке, обсудить все важные вопросы и договориться о встречном визите.

— Приезжайте, — пригласил Бармин. — Устроим зимнюю охоту на лося или изюбра, как смотрите?

— Смотрю положительно, — улыбнулся князь. — В конце января, если не возражаете.

— Тогда, я попрошу своего секретаря связаться с вашим, — кивнул Ингвар. — Пусть договариваются.

Смотрел Бармин при этом не на собеседника, а в зал, где назревал очередной скандал, и, видимо, не случайно назревал.

«Вот же нейметса некоторым!»

— Если позволите, Ингвар Сигурдович, — перехватив его взгляд, предложил хозяин дома, — я вмешаюсь...

— Не надо, — остановил его Бармин. — Я сам.

Он уже некоторое время, а точнее, во все время разговора, отслеживал краем глаза, что и как происходит с его женой. Ольга танцевать не отказывалась. Она это дело любила и не видела ничего особенного в том, чтобы ответить на приглашение согласием, тем более, что

все это происходило практически на глазах у мужа. Однако, как заметил Бармин, одному кавалеру она все-таки отказала, но этот красавчик, — а он, и в самом деле, был хорош собой, — явно продолжал настаивать. Подходил к ней перед каждым танцем. Что-то говорил и пару раз даже едва не схватил Ольгу за руку. Во всяком случае, недвусмысленные поползновения имели место, хотя и безрезультатные. Но это, скорее, заслуга Ольги, проявлявшей немереную ловкость, чем результат сдержанности самого кавалера. Впрочем, до поры Ингвар был уверен, что Ольга справится, и значит, вмешиваться не следует. Однако сейчас он уже был в этом не уверен. Ситуация из просто неловкой быстро превращалась в неприличную вплоть до оскорбительной.

«Он что нарочно это делает? — прикинул Бармин, направляясь к жене. — Хочет оскорбить меня, унижить? Или действительно на что-то надеется? Например, на то, что Ольга поведется и поддастся его чарам. Все-таки инкуб, как ни как, а не просто погулять вышел».

Подумав об инкубе, Бармин удивился. То есть, удивился он, на самом деле, когда обнаружил у себя эту мысль. Странная история, поскольку, как ни пытался вспомнить, так и не нашел в памяти ничего, что бы указывало на реальное существование в этом мире суккубов и инкубов. То есть, раннесредневековые легенды о демонах-искусителях знали оба: и Бармин, и Менгден. А вот являются ли эти бесы и бесовки объективной реальностью, данной нам в ощущениях, сказать точно не мог ни один из них. Но почему, тогда, он решил, что к Ольге пристаёт именно инкуб?

«Вот же ересь!» — Но, тем не менее, что-то в этом было. Какой-то тревожный знак. Какая-то странная магия, «запах» которой Бармин чувствовал даже на расстоянии.

Ингвар подошел к жене, как раз перед очередным танцем, и, разумеется, «наш пострел везде поспел», потому что красавчик тоже был здесь и снова нагло или, лучше сказать, бесцеремонно, — потому что прямо на глазах у мужа, — атаковал Ольгу. Похоже, здесь уже было дело принципа. Инкуб он или нет, но этот хлыщ явно не привык к отказам, и поведение женщины попросту выводило его из себя. Оттого, пожалуй, и перешел к откровенной грубости, схватив, в конце концов, супругу Ингвара за руку. Зря он это сделал, но, судя по реакции присутствующих мужчин и нескольких молодых дам, как бы случайно оказавшихся поблизости от места, где произошел инцидент, рвение кавалера, — его направленность, — было отнюдь неслучайно. Было похоже на провокацию, тем более, что и княжич Олег со своими прихвостнями тоже был тут как тут. Отирался, сукин сын, поблизости, бросал презрительные взгляды.

«Бред какой-то, — мысленно пожал плечами Ингвар. — Здесь что, никто не знает, насколько я силен? Они все самоубийцы или только этот инкуб хренов?»

Можно было вежливо попросить отпустить Ольгину руку, но обстоятельства к этому не располагали. Напротив, хотелось ударить красавчика в лицо, свернуть ему нос, разбить губы, поставить фонарь под глазом, но, увы, это тоже было невозможно, поскольку избыточно. Поэтому Ингвар попросту перехватил руку наглеца, сжав своими сильными пальцами довольно-таки узкое запястье. Инкуб вскрикнул, — то ли от неожиданности, то ли от боли, — и обернулся к Ингвару. Руку женщины он, впрочем, отпустил, не до того стало.

— Вы с ума сошли сударь?! — воскликнул, с выражением оскорбленного непонимания на красивом лице. — Вы делаете мне больно!

— Seriously? — спросил Бармин, еще сильнее сжимая руку самоубийцы. — А моей супруге, стало быть, больно не было?

— Ваша супруга? — нахмурился мужчина, а Бармин вдруг понял, что нисколько тому не больно, все игра. Актерствует мерзавец. — Да, как такое может быть, сударь, чтобы такая красавица, да еще и сильный маг вышла замуж за неграмотного слабосилка?

— Вот как? — Бармин был непоколебимо спокоен. — Неграмотный, значит?

— Ну, так вы же на Груманте выросли, — хмыкнул в ответ негодяй. — Сиротка и все такое...

Наглец явно глумился над Ингваром, нарочито привлекая внимание гостей князя Изборского.

— То есть, вы знаете, что я вам не сударь, а Светлейший князь? — как ни в чем ни бывало продолжил Бармин расспросы. Он уже понял, что вся эта мерзкая сцена была срежиссированной. Вот только зачем?

— Знаю, не знаю, какая вам разница? — Ответ инкуба подтверждал подозрения, тот явно провоцировал вызов.

— Есть разница, — усмехнулся Ингвар. — Если, к примеру, захочу вызвать вас на дуэль, а вы вдруг окажитесь подлого сословия?

— Я дворянин! — Ну, кто бы сомневался.

— Дворяне тоже разные бывают, — пожал Бармин плечами.

— Я старший сын графа Потоцкого.

— А имя у старшего сына графа Потоцкого есть?

— Казимир Августович Потоцкий, и отпустите, ради бога, мою руку!

— Вы какого бога имеете в виду? — поднял бровь Ингвар. — Вашего или кого-то из моих?

— Бог один!

— Нет бога, кроме аллаха? — с откровенной издевкой спросил Бармин.

— Да, пусть бы и аллах магометанский, — поморщился Потоцкий. — Все не ваши демоны паганские!

Такого откровенного «наезда» на свою религию и на себя любимого, Ингвар в этом мире еще не встречал. Мало того, что слова отвратительные, так еще и ненависть нешуточная звучит в голосе. Искренняя ненависть.

— Вы в своем уме, Потоцкий? — Пока длилась эта безобразная сцена, к ним подошел сам хозяин дома.

— Если позволите, Иван Игнатович, я сам, — взглянул Ингвар на князя Изборского.

— Что ж, извольте, — поморщился князь, неохотно позволяя Ингвару самому разрешить конфликт.

— Итак, дуэль, — кивнул Бармин, возвращаясь к Потоцкому. — Считайте, сударь, что я вас вызвал. Выбор оружия и условий дуэли за вами. Слушаю вас.

Похоже, такого оборота «графеньш» не ожидал. То есть, дуэль явно была целью его эскапады. Однако, вопреки ожиданиям, все получилось неожиданно легко и слишком быстро. А значит, домашние заготовки приходилось отложить в сторону и переходить к импровизации. Но вот этого Потоцкий как раз и не умел.

— Тогда... — сбился он с мысли и в поисках поддержки обернулся к Олегу Изборскому. — Тогда я...

— Казимир Августович, — вмешался тот, — хочет сказать, что вместо себя выставляет на поединок меня. Мне теперь и вести с вами переговоры.

— Вообще-то, переговоры ведут между собой секунданты, — поправил Бармин

княжича, — но да пребудет с вами ваш бог. Я готов обсудить все технические вопросы с вами. Прямо здесь прямо сейчас, но, если позволите, мне нужно коротко переговорить с супругой, а затем с вашим отцом. Это не займет много времени.

— Прощайтесь!

Вообще-то, о прощании Ингвар ничего не говорил, и его в очередной раз покорила глупость и не любознательность этих людей. Безответственные сопляки, они даже не соизволили навести о нем справки.

«Слабосилок? Забавно!»

У них тут, верно, был кто-то со способностью определять силу Дара «на глазок». Отсюда и «слабосилок», поскольку классической магии в Бармине было пока немного. Всего лишь на чуть, да и то только после получения прадедушкиного наследства. А о стихийной магии эти перцы, выходит, пока не слышали. И то сказать, информация была не то, чтобы засекречена, но не афишировалась. Так что, и военные его подвиги, и дуэль с генералом-адмиралом князем Акселем Юль аф Верринге, которая состоялась совсем недавно в Гетеборге, достоянием общественности пока не стали.

— Какой у него ранг? — тихо спросил он Ольгу, приобняв супругу и поцеловав ее в щеку.

— Двенадцатый, — так же тихо ответила женщина, носившая артефакт-определитель, имевший форму витого золотого браслета.

«Бедный идиот!» — вздохнул Бармин и направился к князю.

Ему было не жалко Олега. Не будь тот сыном Ивана Игнатовича, Ингвар прибил бы придурка, и дело с концом. Но это, как ни крути, был старший сын князя Изборского, и в связи с этим Бармин чувствовал необходимость попытаться вывести княжича из игры. Пусть не наследник, но все-таки сын...

— Иван Игнатович, — сказал он князю, остановив жестом его попытку начать говорить, — послушайте меня, пожалуйста. Это важно. Вы должны запретить вашему сыну участвовать в дуэли. Насколько я знаю, это в вашей власти.

— Не беспокойтесь, Ингвар Сигурдович, — покачал головой старый князь, — вы мой гость, и я не позволю причинить вам вред.

— Все обстоит с точностью до наоборот, — грустно усмехнулся в ответ Бармин. — У вашего сына всего лишь двенадцатый ранг, а у меня выше двадцатого. Только не в классической магии, а в стихийной. Я стихийный маг, Иван Игнатович, оттого меня никто не видит. Не хочу убивать Олега. Калечить тоже не хочу. Это было бы не по-дружески. Но, если он потребует, смертного поединка, — а к этому, судя по всему, идет дело, — у меня не останется другого выхода. Поэтому не отменяйте дуэль, но пусть они выставляют другого поединщика. Правила это разрешают.

Если честно, Бармин устал от того, что кто-то все время пытается его укоротить. Казалось бы, ну что еще после всего того, что успело уже произойти. Ан, нет. Опять двадцать пять. Не одно, так другое, не понос, так золотуха. А он так надеялся отдохнуть, проветриться, побыть наедине с Ольгой и решить попутно два-три вопроса. Но злоба людская не истребима, как, впрочем, и глупость. Так и появляются борцуны за все хорошее, — как они его понимают, — и против всего плохого по контрасту с «хорошим».

— Видят боги, князь, — переборол минутную оторопь Иван Игнатович, — я не знал. Я даже представить себе такого не мог. Думал... Впрочем, неважно, что я там думал. Теперь уже поздно. Я ваш должник, государь.

Поклонившись Ингвару, князь Изборский прошел к своему сыну, оглядел собравшихся и объявил громким голосом:

— Олег, я запрещаю тебе участвовать в поединке! Князь Острожский наш гость, и ты не можешь с ним биться. Выберите другого чемпиона!

— Отец! — опешил Олег Изборский. — Но я...

— Возражения не принимаются! — отрезал Иван Игнатович. — Я отец, мое слово закон. Тем более, здесь, в Изборске, где я правящий князь. Что-то непонятно?

— Извини! — Олег беспомощно смотрел на Потоцкий. — Сам видишь...

— Что ж, — улыбнулся графеньш с предвкушением, — придется мне самому.

— К барьеру, князь! — повернулся он к Ингвару. — Магический поединок один на один, до смерти...

— Как скажете, — практически равнодушно ответил Ингвар.

Сейчас он уже думал о другом. Не о поединке, а о том, что, если во время практически случайного визита в дружественное княжество, против него, человека, носящего две владетельские короны, сходу устраивается заговор, то дела империи совсем нехороши. Личная ненависть к Менгдену — это одно, — неприятно, но объяснимо, — однако откровенный экстремизм, охвативший некоторую часть христиан, намного хуже. Тем более, что Бармин не сомневался, в стане ревнителю древних богов положение ничуть не лучше.

«Нам только гражданской войны не хватает, — думал он, направляясь на дуэльное поле. — Или это уже называется религиозной войной? А кстати, была ли в этом мире Тридцатилетняя война[6]? Или католикам и протестантам не до того? У них для ненависти есть язычники. А с язычниками христиане точно воевали, и не раз. Неужели снова?»

На самом деле, это был эвфемизм. Никакого дуэльного поля в городе не было, зато был давным-давно осушенный крепостной ров: двадцать пять метров каменистого грунта, — присыпанного сейчас снегом, — между двух, сложенных из кирпича опорных стен. Это, разумеется, в ширину. В длину там было метров сто по прямой. Вполне достаточно для дуэли.

«Убивать или нет, вот в чем вопрос».

В принципе, можно было бы и прибить, но уж очень большая разница в силе. Потом перед собой будет неудобно, не то, что перед другими.

«Но наказать-то говнюка надо или как?»

Получалось, что наказывать следует, а вот убивать — нет. Не стоит этот шпендрик того, чтобы об него мараться.

«Ладно, — решил Бармин, встав напротив Потоцкого, — живи!»

Их разделяло метров тридцать, никак не больше, и Бармин позволил своему противнику скастовать атакующее заклятие, подставив под него щит буквально в последнее мгновение. Заклятие оказалось хитрое, с двойным дном, но, чтобы ударить по Ингвару, ему не хватило ни скорости, ни силы. Реакция Бармина была на высоте, а щит — сложное переплетение огненных и водяных жгутов, — непробиваем для любого мага, имеющего Дар ниже десятого ранга. Это все Бармин вычитал в записках своих предшественников, и вот ведь — пригодилось. Ингвар легко отразил атаку Потоцкого и, чуть помедлив, нанес ответный удар. Вернее, три сопряженных выпада: два — молниями по коленям Потоцкого и один — воздушным молотом по голове. Это обеспечило графеньшу переломы обеих ног, не говоря уже об ожогах, и тяжелое сотрясение мозга. Теперь, каких бы целителей ни нашли ему друзья и родственники, месяц в постели Потоцкому обеспечен. А, возможно, и два. Так что

показательная порка состоялась, но клиент остался жив. Спасибо не скажет. Скорее, возненавидит еще больше, но урок предназначался не ему, а всем другим идиотам, которые соберутся прикапываться к Ингвару.

[1] Балта́ — название топора с узким лезвием и боевого топора в период XV–XVII веков.

[2] Исарский (Езерский) улус — княжество енисейских кыргызов XVI–XVIII вв. в центр современной Хакасии между долиной Абакана и Батенёвским кряжем.

[3] Велесовы дни (конец декабря) или Зимний Новый год (Коляда) начинался Днём Зимнего Солнцестояния.

[4] Селога — псковский посадник в 1327–1337 гг.

[5] Труворово городище — археологический памятник VII–XVIII веков близ Изборска. Занимает остроконечный треугольный мыс приподнятого плато высотой до 48 метров — Жеравьей горы над Городищенским озером.

[6] «Тридцатилетняя война» — условное название ряда военных конфликтов в Священной Римской империи германской нации и Европе вообще, продолжавшихся с 1618 года по 1648 год. Война началась с череды религиозных столкновений между протестантами и католиками в Священной Римской империи, и затем переросла в борьбу разных сил в Европе против доминирующей позиции дома Габсбургов. Конфликт стал последней крупной религиозной войной в Европе и породил Вестфальскую систему международных отношений.

Глава 7(2)

— Какой, говоришь, у него был ранг? — спросил Бармин, когда практически сразу после дуэли, — а поединок закончился через двадцать секунд после ее начала, — они с Ольгой поднялись на борт конвертоплана «Менгден». Эдакого «Борта номер один» одноименного графства.

— Покойник был самоуверенным кретином! — счастливо улыбнулась в ответ Ольга. — У него был девятый ранг, но он ориентировался на силу твоего «как бы» Дара, а она, мой друг, едва дотягивает до четырех. Кстати хотела спросить, откуда она вообще взялась? Ты же стихийник, колдун, а не маг, и еще месяц назад классика у тебя была по нулям.

— Да, вот, не успел рассказать, — «повинился» Бармин, усаживаясь в кресло. — Подарок от бабушки получил.

— От какого бабушки? — не поняла Ольга.

— От прадеда, — уточнил Ингвар. — Там, Оля, такая магия, что не сразу и сообразишь. В общем, он мне оставил в наследство «спуд», а в нем, оказывается, кроме силы, еще кое-какие умения в стихийной магии были запакованы.

— Неужели шаблоны?! — ахнула жена. — Инг, миленький, это же редкость такая, что легче... Ну, не знаю, даже что. Я про «шаблоны» слышала только в курсе теоретической магии, это еще в лицее было. А в книгах о таком ни разу не читала. Наверное, есть где-то что-то, но мне не попадалось.

— Что это такое этот шаблон?

— Ну, это, вроде свернутого алгоритма колдовства, — начала объяснять Ольга. — Профессор Столпер говорил, что раньше, лет семьсот-восемьсот назад такое многие маги делать умели. А потом то ли знание ушло, то ли еще что, но сейчас такое мало кто может. Да и те не расскажут. Слишком ценная вещь, чтобы с другими делиться.

— И в чем ценность? — решил уточнить Бармин.

— Получаешь готовое колдовство без того, чтобы его разучивать, а потом вязать. Ценная вещь. Типа по моему хотению. Понимаешь?

— Да, — кивнул Ингвар. — Вот я шесть таких шаблонов от прадеда и получил. И один из них открывает доступ к вашей классике. Но уровень минимальный.

— Четвертый ранг по нижней черте, — согласилась Ольга. — На раньше-то у тебя и того не было!

— Теперь есть.

— И это здорово! — восхитилась жена. — С четвертым рангом тоже много чего можно сделать, если уметь. А мы тебя научим. Будет у тебя не только меч-кладенец, но и синистра — кинжал для левой руки.

— Красивый образ! — улыбнулся Бармин и одним движением пересадил Ольгу из кресла, стоявшего напротив, к себе на колени.

Посадил, но не стал ни ласкать, ни целовать. Просто обнял и прижал к груди, чтобы не чувствовать одиночества и бессилия перед огромностью мира. И добро бы просто мира, но, увы, мир этот был враждебен к таким, как он — слишком большим, сильным и знатным, чтобы не выделяться в толпе. А он ведь ко всему прочему еще и язычник древнего северянского рода и в придачу стихийный колдун, каких мало теперь осталось и в этой

стране, и в этом мире.

— Может быть, стоит вернуться домой? — тихонько шепнула Ольга.

Она, верно, поняла, что инцидент с Потоцким выбил Бармина из колеи. Он победил, разумеется, но осадок от всей этой истории остался скверный.

— А что Надозерье уже не наш дом? — так же тихо ответил Ингвар.

Замок давно уже восстановили: отстроили порушенное, отремонтировали и даже отреставрировали. Формально он являлся теперь резиденцией графини фон Нойвид, но Ольга не была в нем ни разу с тех пор, как они все спешно эвакуировались в Усть-Углу. Ну а сейчас, — в связи с этой вот поездкой, — и у нее, Хельги фон Нойвид, и у него, Ингвара Менгдена четвертого сего имени, появилась замечательная возможность посетить «родные пенаты», и грех было этим не воспользоваться.

— Дом, милый дом... — хмыкнула ему куда-то под подбородок жена.

— Можешь смеяться, но это мой первый дом на Большой земле...

Возможно, разговор продолжался бы и дальше, но их прервал командир эскорта, сообщивший, что посадка через десять минут.

— На земле все спокойно, Ваша светлость, — продолжил офицер свой отчет. — Ваш кортеж прибыл в Надозерье еще в 20.00. Завтра в Псков поедем под прикрытием двух вертолетов. Наши люди уже в Гдове, Блянке и в Гверздоне, обеспечивают фланговое прикрытие, а в самом Пскове за безопасность отвечает княжеская дружина.

— Что-то еще? — На самом деле, можно было и не спрашивать, Гвоздев профессионал. Если есть, что добавить, обязательно скажет.

— В Надозерье вас ожидает три десятка депеш, переданных по телеграфу и телетайпу, и несколько телефонных сообщений. Там сейчас Авдеев, доложит, как только будете готовы его выслушать.

— Спасибо! — поблагодарил Бармин. — И, пожалуйста, Павел Константинович, передайте, чтобы приготовили легкий ужин. Я знаю, время позднее, но после дуэли... Сами понимаете.

— Ужин готов, — ничуть не удивившись, доложил Гвоздев. — Федор Григорьевич уже распорядился.

Что ж, службы графства Менгден работали, как часы. Но Северная марка — это нечто совсем другое. Это государство в государстве, Великое княжество, обладающее значительной автономией и вполне определенным суверенитетом. Проблема, однако, состояла не только в размерах этого недогосударства, а в том, что Западная пятинка, как единое целое, не существовала уже более трех десятилетий. В ней не было центральной власти, поскольку титул князей Острожских оставался невостребованным. Ну, а раз там не было государя, в марке или пятине, — называй как хочешь, — не было никаких институтов центральной власти. И все это теперь следовало воссоздавать, строя здание государственности практически с нуля. Или почти с нуля, поскольку кое-что все-таки сохранилось, ведь у каждой составной части Великого княжества имелась своя власть. В том же Изборске были и собственный князь, и суд с полицией. Да и дружина какая-никакая имелась. Это была хорошая новость, плохая же новость состояла в том, что, как говорится, в каждой избушке свои погремушки, а значит, иди — знай можно ли доверять этим структурам. Опыт показывал, что доверять можно не всем и отнюдь не всегда. А ведь предстояло не только вычистить возникшие кое-где «авгиевы конюшни», но и объединить все эти местечковые «правительства» под одной рукой...

«И все опять на ходу, кое-как и кое-где...»

3. Двадцать девятое января 1984 года

В конечном счете, турне Бармину удалось. И нет худа без добра: инцидент в Изборске сослужил ему хорошую службу. Во-первых, поскольку вдруг выяснилось, что «маугли» из Барентсбурга, на самом деле, довольно-таки симпатичный, умный и неплохо образованный молодой мужчина, который, кроме всего прочего, обладает благородством и невероятной стихийной магией сокрушительной силы. Впрочем, исходя из принципа, что под лежащий камень вода не течет, Бармин не стал *«ждать милостей от природы»*, а задействовал связи Елены герцогини Бирон в медийных кругах. Так в некоторых газетах и журналах появились вдруг довольно-таки подробные рассказы о действиях Ингвара Менгдена против Первой и Второй Союзных ратей, о его дуэли с генералом-адмиралом князем Акселем Юль аф Верринге и, разумеется, весьма любопытные подробности инцидента в Изборске. И это еще не все: в самом популярном в империи женском журнале «Фемина» появилась серия статей о женах князя Острожского, а жены у него, — чего уж там, — были по-настоящему зачетные. И это сделало Ингвара еще более популярным, в особенности, среди женщин бальзаковского возраста и юных *неопытных* дев. И это всего лишь «во-первых».

Однако, кроме, «во-первых» имело место ничуть не менее значимое «во-вторых». Если раньше подписанты «Виленского обращения» лишь исполняли долг перед своей честью и совестью, сейчас они увидели в Ингваре кого-то такого, с кем можно иметь дело — некий важный элемент большой политики, которого всем им так не хватало для того, чтобы союз княжеств Старого Запада стал реальностью. Возможно, разумеется, что свою роль в этом деле сыграла непреодолимая харизма Менгденов, — о которой Бармин узнал совсем недавно, — но, скорее всего, не менее важно было то, что и в Изборском инциденте, с которого начался их с Ольгой вояж по северным княжествам, и в последовавших за ним серьезными разговорами «не для публики» в Пскове, Старой Руссе и далее везде, Бармин показал себя умным собеседником, дальновидным политиком и, кроме всего прочего, благородным человеком.

Итак, сначала были Изборск, Псков и Старая Русса, где находилась резиденция князя Новгородского, а затем уже с Еленой, сменившей Ольгу, а позже и с Марией, сменившей Елену, Ингвар посетил Ниен и Корелу, Лодейное Поле и Кемскую крепость, и многие другие города севера, не забыв, впрочем, и про юго-запад: Полоцк, Менск и Вильно. В общем, за конец декабря и январь он побывал во множестве мест и переговорил со множеством самых разных людей, и даже сам не заметил, как под его рукой стали обретать зримые черты, казалось бы давно переставшие быть актуальными, Северная марка и Западный комплот[1]. Впрочем, пришлось, — чтобы, как говорится, не злить собак, — заехать ненадолго в Новгород и пообщаться там с императором. Никаких особых секретов Ингвар Ивану, впрочем, не открыл, но и от того, что характерно, ничего сенсационного не услышал. Просто встретились, — то есть, политес был соблюден, — пообщались, в общем-то, ни о чем, и все, собственно.

Сразу после посещения Новгорода, где они с Марией и Варварой провели три напряженных рабочих дня, — ведь не единым императором исчерпывается земля русская, — Бармин и его *стервы* наконец вернулись в Усть-Углу. Вообще-то, слухи, которыми щедро поделилась с княгиней Ижорской веселая новгородская тусовщица Ма ЭфБэ — баронесса Мария Юлия фон Берге, утверждали, что в узких кругах их иначе, чем *суками Менгден*,

никто не называл. Но тут важна была интонация. За «сучек» Бармин бы обиделся и набил кому-нибудь морду лица, даже если бы этим кем-то оказалась женщина, а вот «суками» он, прямо сказать, гордился. Ссыт — значит уважает, как говорили по такому поводу на первой родине Игоря Викентиевича. А их, имея в виду всю его семью, в Обществе теперь если не боялись, то уважали. Ну, или наоборот в зависимости от того, о ком в каждом конкретном случае идет речь. Впрочем, кое-кто их все-таки не столько боялся, — или вовсе не боялся, — сколько уважал и любил. Таких было пока немного, но лиха беда — начало, не так ли?

В общем, марафон получился длинным и утомительным, но отнюдь не бесполезным. И домой Бармин возвращался, порядком подустав, — не столько даже физически, сколько морально, — но зато с чувством выполненного долга и немалого удовлетворения от проделанной работы. Ну, а в Усть-Угле их ждал праздник. Собрались все свои и оттянулись, что называется, по полной. Причем, организаторами веселья на этот раз стали первая и пятая жена вместе. Ульрика Катерина смогла-таки за этот месяц с довеском встроиться наконец в семью Менгденов. Пусть пока только внешне, но и то хлеб, потому что жить в замке сразу же стало легче. Подтянулась к старшим и Дарена. В конце концов, она распробовала свою новую жизнь и свои новые обстоятельства, и все это ей неожиданно понравилось. То есть, сначала только заинтересовало, привлекло «блестящей мишурой», но затем, когда юная женщина втянулась-таки в «ритм» и по-настоящему оценила «вкус и аромат», она сама не заметила, как стала для всех здесь своей, а они, — все они, — стали для нее семьей.

И эти двое расстарались от души. В программу «фестиваля» входили катание на тройках, охота на волков, — набили столько, что хоть на продажу выставляй, — лесная баня с русской парной и нырянием в прорубь на замерзшем озере, не говоря уже о пирах и прочих забавах, среди которых нашлось место даже драматической труппе из Ниена, разыгравшей в домашнем театре какую-то классическую пьесу про средневековую любовь, заговоры и проклятия. Бармину, к слову сказать, пьеса понравилась, — и сама пьеса, и постановка, и великолепная игра актеров, — и он решил, что, как только обстановка нормализуется, они начнут летать в Новгород, Псков или Ниен на балет, оперу и, разумеется, на драматические спектакли.

— Еще надо бы в цирк сходить, — мечтательно вздохнула Дарена, услышав его откровения.

— И в зоопарк, — хмыкнула выпившая лишнего Елена.

— И в зоопарк, — ничуть не смутившись, кивнула юная женщина. — И в кукольный театр...

«Ребенок, — покачал Бармин мысленно головой. — Ей бы еще в куклы играть... Но формы уже совсем не детские...»

— Между прочим, решаемый вопрос, — вполне по-деловому заметила Ольга, запивавшая водку клюквенным морсом. — В Шексне есть хороший зал, можно будет пригласить кого-нибудь на гастроли, заодно и подданные порадуются. А в Череповце, как я слышала, есть совсем неплохой драматический театр. В Вологде у нас старинный каменный цирк, между прочим. Там все время какая-нибудь труппа выступает, а еще есть репертуарный музыкальный театр, драматический и театр кукол-марионеток. И безопасность здесь обеспечить легче легкого. Своя земля.

— Ну, ты у нас и краеведка! — восхитилась Варвара. — Зоопарк у нас тоже есть?

— А как же ш! — расхохоталась Елена. — Про зоопарк даже я знаю. Но, между нами,

плохонький и бедненький. Одним словом, задрипанный.

— Дара, — повернулся тогда Бармин к Дарене, — ты же любишь животных, вот и возьми его себе. Узнай, что там надо построить, каких зверей докупить, нанять ветеринаров... Как тебе идея?

— Денег дашь? — Дарена пила мало, оттого была, пожалуй, единственной практически трезвой женщиной в компании.

— Да, — заверил Ингвар.

— Вот! — подняла вверх указательный палец Мария. — Это по-нашему. Инг даст тебе денег, а ты дашь ему...

— В особо извращенной форме, — закончила, давясь от смеха, и, уже не сдерживаясь, расхохоталась в голос.

Разговор этот происходил в семейной бане Менгденов, куда вместе с Барминым «набились» все пять его жен и сестра. Редкий случай, когда все собрались вместе, и грех было им не воспользоваться. Впрочем, как и в прошлый раз, договорились всего лишь оттянуться. То есть, без фанатизма и разврата. Так что секса не было, но вид голых красавиц, хочешь не хочешь, возбуждал аппетит, а водка, которую решили пить, организовав для разнообразия исключительно русский стол, ослабляла тормоза и стирала резьбу. И, судя по всему, касалось это не только Бармина, женщин тоже проняло. Отсюда и фривольные шутки, цинизм и грубоватые подначки.

— С этого места, пожалуйста, поподробнее, — ухмыльнулась Варвара.

— Это ты про извращения? — уточнила прилично принявшая на свою великолепную грудь шведская кронпринцесса. По-русски она уже говорила совсем неплохо, но все время сбивалась на норн. Сбилась и сейчас.

— Ой! — всплеснула руками Мария. — Рикке, ты же у нас взрослая тетенька. Только ты не обижайся, это я не в укор. Просто, если взрослая, то, наверное, знаешь такое, о чем мы тут в провинции и не слышали даже!

— А по заднице? — подняла бровь Ульрика Катерина. — Любя.

— Я не против легкого БДСМ, — пожала плечами Мария. — Но только очень легкого.

— У меня уже было, — поморщилась Дарена. — Больше не хочу. Никакого удовольствия, только сидеть потом больно.

— Бедная девочка! — Потянулась к ней Ольга. — Иди ко мне, сладкая. Тетенька тебя утешит!

— Лесбиянство не извращение, — не согласилась Елена. — К тому же это только между нами девочками. Инг тут как бы ни при чем.

— Ну, не скажи, — не согласилась Ульрика Катерина. — Его это возбуждает. Правда ведь, Инг?

— Это всех мужиков возбуждает! — отмахнулась Варвара.

— Откуда знаешь? — плотоядно улыбнулась кронпринцесса.

— Книжки надо читать, — пожала Варвара роскошными плечами.

Иногда боги бывают весьма щедры, когда создают идеальную женщину. Такой и была Варвара: безукоризненной красавицей, но притом красавицей особого рода, не изысканной, выточенной из слоновой кости статуэткой, как Ольга или Мария, а настоящей валькирией, полубогиней северянского пантеона во плоти. И когда она пожимала плечами, это было зрелище не для слабонервных, в особенности сейчас, когда из одежды на ней оставалась лишь собственная красота. Поднялись и опустились покатые плечи, чуть колыхнулась

тяжелая, но при том упругая грудь, и Бармин почувствовал, как поднимается его верный друг и соратник. Но стыдиться этого он не стал. Его женщины все это уже видели, да и сами порой реагировали не по-детски.

— Между прочим, — медленно «с придыханием» сказала вредная Ульрика Катерина, скользнув взглядом по восставшему естеству Менгдена, — я Ингу говорила, что совсем не против легкой порки. Можно было бы как-нибудь попробовать.

— Не, — покачала головой Мария, — отшлепать по заднице — это еще туда-сюда, но розги — это фи! Что я ему крестьянка, чтобы пороть меня на конюшне?

— Про конюшню никто не говорил, — усмехнулась на это Елена. — Это у тебя, Миа, твои собственные фантазии. Может, вам с Ингом заняться ролевыми играми?

— А что это такое? — оживилась Дарена, как раз опрокинувшая под чутким руководством старших подруг сорокаграммовую стопочку.

— Ролевые игры? — переспросила Ульрика Катерина. — Это, Дара, когда ты претворяешься, скажем, саксонской рабыней, а Инг злым викингом. И он тебя насилует в извращенной форме.

— Это как? — проморгала выступившие слезы Дарена.

— В зад, — последовал лаконичный ответ.

— А он разве влезет? — озаботилась юная жена и потянулась к миске с квашенной капустой.

— Не пробовала еще, — констатировала Ольга. — Что ж ты, Инг, лишаешь девушку такого экстремального удовольствия?

— Не выпендривайся! — попросил Бармин, прекрасно знавший, что Ольга относится к анальному сексу с большой осторожностью, оттого они этот вариант все еще ни разу не попробовали.

— Напекаешь, что сама не без греха? — тяжело вздохнула Ольга и подвинула к Бармину свою рюмку. — Плесни, пожалуйста.

— Так что за грех? — оживилась Елена.

— Я сама тоже не пробовала, — призналась Ольга. — И хочется, и колется...

— И мама не велит, — фыркнула Мария.

— Маму я уж точно спрашивать не стану, просто робею...

— Ну, как у вас русских говорят, — снова встряла кронпринцесса. — Глаза боятся, а руки делают.

— Хорошо сидим! — решил сменить тему Бармин. — Может быть музыку включить?

[1] В данном случае, слово «комплот» используется в значении «союз против кого-либо».

Глава 8(1)

1. Пятое февраля 1984 года

Федор и Екатерина Северские-Бабичевы прилетели в Усть-Углу с детьми, двумя пятилетними мальчиками-двойняшками и чудной трехлетней девочкой-альвой. Вообще-то, как рассказывала сама Екатерина, кровь альвов, хоть и сильна, но в смешанных браках держится не более двух поколений. Так что, Арина, по всем расчетам, должна была родиться человеком, тем более, что оба ее старших брата были несомненными людьми. Но девочка родилась альвой: не по возрасту высокая, грациозная льняная блондинка с глазами-хамелеонами[1], все время меняющими свой цвет от бирюзового до пронзительно синего и элегантными остроконечными ушками. Даже у ее матери уши были уже вполне обычные. Красивые, как и все прочее у красивой женщины, но человеческие. Человеческим был и ее рот. А вот у Арины рот был непропорционально большим, а губы пухлыми. Очень необычное сочетание, притягивающее взгляд, и необычно красивое даже у такого маленького ребенка. А еще, она буквально сияла от эманации своего Дара. Впрочем, видеть ее ареол могли в Усть-Угле только три человека: ее мать, Ингвар и его сестра. И девочка, казалось, поняла это с первого взгляда. Она легко выбрала себе двух новых друзей, — графа и графиню Менгден, — но, вот что странно, не озвучила причины такого выбора. Лишь шепнула Бармину на ушко, оказавшись как-то сразу сначала на его руках, а затем и на шее, что он очень яркий, и ей тепло в его сиянии. Что это значит, можно было только гадать, но Ингвар решил не переспрашивать. Ребенок был ведь не простой, а волшебный, а еще минут через пять Бармин вспомнил на кого она похожа, вернее, кого она ему напомнила. Эта девочка обещала вырасти в натуральную Лив Тайлер в роли принцессы Арвен из «Властелина Колец»[2]. Только волосы у нее были другого цвета, и, кажется, глаза, а так вылитая эльфийская принцесса.

В былые времена, когда Бармин еще не стал Менгденом, он любил читать книги-фэнтези. И началось это его увлечение как раз с профессора. Толкин, затем Ле Гуин, Сапковский и далее везде. Читал и по-русски, и по-английски, вот только даже мечтать не мог, что однажды превратится в молодого Гэндальфа или волшебника Земноморья. Но, по факту, вот он, — как есть, — колдун и потомок богини принимает у себя в родовом замке двух настоящих эльфиек, взрослую и маленькую.

«Это называется, жизнь удалась, — усмехнулся мысленно Бармин. — Опять мне свезло!»

Он был рад Федору, — все-таки брат, как ни как, — и его прекрасной альве. Да и детей их он увидел впервые. Парнишки ему, к слову, тоже понравились. Придет время вырастут в отличных бойцов. Но девочка...

— Как она сдерживает свою силу? — спросил он у Кати. — Она же маленькая! И потом, разве Дар может открыться так рано?

— Отвечаю по пунктам, — улыбнулась женщина, явно гордящаяся своими детьми, как, впрочем, и положено хорошей матери. — Альвы иногда рождаются, имея открытый Дар.

— Ты тоже родилась с Даром? — Закономерный вопрос, не правда ли?

— Нет, — покачала собеседница головой. — У меня все было нормально, как у всех. Открылось вместе с созреванием. В четырнадцать лет. И не смотри на меня так, у альвов,

Ингвар, месячные начинаются позже, чем у людей. Такова наша природа.

— А что насчет Арины? — вернулся Бармин к теме разговора.

— Она росла в племени моей бабушки, — чуть погрузнев, ответила Екатерина. — Мы ее только недавно забрали. Альвы умеют справляться с этой проблемой, а мы — нет. Она ведь не первая такая родилась. Альвы знают... Но росла она без меня. Такова плата за талант.

— Сочувствую. — А что еще тут скажешь? Мать была вынуждена расстаться с новорожденной дочерью, потому что сама выходить ее не сумела бы.

— Кстати, об альвах, — сменила Екатерина тему разговора. — Старейшины приглашают тебя в гости.

— Меня одного?

— Можешь взять с собой кого угодно, — покачала головой женщина, — я тоже с тобой слетаю. Арина хочет навестить родню... Но старейшины хотят говорить именно с тобой.

— Не знаешь, о чем пойдет речь? — уточнил Ингвар.

— Извини, но нет, не знаю, — пожалала плечами альва. — Полетишь?

— Разумеется, — удивился Ингвар вопросу. — Через неделю?

— Да, — кивнула она, — это подходит.

— Тогда, оставайтесь у нас на всю неделю, — предложил Бармин. — Отсюда и полетим. Как смотришь?

— Смотрю положительно! — улыбнулась Екатерина. — А теперь отдай мне мою принцессу, и мы пойдем знакомиться с твоими женами.

— Ты их всех знаешь.

— Не всех, но некоторых, — поправила его альва. — Но Арина и мальчики с ними пока незнакомы. Надо дружить. Все-таки родственники.

«Родственники? — удивился Бармин. — Она имеет в виду Марию или своего мужа? Или, может быть, обоих?»

— Ты все понял правильно, — улыбнулась она еще шире. — Я в курсе наших сложностей. И просто для сведения, Инг, мне это не мешает.

— Понял, — кивнул Ингвар. — Спасибо, Катя. Пошли! Нас, верно заждались. У нас по субботам обед подают в шесть. И вот, к слову, раз Арина выросла в Тартаре, я думаю, ей должны нравиться пироги с ягодой и медом.

— Мальчики тоже любят, а я просто обожаю, — обрадовалась альва. — У вас здесь что, тоже делают дрожжевое тесто на меду?

— Угадала, — улыбнулся Бармин. — Как раз к вашему приезду подгадали. Повар у нас отменный, напек пирожков с лесной ягодой. Они, ты же знаешь, разные бывают...

— Уговорил! Побежали!

Но, разумеется, они никуда не побежали, а пошли. Спокойно, уверенным шагом через двустворчатые двери Нового паласа, через большой холл парадной части, где слуги забрали у гостей теплую зимнюю одежду, — шубы, шубки, пуховики, — вверх по лестнице на второй этаж в анфиладу приемных залов и достигли наконец Семейной трапезной Менгденов. Это было высокое и просторное помещение со сводчатым потолком, украшенным каменной резьбой. Одно из самых старых помещений Нового дворца, построенное в самом начале XVI века. Стены были облицованы деревянными резными панелями, — темные барельефы на темы замковой жизни, окаймленные тройными рамками сложного узора, — дубовый и лиственничный паркет, и все прочее в том же духе: пара гобеленов, бронзовые сложного

литья свечные бра с зеркальными отражателями, бронзовые торшеры по углам, двустворчатые двери в боковой стене, ведущие в буфетную, в которой был устроен кухонный лифт, и, наконец, длинный обеденный стол на двадцать четыре персоны, — это же семейная трапезная, а не пиршественный зал, — застеленный льняной вышитой скатертью и украшенный хрустальными вазами с цветами и старинными серебряными солонками и перечницами, уксусницами и подставками для салфеток, и, разумеется, изысканными кувертами[3] работы начала прошлого века. Поздний обед должен был пройти при свечах, так что ни электричества, ни керосиновых ламп сегодня здесь не было. Зато зажженных свечей было вполне достаточно, чтобы осветить весь зал и придать событию торжественный вид в зимнем стиле. Последнему способствовали и два разожженных камина. Однако, в целом, это был обед, как обед, — праздничный, но без перегибов, — разве что несколько блюд явно намекали на северянскую старину. Кёж и козули[4] пришлись по вкусу деткам, но были проигнорированы взрослыми, которым, в свою очередь, понравились воложи[5], с которыми хорошо пошли мясные и рыбные пироги и кулебяки.

Настроение у всех было приподнятое, а хорошее вино из Тосканы сделало его еще лучше, и за оживленным разговором хозяева и гости засиделись за столом гораздо дольше, чем планировалось, но все когда-нибудь заканчивается, завершился и этот чудный вечер в кругу друзей и родных. Однако, встав из-за стола, хозяева и гости, — ну, кроме детей, разумеется, — все еще не были готовы прервать общение, и, разбившись на несколько небольших групп по интересам, разошлись кто-куда. Кто-то в курительную комнату, например, а кто-то в бильярдную или в одну из гостиных второго этажа. Сам же Бармин, прихватив с собой Федора и Марию, направился в свой рабочий кабинет, куда приказал подать кофе, коньяк и сладости. Предстоял серьезный разговор, и откладывать его на потом никто не хотел: ни Бармин, ни Федор. Потом, во все последующие дни до отъезда, они смогут поговорить еще не раз и не два. И темы найдутся, и время, и, разумеется, место. Но сегодня им предстояло окончательно расставить все точки над «i» и понять, что и как они будут делать в ожидании большой войны и во время нее. И, хотя Бармину очень хотелось начать с главного, этот вопрос он оставил на десерт.

— Еще раз хочу подтвердить слова Марии, — сказал он вслух. — Когда *начнется* заваруха, но лучше все-таки уже в преддверии войны, бери Катю и детей и отправляй к нам. Это лучше, чем Сибирь. Что там и как будет с цинцами и манджурами, никто предсказать не может, а здесь, на Север-Западе и Западе уже через месяц два будет воссоздан Западный комплот. Свой край мы, всяко-разно, отстоим, — сил у нас много, было бы единство, — а, если что, уйдем в колонии. До Нового Пскова[6] через Северную Атлантику на реактивном лайнере шесть часов полета. А в Новом Свете нас пойдут еще сколупни. Нет у нас там пока хищников подходящего размера. Ты, к слову, у нас тоже желанный гость, сам знаешь.

— Знаю, — подтвердил Федор. — Ты тоже знаешь, Ингвар. Я человек военный, мне по должности положено родину защищать. Придется вместе с хазарами держать Крым и побережье практически до самой Абхазии, и, если турки ударят через Кавказ, то, по планам, мы будем вынуждены ввести войска в Грузинское царство. Но вот Катю и детей действительно отправлю к вам. Ты прав, у вас надежнее, и Мурка вон — родная кровь.

— Ну, Миа так и сказала, — пожал Бармин плечами. — Просто хотел еще раз подтвердить и наше приглашение, и наши обязательства.

— Я так и понял, — кивнул Федор, бросив быстрый взгляд на сестру. — Всем разливаю?

— Я уже взрослая, — огрызнулась Мария, почувствовавшая колебания в голосе брата. — И не смотри на меня так, Федор. Я мужнина жена, между прочим, и в бою была. Вот!

— Значит, всем, — добродушно усмехнулся Федор и взялся за бутылку.

— Хороший, — оценил он этикетку и продолжил говорить, разливая коньяк по хрустальным стопкам. — И к слову, о войне. Отец подписал разрешение, так что танки — тридцать «вепрей» 15-й серии, — отгрузим вам уже в начале марта. Экипажи я могу нанять у хазар, боеприпасы и съемное оборудование отправлю с армейских складов в Кериче. Там кое-кого придется подмазать, но то невеликие деньги. С вертолетами сложнее. Разрешение, понятное дело, получено, но нет в наличии готовых к отгрузке машин. Покупают их в последнее время, как горячие пирожки. У многих, знаешь ли, чуйка сработала. Знать никто ничего не знает, но люди тревожатся. А когда людям страшно, они спешат прикупить оружия. Человек с ружьем — это, Инг, совсем не тот же самый человек, когда он без ружья. Впрочем, Катин дядька клятвенно обещал отдать тебе машины из первой же боеготовой партии. Конец апреля, край — конец мая. Но у меня для тебя есть кое-что из вторсырья. В Ханском городке есть армейский пункт утилизации. Там чего только нет. На самом деле, все есть, потому как государство у нас большое и богатое. Чуть что, на выброс, в металлолом и в отстойники. Туда, между прочим, сбрасывают много почти исправной техники. Поэтому местные умельцы наострились продавать на сторону запчасти и даже собирают из поступающего утиля вполне годные машины. Из трех одну, но она же вполне себе боеспособна. Вот я и озабочился. Намекнул, что могу и ревизию устроить. Так что, к началу апреля обещали собрать тебе семь ударных «канюков»[7] по смешной цене. Чаю, не помешают. И уж точно не обеднеете.

— Еще как не помешают! — обрадовался Бармин. — В наших краях полно пилотов гражданских вертолетов, кто прежде служил в армии на штурмовых или транспортно-боевых. Они бы и рады снова сесть за штурвал такого вот «канюка», да машин нет.

— Теперь будут! — Поднял Федор свою стопку. — За успех!

Выпили все трое. И все трое, не смакуя и не растягивая удовольствие, сразу до дна. Бармин знал, что Миа может, когда хочет, не удивился ее лихости и сейчас. Хмыкнул мысленно, чтобы не обижать жену и, взяв из лежащего на столе портсигара сигарету, прикурил «от пальца». Прострелило короткой болью запястье, но ничего ужасного не случилось. К такой боли, — словно электрическим разрядом пробило, — он успел уже привыкнуть. Все привыкают, и он не исключение.

— Это не все, — продолжил, между тем, Федор. — Есть еще одна тема, о которой вы наверняка не осведомлены. В Управлении Специальных Операций еще лет десять назад был разработан и опробован новый метод сколачивания боевых групп тактической разведки.

— И какое отношение это имеет к нам? — спросила Мария, опередив Ингвара, буквально на мгновение.

— Самое прямое, Мура, — Федор вопросительно взглянул на Бармина, успев перед этим кивнуть на бутылку, и перевел взгляд на Марию. — Вспомни ваши приключения во время войны с Союзной ратью. Наливать?

— Моего мужа ты почему-то не спрашиваешь! — фыркнула княгиня Полоцкая.

— Как скажешь, — взял Федор бутылку. — Так вот, представь, что ты выходишь против танковой колонны одна.

— Ударила и убежала? — спросила Мария, возвращая себе уже наполненную стопку.

— Верно, но это, если ты действительно одна.

— Так нас там было трое!

Бармин промолчал. Смотрел, слушал, попыхивая сигареткой, и ждал откровений. Федор серьезный военный, образованный и с опытом. Не стал бы он сотрясать воздух бессмысленными речами.

— Чрезмерное могущество, — пожал плечами Федор. — Избыточно, а значит, неверно!

— Продолжай! — чуть отступила Мария.

— У тебя сейчас какой ранг? — спросил брат.

— Думаю, где-то между восемнадцатым и девятнадцатым. Я быстро прогрессирую. Но в одиночку мне с целой танковой ротой не справиться. Или это был батальон? — оглянулась она на мужа.

— И не надо в одиночку, тем более, если батальон, — улыбнулся Федор. — А у Лены какой ранг?

— Думаю, выше десяти, но ниже двенадцати, — прикинула Мария. — А что?

— А то, что тебе работать в паре с магом такой силы ни к чему. Только, если против таких же магов. Тебе же там и тогда нужен был за спиной отряд, — объяснил брат. — Один маг посильнее. Где-то пятый-шестой ранг. Портал откроет, щит выставит, поддержит огнем. Еще двое третьего-четвертого ранга, но с нормальной спецназовской подготовкой. Сил у них вроде бы немного, портал, скорее всего, не откроют, но, если грамотно используют свои силы, то смогут поставить вполне приличный щит. Небольшой и ненадолго, но в бою часто много и не надо, особенно, если твой противник не маг, а крупнокалиберный пулемет или осколочная граната. Кстати, если научить правильно использовать свою силу, того же пулеметчика прижучат на раз и бронетранспортер, если надо, сожгут... Ну, пусть не сожгут, но колесо сорвать точно смогут. Или гусеницу порвать. В общем, обездвигить. Это, значит, трое. И еще человек 9-12 — взвод спецназа со снайперской винтовкой, ручным пулеметом и реактивным гранатометом. И вот результат: три группы вместо одной. И заметь, любая группа колонну остановила бы и ушла целой.

— У Ольги сейчас одиннадцатый ранг, — кивнул Бармин, принимая идею Федора, как годную и «рекомендуемую к применению».

Ольга действительно довольно сильный маг, и за последнее время выросла, как боец. В войну, вместе с напарником хорошо исполнила роль системы замковой ПВО, но если придать ей такой вот взвод, только заменив, пулемет и оптику с гранатометом на наплечные ракеты землю-воздух, то это будет и вовсе круто. Одни прикрывают ей с напарником спину, другие ставят щиты, а маги и зенитчики работают по целям.

«Вполне!»

— Отличная идея! — сказал он вслух. — Начнем формировать группы и будем вводить их в обычное сопровождение. Чтобы, если что, не только охрана прикрывала, но и мы могли бы не импровизировать, а действовать по уставу.

— Звучит заманчиво, — согласилась Мария. — Варваре и Ульрике тоже по группе, а вот Дарену надо все-таки защищать. У нее самой сил не хватит. Шестой ранг всего...

— У Любомирова — одиннадцатый, и он офицер-резервист... ВДВ. — задумчиво произнес Бармин, уже прикидывая, какую группу создать для своей пятой жены.

Готовиться следовало к худшему, и он собирался это сделать так быстро, как только получится. Воссоздать Северную марку, сплотить Старый Запад и организовать в графстве Менгден крепкий боевой кулак. Защитить тех, кто сам о себе позаботиться не сможет, и убить тех, кто в очередной раз, решил кровью разрешить давний идеологический спор. Но

для этого придется крепко постараться и, прежде всего, нарастить мясо на кости.

— Хорошо, — сказал он вслух и, подняв свою стопку, выпил коньяк. Без тостов, не чокаясь, просто взял и выцедил медленно и с удовольствием.

— Ладно, — отставил он в сторону пустую стопку. — Теперь поговорим о вашем отце, и хочу сразу заметить: что бы ни случилось и как бы ни повернулось, я ему безмерно благодарен за все, что он для меня сделал. И еще за вас двоих: за жену и брата. Но сейчас мы говорим не обо мне и даже не о вас. Такая, уж извините, преамбула.

— Не извиняйся! — поморщился Федор. — Вопросов много, ответов мало. Я с ним уже пару раз говорил. Если быть точным, три раза за месяц. И разговоры эти были не накоротке, а серьезные, без ограничений по времени и тематике. Однако, сразу оговорюсь, прямого вопроса я ему пока не задал, и что бы он на такой вопрос ответил, не знаю. А теперь по пунктам.

— Инг, будь хорошим, дай сигаретку, — каким-то больным голосом попросила вдруг Мария.

Расстроилась, и это понятно: речь идет об ее отце, притом любимом отце, который нашел ей лучшего мужа в империи, а то и в мире. Последнее являлось ее собственным мнением, которое Миа уже несколько раз озвучивала, хотя и разными словами. Княгиня Полоцкая своих чувств, как ни странно, не стеснялась. Говорила Бармину прямо, как есть, то есть, как на духу: что любит, что счастлива, что боится даже подумать, как сложилась бы ее жизнь без Ингвара. И во всем этом были замешаны ее отец, мать и братья. Потому и напряглась, когда разговор зашел об их с Федором и Олегом отце.

— Держи! — Бармин подвинул к Марии свой портсигар и даже «огоньком угостил», едва она зажала сигаретку в губах.

— Отец говорит о войне, как о возможном, но не обязательном будущем, — сформулировал наконец свою мысль Федор. — При том о будущем неблизком, но и не слишком отдаленном. По его мнению, война, если все-таки случится, начнется года через два-три.

— Война с кем? — задал Ингвар важный, как ему казалось, вопрос.

— Со Священной Римской империей.

— То есть, возможность союза австрийцев с Халифатом и Данией даже не рассматривается?

— С Данией, возможно, да и то не против нас, а в форме вооруженной конфронтации со Швецией, — покачал головой Федор. — С Халифатом, навряд ли.

— Обоснование?

— Самое что ни на есть логически выверенное, Святой Престол по определению не способен сговориться с Меккой и Мединой.

— Ты тоже так думаешь? — спросил тогда Бармин.

— Насколько достоверна информация, которой ты располагаешь? — вопросом на вопрос ответил собеседник.

— Она достоверна, Федя, — пыхнув сигареткой, все тем же враз охрипшим голосом сказала Мария. — Я это гарантирую. Сама там была.

— Ну, если так, значит, отец не имеет той информации, которой располагаете вы, — пожал плечами Федор. — Остается одно, сообщить об этом прямо ему.

— Я тоже так думаю, — согласился Ингвар. — Проблема не в нем, а в его окружении.

— Кто-то конкретный или в общем смысле?

— Пока только один человек — князь Артемий Нетшин.

— Нетшин? — переспросил Федор. — Ну, это скорее окружение императора, чем отца.

Отец Артемия недолюбливает, и это еще мягко сказано.

— Хорошо, — кивнул Бармин, — допустим. Тогда вопрос, через кого австрийцы узнали, что у меня будет ребенок от женщины-оборотня?

— Я дома об этом рассказывала, — коротко отчиталась Мария. — Тебе и Кате тоже.

— И вы думаете, что это Нетшин?

— Есть подозрения, — признал Бармин. — К тому же, он из Галича, а тамошние хозяева грезят унией. Да и сам он, как бы, не воспитанник иезуитов.

— Возможно, — не стал спорить брат, — но что ему до тебя?

— Видишь ли какое дело, — поморщился Бармин, — я располагаю неопровержимыми доказательствами, что он причастен к казни моего деда и ко всему прочему, что с этим связано.

— Даже так? — нахмурился Федор. — Тогда, все возможно. Думаешь, отец знает об этом?

— Что-то знает наверняка, — снова высказалась Мария. — Он Нетшина не любит, но все-таки от себя не гонит. Почему кстати?

— Нетшин — старый друг дяди Ивана, — предположил Федор. — Они, то ли учились вместе, то ли что-то еще. Точно не знаю, но это давняя дружба. Скорее всего, отец не хочет ссориться с императором. Брат-то он ему брат, но у императоров другие приоритеты, и родство не на первом месте...

— Тогда еще один деликатный вопрос, — вздохнул Ингвар. — Если полыхнет между христианами и язычниками...

— Уверен, что полыхнет?

— К этому все идет, — пожал плечами Бармин. — Напряжение нарастает, и, я думаю, твой отец это знает. Не может быть, чтобы служба безопасности ничего не увидела и не услышала. Мне ведь не только в Изборске высказали свое громкое «фэ». Кое-кто не стесняется оскорблять язычников вслух и при свидетелях.

— Ну, язычники, насколько я знаю, в долгу не остаются.

— Не спорю, — признал Бармин. — Сам иной раз испытываю острое желание проредить кое-какую юную поросль, а то страха, суки, не ведают. А ведь я, ты же знаешь, не просто умеренный, а, вообще, можно сказать, никакой. И уж если я тоже... Оттого и говорю, нутром чувствую, скоро полыхнет. А, если это случится в ходе войны с Австрией или сразу перед ее началом, то, считай, мы получили удар в спину. И устоит ли в этом случае империя, один большой вопрос. Можем и не сдюжить.

— Религиозная война... — тихо произнес Федор. Ему явно не нравился такой поворот дел.

— Да, Федя, она и есть, гражданская, религиозная... — подтвердила Мария. — Вы с отцом православные. Олег тоже. А мы с Ингваром — нет.

— Но ты же... — начал было Федор.

— Уже нет, Федя, — покачала она головой. — Я замуж вышла, и своего мужа не предаю. Даже Дара уже не отступится, а она, помнишь, какая была? Так что вопрос не праздный. Что думает по этому поводу отец?

— Вашу семью он прикроет в любом случае...

— Но? — поинтересовался Ингвар.

— Не знаю, — еще больше нахмурился брат. — Не знаю!

— Тогда, скажи мне вот что, — предложил Бармин. — Как думаешь, что для него важнее, вопросы веры или сохранность государства?

— Ты намекаешь, что, если не принять меры, Северо-Запад отделится?

— А ты, как думаешь? — удивился Бармин. — Если начнется религиозная война, мы тут все сплотимся, и шведы до кучи примкнут. Может быть и отобьемся, но империя при таком исходе не выживет.

— Но ты же нас к себе приглашал...

— А что изменилось? — посмотрел ему в глаза Ингвар. — Мы своих не сдаем кем бы они ни были. У нас по всему Северо-Западу христиан всех конфессий едва ли не половина. Но бунтовать против своих будут лишь единицы. Остальные будут воевать с нами плечом к плечу. А вот в юго-восточных княжествах, боюсь, начнется резня. Армия развалится, дружины... как пойдет, а австрийцы будут наступать по нашей крови. Им нас не жаль, и православные в этом смысле ничуть не лучше язычников. Славяне, хазары... Недочеловеки мы для них.

— Но ты-то северянин, — прищурился Федор, — варяг, викинг. Голубая кровь и германцам близкий родич.

— Я язычник, — напомнил Бармин. — Шведы им большая родня, а все равно, прежде чем заключить их в братские объятия, надо бы избавить их от язычников...

— В таком аспекте я проблему не рассматривал, — признался Федор, явно обескураженный словами Ингвара.

— А князь Северский, как думаешь, рассматривает такую возможность или тоже не опускается до частных?

— Не знаю.

— Вот и я не знаю, а ты говоришь, рассказать...

— Можешь не раскрывать источник, но рассказать, я думаю, стоит, — после короткой паузы возразил Федор. — Если позволишь, я хотел бы участвовать в этом разговоре.

— Я тоже, — напомнила о себе Мария. — Пусть говорит при свидетелях.

— Ты что, не доверяешь отцу? — повернулся к ней Федор.

— Доверяю, — взяла она себя наконец в руки. — И доверяю, и люблю, но говорить мы будем не вчетвером, а впятером. Мать тоже пусть поучаствует. Если грядет война, я хочу знать, на кого и в чем мы сможем положиться. И хочу тебе напомнить, Федя, твоя жена и дочь — альвы, а их крести не крести, все равно в глазах правоверных они нехристи. Да и не люди, возможно.

— Вот черт! — Федор даже с лица спал. — Об этом-то я как-то не подумал. В прошлую большую войну европейским эльфам и оборотням досталось по первое число!

— Решено, — сказал он через мгновение, успев, по-видимому, все хорошенько обдумать. — С отцом будем говорить все вместе, а весной, как бы что ни сложилось... Ну, скажем, в апреле или в начале мая Катю и детей переброшу к вам.

— Они — родня, — пожал плечами Бармин. — Будут, если что, вместе с Дареной. Распишем для них полный протокол. Охрана, пути отхода, эвакуация. Я уже приказал на всякий случай приводить в порядок наш дом в Новом Пскове и крепость Скудер[8]. В Скудере нам сам черт не страшен, как у вас говорят. Там вокруг одни язычники живут, и колония сильная, с промышленностью, сельским хозяйством и собственными войсками.

— Думаешь, до такого дойдет? — еще больше помрачнел Федор, хотя, казалось бы, куда

дальше?

— Не знаю, Федор, — поморщился Бармин, которому не хотелось говорить такое вслух, но и не сказать не мог. — Но, если мы отступим, за собой оставим только руины. Пусть живут под австрияками, если с нами не захотели...

Наверное, не стоило так говорить, потому что на каждого говнюка приходится, как минимум, трое вменяемых. Просто отморозки всегда громкие и деятельные, а нормальные люди... В прошлой его жизни, таких называли молчаливым большинством. Наверное, чтобы не оскорбить, назвав баранами. Но по факту, эти люди ни в чем не виноваты, и молчание их — это признание своего бессилия. Вот, скажем, жил Бармин когда-то в СССР. Все знали, что строй так себе, но возмущались только шепотом и между своих. Потому что те пару сотен, кто выступал, ничего, как ни старались, не изменили, но зато присели надолго. Это только потом, — после развала, — диссиденты утверждали, что это они героически побороли Советскую власть. Но, на самом деле, их заслуга в этом была настолько мизерна, что попросту стремилась к нулю. Страну погубили те, кто был у власти, а не те, кто молчал. Но молчание, которое им потом ставили в вину, оно же не на пустом месте возникает. Когда ты бессилен, остается только молчать. В Америке, к слову, тоже пришлось заткнуться, потому что свобода слова несомненно существует, но вот вылететь с работы никому не хочется. Ну или лишится гранта. Или еще что. Приехав в США, Игорь Викентиевич это не сразу понял, но вскоре стал свидетелем пары-другой инцидентов и быстро смекнул, что придется заткнуться и здесь. В университетских кругах, как выяснилось, нельзя хвалить республиканцев, положительно отзываться об Израиле и сомневаться, что венчание однополых пары в церкви — это правильный поступок. Одного из тех, с кем работал Бармин, легко и быстро задвинули в дальний угол, когда выяснилось, что он агитирует за Буша и восхищается Рейганом. Впрочем, не уволили, но кислород перекрыли. Другому досталось за то, что он бедолага, будучи евреем, активно поддерживал Израиль. Ему обструкцию устроили студенты, а руководство университета предпочло отмалчиваться. Ну а третью действительно уволили. Биолог, она посмела сказать, что с биологической точки зрения, есть только два гендера: мужской и женский, а с остальным — к психологам, ну или к психиатрам. Бармин был с нею согласен, — при всем уважении к гомосексуалистам, как к людям, имеющим собственные права, — он не понимал, зачем им венчаться в церкви, если в священном писании их предпочтения считаются грехом? Или зачем трансгендерам, половина которых попросту сумасшедшие, оспаривать постулаты биологии. Получалось, что считать себя чайником или Наполеоном — это болезнь, а утверждать, что «ты» «они» — норма. И все-таки он промолчал, потому что его еще в Союзе научили не высовываться. Так, собственно, и возникает молчаливое большинство.

И сейчас, если подумать, происходит то же самое: *народ безмолвствует*, но лучше ему от этого не станет. Паны дерутся, а у холопов чубы трещат. Так что, жалко их было, этих *безмолвствующих*, но делать-то что? Ведь, если не удастся устоять под напором противника, придется бежать, и оставляя в этом случае врагу свои замки и заводы не выглядит правильным. Однако, они-то, то есть, Бармин и другие *паны*, может быть, и отобьются. Отобьются и уйдут на другой материк, оставив за собой выжженную землю, но на руинах-то останется жить как раз то самое молчаливое большинство, которое ничего не решает, но зато страдает и от своих, и от чужих.

[1] Глаза, меняющие цвет радужной оболочки, называются хамелеонами. Глаза-хамелеоны изменяют свой цвет под влиянием внешних и внутренних факторов. В первом

случае речь идет об изменении уровня освещения, влияют также погодные условия, цвет волос, одежды, окружающих предметов. Однако в большинстве случаев изменение цвета глаз объясняется особенностями работы двух систем — эндокринной и центральной нервной.

[2] Арвен Ундомиэль — персонаж эпоса «Властелин колец» Джона Р. Р. Толкина, дочь Элронда и Келебриан, сестра Элладана и Элрохира, внучка Галадриэль и Келеборна.

[3] Куверт — термин, обозначающий полный набор предметов для одного человека на накрытом столе. В куверт входят столовые приборы (ножи, ложки, вилки), тарелки, бокалы, салфетка.

[4] Кёж — горячий ягодный кисель. Козуля — расписной архангельский пряник.

[5] Воложи — ягодно-винные соусы, которые могут быть морошковыми, брусничными, шиповниковыми, смородинными и даже лимонными.

[6] Географический остров Манхэттен.

[7] Что-нибудь, вроде, МИ-24.

[8] Северная оконечность острова Пили. Пили — крупнейший остров Канады в озере Эри; самая южная населённая точка Канады.

Глава 8(2)

2. Шестое февраля 1984 года

Бармин проснулся задолго до рассвета. Впрочем, сейчас в их широтах рассветало едва ли не в полдевятого, так что все, кто привык вставать в пять или даже в шесть утра, по факту, просыпались задолго до восхода солнца. И Бармин в этом смысле не исключение, но он и спать-то ложился поздно. Вернее, не столько ложился, сколько официально *отходил ко сну*. На самом же деле, о каком сне может идти речь, когда ты молод, физически крепок и полон полового энтузиазма, а в постели, в душе или на медвежьей шкуре, брошенной у разожженного камина, тебя ожидает молодая обнаженная женщина. Или не ожидает, а сама к тебе приходит, скажем, в кабинет или гардеробную, где ты толь-только начал вылезать из делового костюма и всего прочего к нему причитающегося. Тут многое зависит от темперамента женщины, ее воображения, опыта и желания угодить «своему мужу и господину». Ульрика в этом смысле была несколько излишне техничной, — компенсируя недостатки темперамента и воображения опытом и энтузиазмом в достижении цели, а цель эта была проста: продемонстрировать супругу лояльность и вызвать к себе добрые чувства со стороны Ингвара. Вот и старалась, но, видят боги, ее усилия не пропали в туне. Бармин их оценил по достоинству, как, впрочем, и ее особую мотивацию, и не уставал вознаграждать женщину за хорошее поведение всеми доступными ему способами. В том числе, и зачетным сексом.

Вчера начали где-то ближе к полуночи прямо в его кабинете, затем почтили своим присутствием ванну, ковер и стол в гостиной и медвежью шкуру в спальне, но, в конце концов, добрались-таки до кровати, где Ульрика-Катерина благополучно отключилась. Заснула прямо под Ингваром, чего с ней прежде ни разу не случалось, но в защиту шведской кронпринцессы следует сказать, что общение с новыми родственниками вылилось в откровенную пьянку, а позже, — в перерывах между нежностью и страстью, — они с Барминым положение лишь усугубили. Игорю Викентиевичу, — с его-то организмом, — хоть бы хны, а его первую жену проняло не по-детски. Так что, сначала ее потянуло на подвиги, — и геройствовала она, надо отдать должное, просто феерически, — но затем ее все-таки сморило. Вот она, в результате, и вырубилась. Ингвар на это ничуть не обиделся, хмыкнул про себя что-то вроде «*укатали сивку крутые горки*», и, скатившись с «задремавшей» партнерши, сразу же заснул. Было два часа ночи с копейками. Поздно, но не смертельно, и в пять утра он снова был на ногах. Натянул трусы и, не обуваясь, отправился на пробежку.

Было холодно, — особенно босым ногам, — но заранее проложенная слугами тропа вела вперед, и Бармин бежал, постепенно погружаясь в подобие *путевого транса*[1]. В таком состоянии хорошо думалось. Причем получалось не просто анализировать те или иные события или планировать свои действия в предложенных обстоятельствах, но и обнаруживать неожиданные ассоциации, новое в известном и целое за частным, то есть, говорится, лес за деревьями. И сегодняшний бег ничем в этом смысле не отличался от любого другого случая, когда получалось погружаться в транс. Собственно, состояние от раза к разу не меняется. Изменяются только объекты рассмотрения: вопросы, проблемы, недоумения. А это, в свою очередь, чаще всего связано со *злобою дня*. Вот, что *довлеет*[2], то

и попадает «под раздачу». Так что, не было ничего удивительного в том, что Бармин вновь задумался о князе Нетшине. Однако на этот раз мысль Ингвара пошла дальше и глубже, перетряхнув в поисках зацепок его собственную память и выдав на-гора совершенно новую для него идею. Не оригинальную и, вроде бы, не бог весть какую сложную, но напрочь проигнорированную им самим и всеми его собеседниками.

Первым делом, зацепившись за образ Артемия Нетшина, каким он предстал в свежем досье, собранном на него службой безопасности, Бармин вытащил из глубин своей памяти несколько мельком виденных им фотографий из альбома своей бабки — княгини Кемской. Как минимум, на двух из этих фотографий были изображены трое молодых мужчин: князя Северский и Нетшин и граф Сигурд Менгден. Эти трое, если исходить из места действия, композиции и выражения их лиц, были достаточно близкими друзьями. Но этот факт подтверждался и сухими строчками из краткой справки, составленной людьми майора Злобиной. Получалось, что Нетшин, Северский и Менгден дружили, во всяком случае, до тех пор, пока не разразилась трагедия. А вот теперь кое-что о дружбе. Сигурд Менгден был любовником княгини Северской, о чем ее муж, к слову сказать, знал и, возможно, даже поощрял эти отношения. Причина проста: его жене нужен был секс, а ему дети, но сам он ни того, ни другого обеспечить не мог, потому что является лицом *нетрадиционной сексуальной ориентации*, причем в самой ее, этой ориентации, экстремистской форме. А что же Нетшин? Каким боком он в этой истории? Впрочем, если подумать, то возникает подозрение: а не был ли Артемий Нетшин любовником Дмитрия Северского? Гипотеза, не лишенная смысла, поскольку Артемий единственный среди множества аристократов его возраста не женат, и, кажется, никогда женат не был. Правда, у него есть дочь. Возможно, узаконенный бастард... Вот только никто не может сказать, родная ли она ему.

Быть гомиком или лесбой в обществе, где каждый одаренный на вес золота — это чистой воды расточительство. Поэтому Великороссской империи точно так же, как и во всех иных странах гомосексуализм не приветствовался исключительно из прагматических соображений. Это не отменяет, разумеется, того факта, что кое-где к чисто утилитарным резонам добавлялись религиозные. В этом смысле, язычникам было проще, чем христианам и прочим монотеистам. Языческие боги не запрещали иметь все, что движется, тем способом, который вам нравится. Но магия, Дар и сила рода диктовали совсем иные решения. Бастарды ничем не хуже рожденных в браке, но, если детей нет не потому что дала сбой репродуктивная функция, а вследствие половых предпочтений, общество не знает пощады. Поэтому среди одаренных абсолютное большинство мужчин женаты и обычно сразу на нескольких женщинах. И, разумеется, все женщины замужем, даже если по какому-то невероятному стечению обстоятельств, скажем мягко, не блещут красотой.

Однако природу не обманешь, и не надо быть семи пядей во лбу, чтобы догадаться: гомосексуалисты были, есть и будут, несмотря ни на что. Они существуют, ибо такова объективная реальность, но в сложившихся обстоятельствах вынуждены маскироваться. У князя Северского жена и трое детей, у князя Нетшина — дочь, а то, что он не женат... Ходили слухи, что это все вследствие драмы, которую Артемий пережил в юности. А так что ж, у него имелась парадно-выходная любовница, с которой он не стеснялся выходить в свет, тем более, что сама баронесса Никс являлась вдовой и счастливой матерью двух чудных крошек. Тем не менее, разведчики Менгденов выяснили, что у Нетшина есть так же юный любовник, и именно с ним, а не с баронессой, князь проводит свои ночи. Так что, если посмотреть на историю взаимоотношений трех мужчин — Нетшина, Северского и

Менгдена, — складывается впечатление, что, являясь любовником князя Северского Артемий Нетшин знал и то, кем приходится Сигурд Менгден детям Великого князя, а, возможно, и то, что Менгдены вовлечены в заговор против короны. Тогда становится понятным требование прадеда отомстить, — у Нетшина была возможность предать Менгдена, — и то, как изменилось отношение Андрея Романовича к своему интимному другу. Значит, знал о предательстве и, может быть, знал так же какими мотивами руководствовался сука Нетшин. Ведь было же там что-то, не могло не быть. Не просто же так заложил он человека, столь тесно связанного с его собственным любовником. Политика? Возможно. Карьерные или финансовые соображения? Вполне может быть. Религиозная нетерпимость? Зависть? Еще что-нибудь, до чего Бармин пока не додумался? И это тоже выглядит убедительно. В общем, мотив пока неизвестен, но вот то, что охлаждение между Северским и Нетшиным произошло как раз тогда, когда был раскрыт заговор против короны, это факт. Понятно так же почему, несмотря ни на что, Артемий Нетшин не выпал из обоймы. Если он дружит со старшим братом Андрея Северского, то из дома его не прогонишь, и осведомленность его в тех или иных вопросах не ограничишь. Вот он и крутится вблизи трона, а там много чего можно узнать. Случайно или намеренно, но утечки неизбежны: ведь в окружении императора никому рот не заткнешь...

Бармин бежал и думал, — исследовал факты и пытался построить на их основе непротиворечивую картину имевших место событий, — но, даже находясь в «беговом транс», краем сознания он продолжал отслеживать все, что происходит вокруг. Оттого и не пропустил момент, когда на третьем километре к нему присоединилась Мария. Пристроилась в кильватере и, молча, побежала вслед за ним. Впрочем, вдвоем они оставались совсем недолго. Уже на следующем круге за спиной Марии появилась Ольга, а еще через четверть часа к цепочке бегущих присоединилась Елена. В последнее время, женщины Бармина самым серьезным образом занялись своим здоровьем и физической подготовкой. Боевой, к слову, тоже. Просто эти трое готовы были, что называется, горы свернуть, а вот Варвара и Ульрика занимались самосовершенствованием без фанатизма: от сих и до сих, не больше, но и не меньше. Ровно столько, сколько надо. А Дарене, учитывая ее слабую подготовку, Бармин и сам запретил усердствовать без меры. Тише едешь, как говорится, дальше будешь.

До завтрака успели побегать, — Бармин пробежал десять километров, женщины — несколько меньше, — и в тренажерном зале не по-детски вспотели, и даже провести пару-другую спаррингов в варианте «трое на одного» получилось. Спарринги, к слову сказать, закончились со счетом 2:1 в пользу женщин. Наловчились фемины не наваливаться толпой, а действовать слаженно и не без тактической изюминки, а заводилой у них, — дирижером и диспетчером, — выступала, чего, в сущности, и следовало ожидать, княгиня Полоцкая. Азартный, к слову сказать, боец, техничный, грамотный и опасный. Ей бы добавить чуток хладнокровия и убавить гусарской лихости, вышло бы и вовсе 3:0.

— Я бы на тебе, Инг, еще полежала, — вздохнула она с сожалением, завалив Бармина в очередной и, по-видимому, не в последний раз, — но перед девочками неудобно, да и воняет от нас, — наморщила она нос, — как от козлов.

— Козел тут один, — хмыкнул в ответ Ингвар, — и это я. А ты, свет мой, коза, и этим все сказано.

— Обидеть хочешь? — притворно нахмурилась женщина и оглянулась на подруг, ожидая, по-видимому, от них моральной поддержки.

Но «народ безмолвствовал», не без удовольствия наблюдая за со вкусом разыгранной мизансценой. Женщины молчали. Даже отошли чуток в сторону, и на губах у них играли улыбки разной степени саркастичности.

— Любя, — улыбнулся Бармин. — А теперь, кроме шуток. Я тут подумал, плохая идея говорить с твоим отцом всем скопом. Езжайте-ка вы с Федором вдвоем, и поговорите с ним, как взрослые дети с любимым отцом.

— Вопросы в лоб задавать можно? — переходя на деловой тон, поинтересовалась Мария.

— Можно, — ответил Ингвар, поднимаясь с пола, но не выпустив при этом женщину из объятий. — Даже нужно. Спросите его прямо: что он знает и на чьей будет стороне? Что ему важнее, страна или «принципы и убеждения»? Что-то же он вам скажет, а хуже, в любом случае, уже не будет. Не арестует же он вас, в самом деле!

— А если все-таки арестует? — Не то, чтобы боится. Вовсе нет. Просто интересуется. И в этом она вся — Мария Полоцкая во всей своей красе.

— Поменяю вас на императора, — прямой ответ на столь же прямой вопрос, да еще и при свидетелях.

— То есть? — не поняла Мария, явно не ожидавшая от своего мужа ничего подобного.

— Ну, ты же не ребенок, — пожал он плечами. — Можешь себе представить. Я во дворце пару раз бывал, значит, войду без проблем. Там вся защита настроена на порталы... Дальше излагать?

Он, и в самом деле, решил не страдать фигней, и, если так ляжет карта, не миндальничать и не играть в благородство, а начать первым. Войти во дворец — не проблема. Вдвоем с Ульрикой они быстро вырежут всю охрану, возьмут императора и уйдут с ним к себе в Усть-Углу. Вопрос мог возникнуть с одной лишь Ульрикой, — согласится ли? — но что-то подсказывало Ингвару, что больше она ему никогда ни в чем не откажет. Уверенность эта зиждилась на позиции сразу двух богинь, спорить с которыми Ульрике никак не с руки. Так что, в случае войны, пойдет с ним, никуда не денется.

— Ох, Менгден! — покачала головой Мария, — еще немного и начнешь вить из меня веревки.

— Прямо-таки!

— Или около того, — улыбнулась женщина. — Только не пори горячку, Инг. Ты у нас конечно мужчина хладнокровный, нордически выдержанный, но я заметила, что иногда тебя заносит. Так вот не надо торопиться. Если что, сначала разберись, задай вопросы, выслушай ответы, и только если не будет другого выхода, руби по живому. И вы, подруги, проследите, чтобы *наш муж и господин* не наделал сгоряча глупостей.

— Умная ты, Маша, — поставил Бармин Марию на ноги. — Просто страсть. И это я не шучу, говорю на полном серьезе. Умная! Вы все тоже не дуры, — улыбнулся, взглянув на Елену и Ольгу, — но по-разному. И это хорошо. В разнообразии наша сила.

— А сейчас, — добавил не без сожаления, — Нам всем пора привести себя в порядок и идти на завтрак. Не хотелось бы опаздывать, да и день впереди длинный, дел столько, что мне уже страшно!

Это он, разумеется, пошутил. Как ни странно, страшно ему не было. Вообще, с этим делом получалось достаточно интересно: со времени превращения в Ингвара Менгдена

Игорь Викентиевич изменился не только внешне, но и внутренне, имея в виду стиль мышления и всю эмоционально-волевою сферу. То есть, тело-то изменилось сразу и бесповоротно, поскольку местный парнишка ничем не напоминал прежнего «старика» Бармина. Ни возрастом, ни комплекцией, ни чертами лица, не говоря уже о цвете глаз и волос. А вот психика в то время оставалась у него все еще, по большей части, прежней. Однако время и опыт жизни в *этом чудном новом мире* довольно быстро избавили его от большинства возрастных и профессиональных комплексов также, как и от множества вредных привычек, сформировавшихся там и тогда, где и когда он был Игорем Барминым. Интеллигентские рефлексии, глупые и, по большей части, беспричинные страхи и беспочвенные опасения, разного рода сожаления о том и об этом, стеснительность по поводу и без, все это сначала умалилось, а потом и вовсе исчезло, перестав мешать жить, работать и воевать, и конечно же наслаждаться жизнью. И вот, что любопытно, страх, как чувство, исчез практически полностью. Это не значит, что Бармин превратился в бесчувственного голема, отнюдь нет. Напротив, сейчас, как никогда прежде, он отчетливо видел опасности и осложнения, которыми чреватые те или иные его действия, как, впрочем, и поползновения его заклятых друзей и непримиримых врагов. Видел, предполагал, искал способы противодействия и защиты, но вот бояться перестал. Страх ушел. Так что, если не лгать самому себе, — чего он давно уже не делал, — у Бармина изменилась не только внешность. Кардинально изменились также его психотип и темперамент. А внешность, к слову сказать, тоже не оставалась неизменной. Она менялась, поскольку переход случился в тело юноши, а парни в этом возрасте продолжают расти и изменяться физически, в особенности, если ведут активный образ жизни, занимаются спортом и хорошо питаются. За время, прошедшее после возвращения на Большую землю, Ингвар Менгден еще подросток, достигнув невероятных для Бармина 197 сантиметров. При этом он был не только высок, но и крепок телом. Широкоплеч, мускулист и пропорционально сложен. Сто десять килограммов костей и мышц без капли жира там, где его не должно быть. Жить с таким телом было гораздо проще, не говоря уже о том, что при виде Ингвара многие женщины моментально начинали исходить любовным соком и слюной даже при том, что видели его одетым. Что уж говорить о тех счастливицах, кому довелось видеть его голым.

Одним из развлечений, придуманных его женщинами еще при первом коллективном посещении бани, стали обсуждения их и его внешности. Фемины мерялись размерами и формой сисек, шириной и крутизной бедер, длинной ног и прочим всем, включая такие детали, упоминание которых в приличном обществе считалось не просто моветоном, но чем-то гораздо более предосудительным. Но точно так же, как они не стеснялись обсуждать себя любимых, они довольно-таки откровенно исследовали красоту своего мужчины. Даже личные предпочтения озвучивались типа того, что кому-то из них больше нравилась его задница и икры ног, а кому-то кубики на животе — восемь штук — и крепкие запястья. А вот скромница Дарена, пыхтя и краснея призналась, что влюблена в «*маршальский жезл*» их общего мужа и любовника. Ну, что тут сказать, объективно говоря, член у Бармина был действительно зачетный, но являлся ли он самой выдающейся чертой его внешности, это еще вопрос. Во всяком случае, Бармин полагал, что это не так, но женщины, похоже, думали иначе. И кто он такой, чтобы им возражать?

Выйдя из-под душа, Бармин ненадолго остановился перед зеркалом и посмотрел на себя, как бы, со стороны. Что тут скажешь, из зазеркалья на Ингвара смотрел великолепный экземпляр альфа-самца или, как говорили герои какой-то дрянной местной книжки, самца-

нагибатора.

«Самец-нагибатор — звучит гордо!» — усмехнулся Ингвар и, взяв полотенце, принялся вытираться.

[1] Транс — ряд изменённых состояний сознания, а также функциональное состояние психики, связывающее и опосредующее сознательное и бессознательное психическое функционирование человека, в котором, согласно некоторым когнитивистски-ориентированным трактовкам, изменяется степень сознательного участия в обработке информации. Транс отличается от обычного состояния сознания направленностью внимания — при нём у человека образуется внутренний фокус внимания (то есть внимание направлено на образы, воспоминания, ощущения, грёзы, фантазии и т. д.), а не внешний, как при обычном состоянии сознания.

[2] От фразы *«Всякому времени довлеет злоба его»*.

Глава 9(1)

1. Шестое февраля 1984 года

Федор и Екатерина Северские-Бабичевы прилетели в Усть-Углу с детьми, В принципе, — то есть, исходя из заранее составленных планов на этот день, — Бармина ожидали сегодня исключительно рутинные дела. Но, не зря говорится, что человек предполагает, а боги располагают, и все, чему суждено случится, происходит, как минимум отчасти, по их воле. И, что любопытно, возмутителями спокойствия оказались две самых не похожих одна на другую женщины: его первая и пятая жены, от которых он, честно говоря, ничего экстраординарного никак не ожидал. Во всяком случае, сейчас, когда все с ними было понятно, а значит, нормально. Тем не менее, получалось, что на этот раз он ошибся в своих прогнозах.

Первой заявила о себе Дарена. Она пришла к нему в кабинет сразу после завтрака, проявив при этом недюжинную уверенность в себе и волю в достижении поставленной цели. Задав на корню сопротивление его личного секретаря, юная супруга оторвала Бармина от дел, — он как раз изучал очередной финансовый отчет, — и потребовала, чтобы он *«не отмахивался от нее, а поговорил, как со взрослой»*. Ингвар внутренне поморщился, но решил не обижать ребенка и предложил ей сесть в кресло, поставленное перед его рабочим столом.

— Я весь внимание! — сказал он, приглашая женщину озвучить претензии или что там еще могло у нее накопиться. Однако реальность превзошла все его ожидания.

— Я пришла сообщить тебе, что где-то через восемь месяцев ты станешь отцом, — сообщила Дарена ровным, невероятно спокойным голосом.

— То есть, ты беременна? — переформулировал Бармин полученное сообщение.

Вообще-то, вопрос деторождения в их семье ни разу пока не обсуждался. Ни келейно, — тет-а-тет между ним и кем-то из его жен, — ни в общественном пространстве. Единственным исключением, в этом смысле, являлась Ульрика Катерина, которая ради будущего ребенка, собственно, и вышла замуж за Ингвара Менгдена. Но даже с ней, Бармин этот вопрос ни разу после свадьбы не обсуждал. По принципу, природу не обманешь, и, если ей не мешать, то все случится, как случится, то есть, естественным порядком. Что же касается остальных его жен, то по умолчанию это являлось в данный момент прерогативой самих женщин, и он считал себя не в праве указывать, предохраняться им или нет. Хотят рожать, Лофн[1] им в помощь, а не хотят, так не ему их к этому принуждать. Молодые пока, могут еще погулять. И Дарена в этом смысле казалась ему первой, кто захочет оттянуться не по-детски, тем более, теперь, когда все у них с Ингваром, слава богам, наладилось, и она ощутила вкус настоящей жизни. Однако, похоже, этот прогноз не оправдался, потому что беременность одаренной аристократки случайной не может быть по определению. Нет, потому что не может быть никогда. Ну, если конечно девушка не полная дура. Но Дарена при всех своих недостатках настолько дурной явно не была.

— Ты прав, — между тем ответила на уточнение Ингвара женщина, — я беременна.

— В смысле, случайный залет? — решил он все-таки прояснить ситуацию.

— Я что похожа на дуру? — обиделась Дарена, которая чем дальше, тем быстрее превращалась в правильную женщину. Все-таки ее нынешний статус, война, в которой ей пришлось поучаствовать, но, более всего, общение с остальными женами Ингвара Менгдена

делали свое дело. Она выросла, избавляясь от тлетворного влияния «маменьки» и развивалась, получив наконец доступ к литературе и кинематографу со взрослым контентом. Язычество в этой связи оказалось для нее гораздо более удобной для развития формой существования, чем религиозное кликушество, в котором воспитывала ее родная мать. Ну, и свобода, разумеется. Свобода быть той, кем хочется быть, а не той, какой тебя хотят видеть другие.

— То есть, ты специально не предохранялась? — задал Бармин прямой вопрос.

— Я хочу ребенка! — Не без вызова заявила Дарена.

— Ничего не имею против, — успокоил ее Ингвар. — Напротив, мой друг, я счастлив. Уверен другие члены нашей семьи будут рады за тебя, за меня, да и за себя тоже. Ребенок — это прекрасно!

— Я тоже так думаю, — кивнула Дарена. — Но моя беременность в нынешней ситуации может оказаться непозволительной роскошью. У нас на носу война, а я даже помочь не смогу, с пузом-то!

Если честно, Бармин был удивлен. Он никак не ожидал услышать от своей младшей и, как он привык думать, недалекой жены такую речь. Ни по форме, ни по содержанию.

— У нас есть кому воевать! — успокоил он ее. — А вот рожать кроме тебя сейчас некому. Так что не волнуйся. Все в порядке.

— Я понимаю, — как ни странно, Дарена оставалась непоколебимо спокойной. Наверное, долго готовилась к этому разговору и точно знала, что и как скажет своему мужу. — Но пока я все еще в форме. И я хочу участвовать в подготовке к войне. Дай мне дело, Ингвар! Поверь, я справлюсь!

«Что же я могу тебе поручить? — задумался Бармин. — Ведь что-то же я тебе должен дать!»

Он уже понял, что отпускать Дарену с пустыми руками нельзя, но, учитывая уровень ее компетенции, дело, которое он мог бы ей поручить, должно быть достаточно простым и не требующим сколько-нибудь значительного числа самостоятельных решений. Что-нибудь представительское, где-нибудь, где именно Дарена будет на месте. И, что любопытно, он ей такое поручение нашел.

— Какие у тебя отношения с новоархангельской родней? — спросил Бармин.

— Хорошие, — удивленно ответила женщина, а между тем, на Юго-Восточной Аляске, — частью на побережье, в Якуте и в Славороссии, а частью на островах архипелага Баранова, — жили два переселившиеся в колонии родственников княжеских рода Палецких и Стародубских. Мать Дарены приходилась дочерью Ивану Никифоровичу — младшему брату князя Стародубского и одновременно являлась внучкой Бориса Михайловича — князя Палецкого. Родня эта была, большей частью, православной, но поскольку они уже очень давно жили бок о бок с местными племенами, язычество на том берегу океана бранным словом отнюдь не являлось. В общем, вменяемые люди, да и с Глинскими в родстве не только через Ефросинью Ивановну — младшую жену Нестора, но и через несколько других женщин, взятых в жены мужчинами многочисленного клана Глинских и родственников ему родов.

— Это удачно, что отношения хорошие, — кивнул Бармин. — Полетишь к родичам. Пообщаешься, передашь от меня письма и подарки, обновишь семейные связи, завяжешь новые, дружеские и деловые. Задача не из простых. Дипломатия, сама понимаешь. Но я пошлю с тобой опытного человека — Веру Менгден. Она племянница барона фон Лагна, то

есть, наша Менгденовская родня, но главное, она специалист по связям с общественностью.

О том, что ко всему прочему Вера Константиновна старший офицер их клановой контрразведки, он, разумеется, умолчал. Для Дарены эта информация необязательна и даже избыточна, но Вера ей действительно поможет и советом, и делом. Да и прикроет, если понадобится, так как охрану своей жены он переподчинит тоже ей.

— Далее, — продолжил он между тем не запланированный инструктаж. — В твою задачу будет входить на вербовать в тамошних землях, на Аляске и во франкской колонии Ванкувер наемников. Человек восемьсот. Батальон. И вооружить их местным же оружием. Деньги я тебе дам и пошлю с тобой пару военных, которые разбираются в технических вопросах.

Наемников на севере Американского континента всегда было много, а, если вербовать их в землях, принадлежащих родственным кланам, то и того лучше. Что же касается оружия, то дела там обстояли следующим образом. В Лисянске и Чичагове, в Новоархангельске Новой Руссе и в Зайковском остроге на острове Кадьяк, не говоря уже о городах континентальной Аляски, имелась довольно-таки развитая, — по колониальным масштабам, разумеется, — промышленность. Среди прочего, производили там стрелковое оружие, носимые зенитные и противотанковые комплексы, устаревшие транспортно-боевые вертолеты, гидросамолеты и конвертопланы-амфибии и очень даже современные плавающие бронетранспортеры, легкие танки и 122 мм самоходные пушки-гаубицы. Да и вообще, если поискать по складам, в тех краях можно было найти много всего интересного, поскольку война в колониях не прекращалась практически никогда. А где война, там и оружие. И наемники, конечно же, тем более, что последние год-два на севере континента наблюдалось определенное затишье, и многие из *диких гусей* остались без «любимого» дела.

Все это Бармин объяснил своей юной жене буквально на пальцах, — все-таки это не ее зона интересов, — и Дарена его не только поняла, но откровенно обрадовалась, получив столь серьезное задание. Во всяком случае, Ингвар наблюдал у нее нешуточный энтузиазм.

— Матери не говори, — предупредил, заканчивая разговор. — Ни к чему. Захочет поехать с тобой, будет не отказать. А дело я тебе поручаю деликатное. Лишние глаза и уши нам там не нужны, а в окружении твоей матери, сама знаешь, полно случайных людей. Нестор Изяславович не зря ее к своим делам не подпускает...

Вот такой разговор, такая история, и такие странные перспективы.

Разговор с Ульрикой Катериной оказался непростым, но Ингвар иного и не ожидал. Дело в том, что, с одной стороны, они наконец поладили, в том смысле, что кронпринцесса приняла предложенные ей правила игры и довольно успешно справлялась с ролью преданной и любящей жены. Во всяком случае, конфликтов ни по какому поводу между ними больше не случалось, да и в постели все обстояло более, чем хорошо. Однако, имелось, к сожалению, и некое «с другой стороны». В последнее время в их отношениях возникла новая проблема, которая пока еще не носила личного характера, но могла очень быстро таковой стать. Суть проблемы сводилась к информации, полученной Ингваром от барона фон Дента, и в той активности, которую Бармин развил в этой связи. Поскольку король Швеции Карл Август Ваза не мог не знать, что в Европе затевается большая война, — что-то же его разведка должна была накапать, — его молчание выглядело более чем подозрительным. Почему он ничего не сообщил Бармину? Ну пусть не прямым текстом, но

уж намеком-то всяко-разно мог поделиться. Но нет, родственник не торопился открывать свои карты, а Менгдену шестерить перед братом жены было не за чем. Сделай Карл Август хоть один, пусть даже самый маленький, шаг навстречу, Ингвар ответил бы ему взаимностью в полной мере. Однако этого не случилось, и по каналу секретной связи приходили пока одни лишь банальности и малозначимые подробности. Ничего такого, о чем стоило бы говорить. И, учитывая, этот факт, Ингвар ничего об Антоне Роре фон Дента Ульрике Катерине не рассказал. И о цели своих поездок по Северо-Западу говорил лишь, что налаживает связи со своими кланниками, подданными и соседями. Однако герцогиня Сконе была умной и опытной женщиной. Не девочка и уж точно, что не дурочка, поняла небось, что есть нечто, о чем знают графиня Менгден и ее муж Петр Глинский-Севрюк, а также, — что крайне подозрительно, если не сказать обидно, — все остальные жены Ингвара, но о чем не знает она. Так что это было лишь вопросом времени, когда она задаст свой вопрос. И вот время пришло.

— Скажи, Ингвар, что происходит? — задала она вопрос, воспользовавшись для этого нормом, так как по-русски говорила все еще недостаточно хорошо, а в таком разговоре, как этот, важны самые тонкие нюансы.

— Что ты имеешь в виду? — В принципе, он догадывался, о чем пойдет речь, но все-таки считал, что прежде, чем начинать серьезный разговор, всегда стоит выяснить, правильно ли ты понял собеседника.

— Есть нечто, о чем знают все, даже Дарена, но о чем не знаю я.

— Так и есть, — кивнул Бармин. — Есть некая важная информация, которая требует к себе самого серьезного отношения, но с тобой я этой информацией не поделился.

— Почему? — спросила Ульрика Катерина, но тут же сообразила сама:

— Хотя постой! Это из-за Карла Августа?

— Ты весьма проницательна.

— Есть что-то, что он должен был тебе сообщить, но не сообщил?

Все-таки она была чрезвычайно умна, да и в политике поднаторела.

— Он король, — возразил Ингвар, — и ничего не должен одному из князей соседнего государства.

— Возможно, — согласилась герцогиня, — но ты не просто князь. А я не просто твоя жена, я еще и кронпринцесса Шведского королевства.

— Что ж, ты все верно поняла, — кивнул Бармин. — Если честно, я ждал от твоего брата, что он станет воспринимать меня в качестве союзника. Но, по-видимому, ошибся. И теперь все упирается в вопросы доверия. Кому принадлежит твоя преданность, Рикке?

— Ты мой муж, — ответила Ульрика Катерина. — Моя верность принадлежит тебе.

— Но ты лояльна своей родине и своему брату-королю?

— Разумеется. А как иначе?

— Вот в этом и заключается вопрос, — чуть поморщился Ингвар, которому этот разговор был по-настоящему неприятен. — Но изволь. Ты моя жена и ты в своем праве. Посмотрим, куда это нас приведет...

— Все так плохо? — нахмурилась женщина.

— Как посмотреть, — пожал Бармин плечами. — Дело идет к мировой войне. Я получил достоверную информацию, что между Австрийской империей и Данией заключен союз против нас и против вас, а, чтобы мы не смогли отбиться, на войну подписан Халифат. Однако это всего лишь внешний контур событий. Политический, в котором речь идет о

государствах. Вторым, скрытым планом идет конфликт христиан с язычниками, а третьим — конфликт европейских конфессий с православными. То есть на повестке дня еще и серьезный внутренний конфликт, как в Великорусской империи, так и в Швеции. Сиречь, кое-кого подзуживают начать гражданскую войну.

— Когда ты об этом узнал? — голос женщины дрогнул.

— Чуть больше месяца назад...

— Карл Август не мог не знать, что что-то происходит...

— Ты права, — согласился Бармин с ее трактовкой вопроса. — Допустим, такой концентрированной информацией, какой, по случаю, владею я, твой брат не получил. Но я не верю, что он совсем ничего не знает. Почему же он нас не предупредил? Не знает? Если так, шведская разведка мышей не ловит, ведь по вражескому плану, Швеция тоже окажется под ударом. И снаружи, и изнутри. Датчане атакуют ее в первой волне, а христиане, скорее всего, воспользуются случаем и попробуют свергнуть языческую династию. Но, может быть, он все знает и уже давно готовится к отражению атаки, — ведь на что-то такое он намекал перед нашей свадьбой, — но решил придержать информацию? Тогда возникнет вопрос о доверии. Союзники себя так не ведут, и значит я имею право знать: верность к кому для тебя важнее, верность мне или брату?

— Ты сомневаешься во мне? — вопросом на вопрос ответила кронпринцесса.

— Нет, — честно признал Бармин. — Пока не сомневаюсь, но хотел бы быть уверен, что моя информация не уйдет к твоему брату. Вернее, можешь ему сообщить, что я получил неопровержимые факты подготовки к войне. Но скажи также, что это был последний раз, когда я отнесся к нему, как к союзнику. Больше односторонних подарков не будет. И это сразу же поставит тебя в крайне сложное положение. Если мы с ним не союзники, то чью сторону ты займешь в этом внутреннем конфликте?

— Вот как... — произнесла женщина раздумчиво, едва Бармин закончил говорить. — Это многое объясняет. Если я лояльна брату, ты мне доверять не можешь... Ты ждал все это время, что он с тобой свяжется?

— Да, — подтвердил Бармин. — Ждал. Давал ему возможность показать, что мы все еще союзники.

— Почему это должен доказывать он, а не ты?

— Подумай и поймешь, — снова пожал плечами Ингвар.

— Ты не глава государства, и возможностей получить такого рода информацию у тебя меньше. Он не мог ожидать от тебя то, что ты был вправе ожидать от него.

— Ты сказала.

Минуту или две они сидели молча. Даже друг на друга не смотрели, занятые своими мыслями.

— Я сегодня же вылетаю в Швецию, — нарушила наконец молчание Ульрика Катерина. — Поговорю с братом и обещаю, или он поймет, какую совершил ошибку, или я поклянусь кровью в верности Северной марке и откажусь от титула кронпринцессы.

— Это лишнее, — покачал головой Бармин. — Просто скажешь мне, на что я могу рассчитывать.

— Это я тебе и сейчас могу сказать, — покачала головой кронпринцесса. — Ты мой муж, моя лояльность принадлежит тебе. Клянусь, я не передам брату ни единого слова из того, что ты не захочешь ему сообщить. Я предана тебе, хотя и то правда, что рвать с братом, с родиной, мне не хотелось бы...

2. Восьмое февраля 1984 года

Ульрика Катерина улетела в Гетеборг седьмого февраля утром, а Дарена — на Аляску тем же днем вечером. В отличие от кронпринцессы, Дарене предстояло лететь далеко и долго, и делать это, учитывая разницу в часовых поясах, лучше в ночь. Делегацию Бармин ей укомплектовал лучшими специалистами, которые и за ней присмотрят, — в смысле, в обиду не дадут, — и грамотно подскажут, но, разумеется, только шепотом, что и как следует делать в той или иной ситуации, что говорить, кого вербовать и какой товар выбирать. Идея была проста: сформировать на Аляске батальонную тактическую группу[2], усиленную танковой ротой и дивизионом самоходных гаубиц, натренировать, имея в виду боевое слаживание, и где-нибудь в апреле перебросить в район Юрьева, расквартировав по западному берегу Псковского озера.

Вообще-то, БТГ являлось чисто Менгденовским ноу-хау. Так-то Бармин в новой жизни прогрессорством не баловался. Нечего ему было предложить этому миру, кроме, разве что, интернета, которым по его наводке занялись в Гдове несколько молодых программистов и электронщиков. А вот идея создания батальонной тактической группы возникла у него сразу после войны с Союзной ратью. Опыт столкновения с более или менее современными княжескими дружинами показывал, что оборону графства, — а теперь и всей Северной марки, — нужно крепить и готовиться при этом следует не к прошедшей войне, как обычно делают старые генералы, а сразу к будущей. Тогда-то он и вспомнил про БТГ, о которых в свое время много писали на просторах интернета в контексте каких-то там гибридных войн. Деталей он, разумеется, не помнил, — все-таки не профессиональный военный и даже не любитель, — но в целом кое-что все-таки сообразил. Так что на свет появилось нечто, — идея, план, общие соображения, — что можно было обсуждать с военными специалистами. И военные эту идею, как ни странно, одобрили, доработали, доведя ее до ума, и начали внедрять. Сейчас формировалось сразу три таких тактических группы: одна в Ижорском княжестве и две в графстве Менгден. На большее в тот момент тупо не хватало денег, но Аляска — это не старый европейский Северо-Запад. Там, как говорится, и дым пожиже, и труба пониже. Оружие, в целом, похуже, чем в богатых Европах, зато дешевле, да и наем не так дорог, как по эту сторону океана. Так что, спасибо Дарене, вовремя ей вожжа попала под хвост. Да, и вообще, сейчас Бармин склонялся к мысли, что нет худа без добра. Там на Аляске, в землях ее родичей можно задешево построить себе запасную базу. Нанять охрану из местных, да и переселить туда Дарену на поздней стадии беременности, чтобы не мешалась под ногами, когда здесь развернется военный ад. Сформировать ей небольшой штат, дать денег на обустройство, — их под такое дело можно вынуть из банка Медичи, чего он пока себе не позволял, — и пусть себе строится.

«Можно по-родственному выкупить там какой-нибудь островок, — думал он, припоминая карту архипелага Беринга[3], - и начать на нем строиться... На первый случай что-нибудь простенькое в стиле русских землепроходцев. Форт, скажем, или острог. В конце концов, на первое время можно поставить тын из бревен, а за ним разбить шатер или два, пока строится терем. Зимний охотничий шатер с двойной оболочкой. Электрогенератор с цистерной солянки, отопление, душевая кабинка, биотуалет... Насос на какой-нибудь местный ручей... А, если удастся к тому же уговорить на переселение Хатун...»

Хатун ведь тоже летом рожать. Вот пусть бы и перебралась на время подальше от военных невзгод. Женщина она крепкая, обученная, — не чета Дарене, — вполне способна

командовать базой. И ему будет спокойнее, и ее мать наверняка поймет и оценит.

«Хорошая идея!»

И несложная в воплощении, к слову сказать, но начинать нужно с малого. Пусть пока Дарена наводит мосты, а для серьезного дела он и сам за океан слетать может. Не сейчас, разумеется, а ближе к весне. А пока нужно будет наведаться вместе с Екатериной Северской-Бабичевой в Сибирь и повидаться с тамошними альвами. Они, небось, не зря его в гости звали. И это стоило обдумать. Это и многое другое, но на самом деле, — и Бармин это отлично понимал, — он пытался забить голову чем угодно, только бы не думать о войне. Воевать не хотелось. Самому страшно и людей жаль, и не понятно, в чем смысл? Кому мешает, что твой сосед верит в другого бога? Живи и не мешай жить другим. Но так, разумеется, не бывает. Люди в массе своей тупы и эгоистичны, даже самые умные из них. Но хуже всего, гаже всех прочих, — фанатики. И не важно, во что они верят. В Будду, Иегову, Христа или в построение социализма в одной отдельно взятой стране. Фанатики ужасны, и часто разница между каким-нибудь нациком и борцом за права человека не так уж очевидна, если судить по результатам.

Как-то так вышло, что, живя в США, Бармин достаточно быстро сообразил, что фанатичное, практически мессианское стремление американцев нести факел свободы по всему миру ни к чему хорошему их ни разу не привело. Ну, может быть, один раз все-таки привело, когда они сражались против Гитлера, да и то как-то они до декабря 1941 года с Гитлером уживались вполне мирно, и ничего им не мешало, ни бомбардировки Лондона, ни разгром Франции, ни раздел Польши. Но вот потом, каждый раз, как они брались бороться за свободу, кончалось это такой кровавой гекатомбой, что даже оторопь берет, и возникает вопрос, а нужно ли было вообще влезать?

Видит бог, Бармин прекрасно понимал, что ни сирийский Башар Асад, ни иракский Саддам Хусейн, ни ливийский Муамар Каддафи не заслуживают жалости и даже толики уважения. Все трое являлись злобными буратиными — диктаторами, установившими в своих странах жестокий тоталитарный режим. Желание их свергнуть, таким образом, было вполне понятно и легитимным. Вот только все трое являлись приверженцами секулярного государства и гнобили своих противников, основную массу которых составляли исламские фундаменталисты, сотнями или, в худшем случае, тысячами. А их свержение, как в случае Хусейна и Каддафи, или попытка свержения, как в случае Асада, увеличили количество жертв на порядок, а то и на два. Бармин не помнил деталей, но в Ираке погибло что-то около полутора миллионов гражданских, не говоря уже о том, что все эти пертурбации, — гражданская война и вмешательство США, — привели к такому подъему исламского религиозного фанатизма, терроризма и прочего экстремизма, что возникал все тот же сакраментальный вопрос, а *«оно нам надо»*? Надо ли было влезать в Афганистан и в первый раз, когда, борясь с русскими, создали себе и всему миру наголову Талибан, и во второй раз, когда, погубив сотни тысяч людей и истратив невероятные миллиарды долларов, ничего, кроме позора, в сущности, не добились. И так везде. В Корее, во Вьетнаме, в Йемене — везде, где пытались бороться за демократию и права человека. И к слову сказать, даже при том, что Бармин и сам тот еще оппортунист и эмигрант в придачу, он прекрасно понимал, что развал СССР и Югославии унесли слишком много жизней, чтобы гордиться эдакой победой. Пир тоже, говорят, радовался своей победе в битве при Аускуле, но запомнили его совсем по другому поводу. Однако все это, разумеется, лирика. Пустые размышления в свете того, что сейчас Бармин сам оказался в ситуации, когда подлость одних и глупость других

вот-вот реализуются в мировой войне, имеющей все признаки религиозной войны. А воевать не хотелось, от слова «совсем».

Жизнь, — та новая жизнь в новом мире и в новом теле, которую он так неожиданно-негаданно получил, — была прекрасна и удивительна. Ингвар Менгден был по-мужски красив, здоров и невероятно силен, не говоря уже о том, что являлся могучим стихийным магом. Богат, успешен, знатен и любим аж шестью невероятной красоты и статей женщинами. Ну, пусть и не любим всеми скопом. Ульрика Катерина, возможно, и даже скорее всего, его не любила, но давали-то ему все. Все и, что называется, во всех позах и во все дырки. И от такого счастья уходить на войну? Но, к сожалению, его никто не спрашивает. Не он ведь затеял эту войну. Ее планирует начать все та же треклятая немчура, которая ведрами пила кровь «унтерменшей» и в его родном мире.

Была б его воля, грохнул бы всех германцев каким-нибудь зубодробительным заклятием, наподобие ядерной бомбы. Они, и вот еще датчане, которые тоже ведь германцы, надоели ему уже хуже горькой редьки, а моральные императивы оставили Бармина раз и навсегда еще после первой бойни, устроенной его врагами в Надозерье. Теперь же он их и за людей не считал. С волками жить, как говорится, по волчьим выть! Не осталось у Бармина после всех их телодвижений ни жалости, ни сострадания. Они, все они, — и германцы бесовы, с которыми воевал еще его предок Дарри Менгден, и свои доморощенные российские негодяи, — хотели его смерти и смерти близких ему людей, а раз так, то и он желал уничтожить их всех раз и навсегда. Оттого и готовился к предстоящей войне, позабыв про еду и сон. Ему нужна была только победа, и жмотиться, рассуждая о цене, Ингвар не собирался.

Однако война — это во всех смыслах дорогое удовольствие. Чтобы воевать, тем более, воевать успешно, нужны люди и ресурсы, но прежде всего, разумеется, деньги. Много денег. И они у Бармина были. Спасибо деду и другим предкам, жира накоплено ими было более, чем достаточно. Другое дело, что спускать все это золото на оружие, наемников и строительство укреплений, — не говоря уже о взятках, позволяющих легально развернуть немаленькую армию, — было жаль. Но жизнь и здоровье близких стоят дороже, и Бармин не скупился. Деньги, скрытые на тайных банковских счетах и «прикопанные тут и там в кубышках», были пущены в дело, и не только деньги.

Еще в начале января, разобравшись вчерне в своих новых силах, Бармин не только сам занялся углубленным изучением и освоением своих новых возможностей, он и Варвару *облагодетельствовал*, отдав ей еще один запасенный предками «спуд». Транжирство, конечно, — люди веками копили и хранили эти чудеса, — вот только кому оно будет нужно это богатство, если их всех попросту перебьют? А сейчас, у него самого уже пятый ранг в классической магии и запредельный двадцать шестой — в магии стихийной. Варвара же поднялась в классике аж до шестнадцатого уровня Силы, разом превратившись в одну из сильнейших целительниц империи, которой, впрочем, не хватало пока специальных знаний, но это дело, как говорится, наживное. Были бы кости, а мясо нарастет. Однако и в стихиях она прогрессировала так быстро, что от скорости едва не закладывало уши. Седьмой ранг и полтора десятка боевых приемов, которым обучили ее Бармин и расщедрившаяся на помощь богиня Марена. Как ни крути, а их с Варварой тандем уже являлся козырным тузом в рукаве. О нем-то самом мало кто знал что-нибудь достоверное, — но кое-кто кое-что все-таки слышал или даже видел, — а о графине Менгден вообще не знали никто и ничего.

Тонким местом, однако, оставались отношения с государством. Если начнется война, то парировать или, напротив, наносить первый удар должна армия. Это аксиома, и более того,

по устоявшейся традиции, на всякий пожарный случай государством был предусмотрен план «Б»: если дела на фронтах пойдут плохо, император объявит мобилизацию по списку «Один», что означает немедленный призыв большей части княжеских дружин. Поэтому половину своих новых отрядов Ингвар воленс-ноленс формировал открыто, а другую — скрытно. Про что власти не знают, того и не попросят, но на местах для это приходилось вербовать государственных чиновников и офицеров жандармерии, одних запугивая, других покупая, но по факту, взятки приходилось давать практически везде, потому что «смотреть в сторону» — это тоже работа.

[1] Лофн, или Ловн (Lofn — «утешительница» или «любящая») — в скандинавской мифологии добрая богиня-асинья, которая освящает браки между людьми.

[2] БТГ обычно состоит из мотострелкового батальона в составе двух-четырёх рот, усиленных подразделениями ПВО, артиллерии, инженерии и тылового обеспечения. Обычная группировка также усилена танковой ротой и реактивной артиллерией.

[3] В нашей реальности архипелаг Александра.

Глава 9(2)

3. Пятнадцатое февраля 1984 года

Трудно сказать, чего он ожидал, отправляясь в Туруханск. Но, видимо, подсознательно Бармин готовился повстречать толкиеновских эльфов. И кое-что действительно совпало, хотя и не все. Начать с того, что большинство взрослых альвов, — имея в виду, как мужчин, так и женщин, — оказались довольно высокими, но на человеческий, а не на киношно-эльфийский лад. Выше Кати, но явно ниже эталонных Леголаса и Галадриэли. Однако, если сравнивать с людьми, кость у них, в среднем, тоньше, так что первое впечатление, как, впрочем, и второе, и третье — сибирские альвы изящны и двигаются на свой особый манер, делающий их по истине грациозными созданиями. Остроухие блондины, но это как раз классика, а вот глаза-хамелеоны — это действительно «что-то с чем-то» и совершенно неожиданно. Глаза альвов все время меняют цвет, но у каждого из них свой индивидуальный спектр, и это отнюдь не всегда вариации на тему синего и зеленого. У встречавшего их в аэропорту Туруханска мужчины глаза, например, меняли свой цвет от янтарного до эталонного оранжевого. Необычно, нетривиально... Или лучше сказать, диковинно? Однако стоит ли говорить о диве, когда перед тобой стоит самый настоящий эльф, одетый в элегантное меховое пальто из коротко стриженного меха какого-то незнакомого Ингвару хищника?

— Добро пожаловать в Дикий край, Ваша светлость! — По-русски альв говорил с характерным сибирским «акцентом», ну на то она и Тартария, что здесь даже по-русски говорят на свой манер. — Я Малюта Константинов старший сын нашего вождя Пуши Зеленая Дубрава.

Фамилий как таковых у альвов не было. Были прозвища наподобие тех, что носили предки Ингвара. Только несколько поэтичнее, типа Серебряная Ветвь или Лунный свет, но для удобства соседей лет пятьдесят назад российские эльфы взяли себе чисто русские фамилии. Иванов, Петров и далее по списку.

— Благодарю вас, Ваше сиятельство! — склонил Бармин голову в уважительном приветствии. По общеимперской табели о рангах вождь племени и его старший сын-наследник приравнены к графам. Во всяком случае, если речь идет о вождях эльфийских племен.

Знакомство с комитетом по встрече, — рукопожатия и взаимные представления, — заняло не меньше десяти минут, после чего все расселись по машинам, и картеж довольно быстро вырулил на бетонку, стрелой уходившую в глубь темного хвойного леса. Дорога эта, как объяснили Ингвару знающие люди, вела на восток к излучине Нижней Тунгуски, а вернее к озеру Налим. Там, собственно, и располагалось становище эльфов, называемое Удун[1]. Катя сказала, что Удун на староэльфийском означает «скрытый». Так назывался когда-то древний эльфийский город в исчезнувшей во время Великого Катаклизма Арктиде[2]. И расположено это место в пятидесяти километрах от Туруханска, затерявшись в таежной глуши среди невысоких скалистых сопок Тунгусского плато.

Ингвар и Екатерина Северская-Бабичева ехали вместе с сыном вождя в бронированном внедорожнике представительского класса, довольно-таки любопытной трехосной помеси хаммера и лимузина. Внутри этого монстра, способного, как заправский колесный танк

рассекать по пересеченной местности, было просторно, тепло и более чем комфортно. Разговор же вращался вокруг зимней охоты, особенностей жизни в северной Тартарии, а также здоровья и благополучия членов семьи Менгденов. За этим неспешным и бессмысленным разговором прошло что-то около сорока минут, и машины прибыли наконец в стойбище. Никаких вигвамов, юрт и прочих иглу здесь, разумеется, не было и в помине. Сибирские альвы жили в добротных каменных домах под черепичными крышами и с окнами, защищенными ставнями и двухкамерными стеклопакетами. Выглядело все это мирно и едва ли не пасторально: дома с мезонинами и аккуратными двориками, огороженными шпакетником, деревья и кусты, асфальтированные улицы. И однако же Бармин заметил и стену, — на самом деле, забор из стальной сетки и бетонную стену, — и блокпост, и сдвижные железные ворота на въезде в поселок-стойбище. Соответственно, не было сомнений, что стекла в оконных стеклопакетах бронированные, а деревянные резные ставни — это не только украшение, но и защита. Наверняка внутренним слоем между двумя резными деревянными накладками была проложена броневая сталь, иначе зачем бы им такие мощные петли, способные выдержать немалый вес?

Между тем, проехали поселок альвов насквозь и довольно скоро оказались во дворе большого трехэтажного особняка. Бармин подумал, что это резиденция вождя племени, но, как тут же выяснилось, ошибся. Это был всего лишь гостевой дом. Сюда, как объяснил ему Малюта, селили тех из приезжавших в стойбище важных гостей, у кого в Удуне не имелось родни. Поэтому Катя отправилась к своей бабушке, а в дом вселились Бармин, три его телохранителя, секретарь-референт Федор Григорьевич Авдеев, пара слуг и Петра Свэг. Свою наложницу он взял в путешествие по совету Варвары. Летел он в Тартарию один, так как его одного, без жен туда, собственно, и пригласили. Кстати сказать, узнав об этом, практически все его женщины пришли к выводу, что в Удуне или в Холодном стане, как называли поселок местные русские, ему будут сватать какую-нибудь эльфу.

— Не продешеви! — посоветовала Варвара. — Если уж брать в жены альву, то только молодую, красивую и с Даром.

— Здоровую, — подсказала Ольга.

— Дар должен быть сильным, — внесла свою лепту Елена.

— Дамы, вы, о чем, вообще? — изумился Ингвар. — Мне шестая жена не нужна!

— Возьми наложницей, — пожалала плечами Варвара. — Но лучше все-таки женой. В случае с альвами официальный статус и приличный титул никак не помешают. Если хочешь возьми к себе в Ижорское княжество. В Каменногорске на Вуоксе есть небольшой замок. Развалины, конечно, но если привести в порядок... Графиня Выборгская, как тебе?

Пока она несла этот бред, Бармин молчал. Высказался он чуть позже, объяснив женщинам, что шестая жена ему ни к чему, ибо явный перебор. Но все три женщины тут же объяснили Ингвару, как он неправ.

— Последний раз кто-либо из старых родов женился на альве почти четверть века назад, — втолковывала ему, как маленькому, Елена. — Олсуфьев тогда женился на матери Екатерины. И кроме нее других альвов, свободно живущих по эту сторону Каменного пояса, пожалуй, что и нет. Только племенные, но они все за Уралом, а в Европейской части страны одна только Катя.

В общем, женщины настаивали на том, чтобы, если такое предложение все-таки последует, — а они были уверены, что так и случится, — Ингвар не отметал его сразу. Мысль, которую они при этом пытались ему внушить, сводилась к тому, что никакую другую

женщину они бы не потерпели, тем более, не поддержали, поскольку ему действительно не нужна шестая жена. Но вот альва — это совсем другая история. Жениться на девушке из волшебного народа — это политически весьма выгодное дело, причем не только в имперском контексте, но и в общеевропейском. В общем, спорили долго, но, в конце концов, Бармин сдался и обещал подумать. Если конечно действительно предложат, и, если девушка будет отвечать высоким требованиям их семьи. Вот в этот момент Варвара и вспомнила о наложнице.

— Возьми с собой Петру, чтобы тебя сладким не заманили, — сказала она. — Ты должен рассматривать кандидатуру жены трезво и не на голодный желудок. С голодухи люди готовы, знаешь ли, и щи из крапивы есть. А вот сытый человек на первую попавшуюся краюху не польстится!

Так в состав делегации попала и Петра Свэг, и раз так, то Бармин распорядился поселить ее в своих апартаментах. Ему компания, и в самом деле, не помешает. Особенно ночью, в постели...

Деловая часть визита началась практически сразу по приезде. Без раскочки и без лишних телодвижений. Бармин раскатал, было дело, губу, решив принять душ и, возможно, — благо времени до званного обеда оставалось еще много, — повалять Петру часик или два на огромной кровати, занимавшей едва ли не половину площади спальни. Впрочем, не менее соблазнительной ему показалась идея отыметь девушку на шкуре тигра, лежащей неподалеку от камина. Вообще-то Бармин помнил, что в Сибири тигры не водятся, а до Приморского края, где обитают уссурийцы отсюда довольно далеко. Но в этом мире тигры были распространены гораздо шире, чем в прежнем. Однако это не суть важно. Важно другое: имели место разожженный камин, перед которым лежала огромная шкура, и красивая юная девушка, готовая для своего господина практически на все. Но претворение в жизнь этих двух мечт пришлось отложить на вечер или даже на ночь, поскольку визит-то был по определению деловой, вот дела и вмешались в неоригинальные хотелки Бармина.

Не успел Ингвар выпить с дороги чашечку кофе с толикой граппы, — о душе и сексе вообще умолчим, — как к нему в апартаменты заявился молодой человек с нетипичной для эльфов внешностью настоящего китайца и пригласил гостя на «не терпящую отлагательства» приватную беседу с Арамасом[3] племени Арвен и племенным вождем Пущей. Бармина насторожило, было, отсутствие в имени колдуна-мачавара[4] падежного окончания мужского рода, но он не придавал этому значения, поскольку не знал все ли имена альвов можно склонять по падежам. Однако колдуном оказалась именно женщина. Впрочем, ее имя действительно не склонялось.

Итак, в дальней части странноприимного дома нашлась уютная гостиная, в которой вокруг чайного столика были поставлены три жестких полукресла. Два уже были заняты: в одном сидела очень молодая и очень красивая золотистая блондинка, глаза которой меняли цвет в диапазоне от прозрачной золотой дымки до темного насыщенного цвета золотого меда, во втором сидел вождь — немолодой крепкий мужчина, имевший внешность скорее человеческую, чем эльфийскую. У него, насколько мог заметить Бармин, было только два внешних признака, характерных для альвов: острые уши и глаза-хамелеоны, меняющие цвет от голубого до синего. В остальном это был типичный сибиряк: рост под два метра, широкая кость и косая сажень в плечах.

«Любопытная внешность, — отметил Бармин, поздоровавшись с хозяевами и устраиваясь в свободном кресле. — Интересно, бывают ли альвы-полукровки?»

Катерина говорила, что в первых двух поколениях таких, вроде бы, не бывает. Но речь тогда шла о женщинах, и, возможно, у мужчин это выглядит как-то иначе.

— Эта комната защищена от прослушивания, — начал разговор Пуца после того, как все перезнакомились и расселись в кресла. — Ни техническими методами, ни магическими услышать нас здесь не сможет никто.

— Тема разговора настолько деликатна? — поинтересовался Бармин, чего-то в этом роде, на самом деле, и ожидавший. Слишком настоящим выглядело приглашение альвов.

— Да, — подтвердила колдунья. — Но определение «деликатный» даже в малой степени не отражает характера информации, о которой раньше знали только мы двое, — бросила она быстрый взгляд на вождя, — а теперь к нам добавитесь еще и вы, князь.

— Слушаю вас внимательно!

— У меня есть пророческий дар, — сообщила тогда женщина тоном, каким сообщают о чем-нибудь настолько обыденном, что не ожидают от собеседника ни удивления, ни дополнительных вопросов. — Об этом знает еще несколько альвов, но никто из них никогда об этом никому не расскажет. Это тайна племени.

— У вас было пророчество, касающееся меня? — насторожился Бармин.

— Да, — подтвердила женщина. — Прошлым летом у меня было Большое Видение. До сих пор об этом знали только мы с вождем, теперь я расскажу об этом тебе. И вот еще, князь, о чем тебе следует знать, за все время, что я пророчествую, у меня было девять Малых Видений и два Больших. Все они исполнились.

— Звучит устрашающе, — признался Ингвар, которого от эдаких откровений чуть не пробило на дрожь.

— Сначала выслушай, — предложил вождь. — Бояться станем потом. Вместе.

— Слушаю внимательно, — кивнул Бармин, соглашаясь со словами вождя и никак не реагируя на то, что колдунья явочным порядком перешла с ним на «ты».

— В тот раз я увидела человека, мужчину, стоящего среди заснеженных скал, — колдунья говорила медленно, спокойно, без надрыва, но от ее голоса начинали вибрировать нервы. — Тогда я не знала, кто это и что это за место. Однако видение заинтересовало меня своей необычностью. Тот мужчина... Он все время менял внешность. То это был седой старик, некрупный, сутуловатый и с брюшком. Может быть, не совсем старик, но он был совершенно седой и носил очки. А потом он превращался в молодого. Но не в себя молодого, а в кого-то другого. Намного выше, сильнее, шире в плечах. И снова старик. А потом опять юноша. У меня рябило в глазах. Но в результате я не только увидела, но и услышала. Того, что старше, звали Игорем Барминым, того, кто моложе — Ингваром Менгденом. Мы потом нашли твои фото, князь. Это точно был ты. А вот Бармина, как оказалось, не существует. Я имею в виду, такого Бармина, как тот, кого я увидела, в природе не существует. А ландшафт... то место, где стоял Бармин/Менгден, это, видимо, не Тартария, как я подумала сначала, а Грумант. Могло такое быть?

«Могло, — согласился Бармин, — но мало ли что!»

— Продолжай, пожалуйста, — сказал он вслух, тоже переходя на «ты».

— Это видение было первым, — чуть улыбнулась колдунья, оценившая, верно, его нехитрую уловку. — За ним последовали другие. Я потом могу рассказать в подробностях. У меня память, как и у всех пророчиц, идеальная. Но сейчас только основное. Жен твоих

видела, какие-то драки, еще всякое, но сейчас о другом. В одном из видений появилась богиня. Имени ее я не знаю, поскольку раньше с ней не встречалась, но я сразу поняла, что это именно богиня. Видела алтарный зал глубоко под землей и тебя в нем, а рядом с тобой стояла она. Я потом поняла, что твоя сестра похожа на эту богиню. Они выглядят, как сестры-близнецы, только богиня все-таки постарше, и от нее веяло нечеловеческим могуществом. Ты на это сходство тоже обратил внимание, а она сказала тебе, что это не странно, ибо она матриарх твоего рода... Наверное, правильнее сказать — праматерь. Все еще не веришь мне?

— Продолжай, пожалуйста, — попросил Бармин. — Оставим обсуждение на потом.

— Как скажешь, князь, — посмотрела ему в глаза женщина. — Как пожелаешь. Так вот, с этой богиней было несколько разных видений. В нескольких сценах она говорила с тобой, а в одном видении стояла в кругу других богов и богинь. И вот, что странно, князь, пантеон этот не ваш, в смысле, не человеческий, и не наш, я имею в виду, альвов, не варягов и не славян... Там были разные боги из разных пантеонов. наших богов я знаю почти всех. Ты ведь помнишь, Катя тебе рассказывала, что когда-то, давным-давно, когда альвы жили в Арктиде, а эльфы в Атлантиде, мы все сами были равны богам. А наши нынешние боги — это те альвы, кто не остался с людьми, а ушел дальше. С некоторыми из них мы все еще можем говорить... Иногда они нам помогают, почти как ваши боги помогают вам... В том видении их было трое: *Время, Свет и Любовь*. Их не так зовут, разумеется, но ты этого языка все равно не знаешь и их имен никогда не слышал. Так что, нечего голову забивать. Из славянских богов я знаю в лицо только двоих: Хорса и Мякошь. Вот Мякошь там точно была. А из скандинавских я видела там одного только Тора. То есть, наверное, были и другие, однако я их не знаю в лицо. Но одно очевидно — это были именно боги, и все они собрались из-за той богини, которая матриарх твоего рода. Они говорили с ней, спорили, она их в чем-то упрекала, а они ее... Понимаешь, боги говорят с людьми на человеческих языках, а вот между собой... Это похоже на то, как, если стоять, прижавшись ухом к закрытой двери. Там, за дверью кто-то ведет разговор, но полотно двери толстое, и до тебя доносится только смутное бу-бу-бу. Иногда можно различить интонации и границы предложений, но понять эту речь сложно. И все же иногда возможно, надо только напрячь все силы. Я напрягла. И кое-что услышала. Богиня спрашивала собравшихся, почему именно Бармин? Неужели не было никого лучше? А ей отвечали, что найти душу, подходящую для переноса не так просто. И что это еще удача, что нашелся кто-то типа Бармина. Не дурак, не псих, не извращенец, и с магией отторжения нет. Потом ее ругали. Сказали, что мало помогает. Пришлось, дескать, даже Вар отправлять. А Вар, она же асинья и Менгдену помогать не обязана. И вот тут, князь, и прозвучало то, за что нам всем могут снести головы. Оказывается, ты, князь, важен им всем, как *последний герой*. Кто-то, кто может спасти от уничтожения веру в древних богов. Во всяком случае, в этом столетии, потому что новая династия может закрепить изменение отрицательной тенденции. Понимаешь, о чем речь? О династии, князь! И это не ошибка. Потом, в самом конце, у меня было еще одно видение. Видение будущего... Я видела, как тебя короновали императорской короной. Так что, полагаю, ты, Ингвар, наш будущий император, и это тебе придется спасти язычество от уничтожения.

«Только этого мне не хватало! — вот какой была первая мысль, посетившая его голову после того, как Бармин дослушал до конца рассказ колдуньи. — И за меньшее убивают! А за корону... Деда казнили, а он ведь даже не для себя старался... если старался вообще...»

Чем больше Бармин узнавал про тот несостоявшийся мятеж, тем яснее ему становилось,

что, скорее всего, не было там никакого заговора. Во всяком случае, настоящего заговора и попытки вооруженного переворота не было. Разговоры были. Было несогласие, глухое недовольство и даже, возможно, попытка опротестовать решение Коронного Совета, забуксовавшего с выбором кандидатуры на престол, но вот мятежа не было. Просто покойный император был подлецом и параноиком, из-за этого все и произошло. Один предал, — и неважно почему, — другой приказал казнить, потому что был уродом по жизни, а третий, отец его собственной жены, проглотил... Но то, о чем рассказала колдунья, это уже никак не игрушки даже при том, что Иван не Константин. И однако же, вот оно пророчество, от которого так просто не отмахнешься.

Удивительно, но Бармин в слова Арвен поверил сразу. Слишком много совпадений с реальностью. Слишком много фактов, о которых никто, кроме самого Ингвара, не мог знать. Марена ведь действительно знала, что Бармин не Менгден, и все-таки продолжала его поддерживать. Однако все это было строго между ними двоими. Других свидетелей того разговора в природе не существовало. И, если бы только это! Вар помогла ему встретиться с дедом Ингвара. Дед, «спуд» и Варвара... А теперь колдунья Арвен — сибирская альва, которую Ингвар видит в первый раз в жизни, — рассказывает ему об этом в таких деталях, какие ей попросту негде узнать. И более того, она называет ему его настоящую фамилию, которую в этом мире не знает никто, кроме самого Бармина.

— Какие у этого Бармина были очки? — спросил он после довольно долгой паузы, все еще надеясь, что «пронесет» и при этом, твердо зная, что ничего уже не поможет.

— В тонкой металлической оправе, — ответила женщина на его вопрос. — Серебристой такой...

— Еще что-то о нем помнишь? — Тактика поисков способа «соскочить» выглядела жалкой, и Бармин это хорошо понимал, но не мог не попробовать. А вдруг?

— Полноватый, — не стала возражать женщина, — смуглый или загорелый... В светло-сером двубортном костюме, в белой рубашке, но без галстука. Верхняя пуговица расстегнута...

— Н-да уж... — Все и так ясно, и отступать уже некуда. Страусиная политика не поможет. Ингвар это понимал, понимали это и его собеседники. Сидели напротив Ингвара и молча ожидали его слова. И он тоже молчал. Сидел и думал о тысяче вещей одновременно и в таком темпе, в каком не думал, кажется, никогда в жизни.

— Что ж, — нарушил он наконец молчание, — я вас услышал. О подробностях твоих видений, Арвен, поговорим позже. А сейчас я хочу услышать, что обо всем этом думаете вы сами.

— Мы верим в пророчество, — Пуца ответил сразу, словно бы только и ждал, когда Бармин задаст свой вопрос.

— Мы принимаем мои видения, как есть, — добавила колдунья.

— Тебе не отказаться от своей судьбы, — продолжил вождь, — нам не остаться в стороне. Наши силы не так малы, как может показаться, и мы станем тебе помогать. И пусть боги рассудят, правильное ли решение мы сейчас приняли...

После этих слов разговор продолжался еще два часа и было условлено, что обсуждение планов на будущее продолжится на следующий день. Но, покидая гостиную и направляясь на поздний обед, Бармин уже знал, что и как они будут делать, поскольку высокие договаривающиеся стороны успели уже вчерне обговорить все пункты будущего соглашения. И среди прочего, как и предсказывали его жены, было решено, что Бармин женится на

внучке вождя. Девушку зовут Иримэ, — и, значит в большом мире быть ей Ириной, — и недавно, как раз в конце января, ей исполнилось семнадцать лет. Она красива, добродетельна и умна. Закончила местную школу, умелая охотница, — выходила в одиночку с ножом на медведя, как не преминул похвастаться Пуца, — и обладает Даром, сопоставимым по силе с пятнадцатым рангом стихийной магии. И, скорее всего, Бармина не обманули. Во всяком случае, относительно ее красоты, ума и силы Дара. В этом Бармин убедился, познакомившись с невестой прямо во время застолья.

Ирина оказалась высокой стройной девушкой. Очень белая кожа, волосы цвета старого серебра и глаза-хамелеоны, меняющие цвет от речного перламутра до стального. Прямо-таки Дайнерис Бурерожденная, только красивее, выше ростом, и грудь у нее, пожалуй, была полнее и выше. В общем, девушка Ингвару понравилась, как и огонь ее силы. Ну, а гибкость и быстроту ума в купе с широкой эрудицией она продемонстрировала в застольной беседе. И к слову сказать, говорила она с Барминым на безупречном норне, вернее, на его литературном диалекте, принятом в высшем обществе империи. Общение с ней оказалось на редкость приятным и на удивление возбуждающим, причем настолько возбуждающим, что Ингвар еле дотерпел до окончания застолья и, едва успел закрыть за собой дверь в спальню, как тут же набросился на свою наложницу, благодаря при этом всех богов и Варвару за то, что надоумили его взять Петру с собой. Так что первый заход получился довольно-таки жестким, — Бармин бросил девушку под себя лицом вниз, задрал подол и отымел, не раздеваясь, — но зато потом был с ней нежен и ласков. Но и Петра показала ему, что такое небо в алмазах и, кажется, если верить эмпатии, и сама получила от их ночного марафона немало удовольствия. Ей, похоже, понравился даже первый, откровенно грубый заход. Так что ближе к утру, она потребовала от Бармина повторить, но уже в гораздо более извращенной форме. Ингвар не возражал, ему и самому это понравилось...

[1] Утумно (кв. Utumno, в переводе — «глубочайшая» или «скрытая»), также известная как Удун (синд. Udûn) — в легендарииуме Дж. Р. Р. Толкина первая крепость, построенная Мелькором в Средиземье. Находилась в Железных горах на крайнем севере Средиземья.

[2] Арктида — гипотетический северный полярный континент, предположительно существовавший в недавнем геологическом прошлом.

[3] Автор искажил чувашское название колдуна. Ё́рамась (чуваш.) — человек, обладающий мифической силой; в народе его называли творцом, мудрецом, волшебником, всеильным, вещим, ворожеем, колдуном, знахарем, чародеем и т. д.

[4] По-видимому, имеется в виду «колдун» на каком-то сибирско-эльфийском языке.

Эпилог

Автор оставляет за собой право развернуть этот Эпилог в одну или даже две дополнительные книги.

1. Одиннадцатого июня 1990 года

Город горел. Пожары двигались от северных и восточных предместий к центру Вены, и остановить их фольксштурму, брошенному армией на произвол судьбы, не доставало ни сил, ни умения. В городе оставалось слишком мало магов, чтобы выстроить сколько-нибудь устойчивую оборону и противопоставить что-нибудь по-настоящему серьезное русским военным колдунам.

— Что ж, я видел достаточно! — Менгден встал из кресла, принадлежавшего одному из аналитиков центра, и кивнул оперативному дежурному. — Лейтенант, передайте мой приказ в 3-й и 7-й корпуса, пусть немного притормозят. Огонь распространяется слишком быстро. Пусть поумерят свой пыл. Попугали и хватит. И еще. Свяжитесь с епископом Эккелем и передайте ему, что я в последний раз предлагаю ему сдать город. Надеюсь, он понимает, что это означает для него лично, для его паствы и для города. Так ему и передайте.

Отдав распоряжения, Ингвар вежливо кивнул командиру корабля, — «Полковник!» — и, более не задерживаясь, перешел прямо из салона самолета в здание Зееловской ратуши, в которой размещался его штаб, а сверхтяжелый «Сирин-2М2», переделанный в воздушный командный пункт, продолжил барражировать на высоте десяти километров. Ему оттуда все было видно, а достать его на такой высоте не мог никто. Не было у австрийцев на этом участке фронта ни мага подходящей квалификации, ни высотного ЗРК.

А в штабе, как в штабе в разгар боев. Стук телетайпов и стрекот телеграфных аппаратов, офицеры, оружие в телефонные трубки и в микрофоны радиопередатчиков, посыльные, бегущие по коридорам и лестницам ратуши, и посередине этого организованного хаоса стоит, как дирижер перед оркестром, Ирина графиня Выборгская.

«Хороша!» — Кто бы мог подумать, что жена-эльфийка может быть не только такой, как Катя Северская-Бабичева, но и такой, как Ирина Менгден. Высокая, одетая в десантный камуфляж, в разгрузку-лифчик и легкий бронежилет, с автоматом за спиной и револьвером в набедренной кобуре. Убор дополняют сдвинутые вверх тактические очки, крошечный телефон в ухе, соединенный проводком-пружинкой с компактной рацией в одном из карманов разгрузки, и плетеный кожаный ремешок, которым схвачены на лбу ее роскошные волосы. Ну и перчатки без пальцев, разумеется, — называются митенки, — как без них! И все это смотрится на альве просто замечательно. Что тут скажешь, стиль милитари ей к лицу.

«Хороша чертовка! — мимолетно отметил Бармин, направляясь к своей самой младшей жене. — Впрочем, ей все к лицу, потому что красавица».

— Какие вести с Севера? — спросил, останавливаясь около разложенной на столе ситуативной карты.

— Сводка на твоём столе, — не оборачиваясь к Ингвару, бросила в ответ майор Менгден.

«Интересно, на что она разозлилась на этот раз?»

— Мы в ссоре? — спросил, чтобы не молчать.

— Не думаю, — холодно ответила женщина, так и не повернувшись к своему мужу.

— Тогда рассказывай! — Бармин умел настоять на своем, научился за прошедшие годы.

Дожал строптивицу и на этот раз, хотя видят боги, дело это простым не было никогда. Характер у Иримэ Хрустальный Ручей был тяжелый, но самой выдающейся его чертой, — в добру или ко злу, являлось упрямство...

Когда они познакомились — а случилось это почти шесть лет назад, — она сразу пришлась Бармину по душе. Красивая, умная и в меру сдержанная, она не робела перед своим будущим мужем, но и не дерзила по пустякам. Не стеснялась, но и не давила эльфийским гонором. И поговорили они тогда душевно. Отошли к окну, оставаясь на виду у других гостей, но в то же время, отделившись от них, обособившись, оставшись как бы наедине.

— Что ты думаешь обо всей этой затее? — спросил ее тогда Бармин.

— Если интересуешься моим настроем, я иду за тебя замуж добровольно, — ответила девушка, ничуть не удивленная его вопросом. — Отец спросил, я ответила согласием.

— Почему?

— Потому что это мой долг.

Ну, чего-то в этом роде Бармин от нее и ожидал. Пророчество, долг и прочая романтика.

— Объяснишь? — решил он все-таки уточнить.

— Объясню, — согласилась она. — Когда я была маленькая, у нашего арамаса было видение...

— У Арвен? — удивился Ингвар, полагавший, что колдунье-мачаваре едва ли больше двадцати пяти лет, а Иримэ сейчас семнадцать. Сколько же лет было колдунье, когда у нее случилось то давнее видение?

— Нет, — покачала головой альва. — Тогда у нас был другой колдун-мачавар. Его звали Соболя. И у него случилось Большое видение. Единственное в его долгой жизни. Первое и последнее.

— Звучит интригующе, — улыбнулся Бармин. — Но как же он стал колдуном племени, если это было его единственное предсказание?

— Его сила была в другом, — объяснила девушка. — Он говорил с Лесом и знал толк в погодной магии. Видения у него тоже случались, но только Малые, Больших до того случая не было.

— Что он увидел?

— Он увидел войну, мой князь, — сказала Иримэ, построжав лицом. — Страшную войну всех против всех. Он узнал из видения, что однажды мир встанет на перепутье. Пойдет одной дорогой, и день превратится в ночь. Первыми уйдут альвы и оборотни, а потом из мира начнет уходить магия.

— Страшновато выглядит, — прокомментировал Бармин представшую перед ним апокалиптическую картину будущего. — А куда приведет другой путь?

— Другой путь тоже не будет легким, но через огонь и кровь он приведет мир к равновесию.

— Дай угадаю, — кивнул Ингвар. — Придет герой и всех спасет, я правильно понимаю?

— Герои приходят только в сказках, — покачала головой альва. — В жизни так не

бывает. Колдун увидел человека, который может помочь миру свернуть на путь Равновесия. Успех не гарантирован, но шанс будет. Еще Соболев сказал, что нам всем нужно будет помочь этому человеку, потому что в одиночку такое дело не по плечу никому. А еще он указал на меня, а я была тогда маленькой девочкой, и сказал, что, когда придет время, я выйду замуж за этого человека.

— То есть, за меня?

— Так и есть.

— Но откуда известно, что я это он, тот, за кого ты должна выйти замуж? — едва ли не возмутился Бармин. Он был готов принять как данность богов и эльфов, магию и вещие сны, но озвученное девушкой пророчество очень уж походило на фантазии Толкина.

— Он сказал, что я стану шестой женой.

«Ну и что?»

— Еще что-то? — спросил Бармин вслух.

— У тебя есть ребенок от женщины-оборотня...

— Так и сказал?

— Да, — кивнула альва. — Сказал, что у моего мужа будет ребенок от оборотня-барса. Она ведь барс, и она тебе не жена?

— Да, — подтвердил Бармин. — Она пардус. Степной леопард. А пардусы никогда не выходят замуж.

— Ты способен к обоим типам магии...

«А это-то откуда?! Выходит, и в самом деле пророчество?» — по-настоящему удивился Ингвар, но слово было сказано, а за словом обычно следует дело.

Так они поженились, а через десять месяцев Ирина родила Ингвару дочь — чистокровную альву с золотыми глазами и запредельной силы Даром, так что Ладу сразу же пришлось отдать на попечение бабок. Могла бы справиться с одаренной крохой и сама Иримэ, но летом 1985 началась война. Тогда еще не мировая, а гражданская, но все равно: едва прозвучали первые выстрелы всем сразу стало не до домашних забот. Полыхнуло на Черниговщине и в Рязани, откликнулось в Каневе и Галиче, и пошло-поехало. Погромы, мятежи и волнения в войсках, вооруженные столкновения боевиков с той и другой стороны и боевые действия княжеских дружин.

По первости, хватили лиху язычники, потому что там, где полыхнуло, они составляли меньшинство. Впрочем, и там все обстояло совсем непросто и не столь однозначно. Во-первых, среди язычников было довольно много ветеранов и немало боевых магов. А во-вторых, кое-где жандармерия и армия не самоустранились, а напротив, стали разводить враждующие стороны и оборонять кварталы язычников и их храмы. Впрочем, к сожалению, не везде, и это было очень плохо, поскольку народ этот факт приметил и сделал из него выводы. Одни — те, кто был в большинстве, — осмелели, другие же испугались, а, испугавшись, побежали. Беженцы рванули кто куда мог. К хазарам и удмуртам, под защиту армейских гарнизонов или княжеских замков, если князь по случаю оказался адекватным, на Север и на Старый Запад. День-два пресса безмолвствовала. Просто никто не знал, что говорить, о чем писать, и можно ли сообщать о таком в принципе? О резне или массовом дезертирстве, о покушениях на известных людей и, разумеется, о беженцах. Но затем, как прорвало и о беспорядках и прочем всем стали сообщать по телевидению, в газетах и на радио, однако тональность репортажей была очень разной. От нейтральной или сочувственной до резко негативной, провокативной, а то и подстрекательской. А император

между тем снова, — как и в случае с Союзной ратью, — словно воды в рот набрал. Молчал сукин сын и не вмешивался. И тогда, — шел уже четвертый день волнений, — шарахнуло в тех местах, где большинство, во всяком случае, активное большинство, составляли язычники. На этот раз побежали христиане, но это уже было против правил. Император «проснулся» и призвал своих подданных к спокойствию, а войскам и жандармерии приказал вмешаться и навести порядок. *Железной рукой, так сказать, и невзирая на лица...* но, увы, момент был упущен. Дело зашло слишком далеко, пролилась кровь и немалая, и вдруг оказалось, что взаимные обиды под ковер не замести. Слишком много накопилось ненависти, гнева и жажды мести. Успокоить этот шторм было совсем непросто. К тому же положение усугублялось тем, что полыхнуло не только в империи, но и в Европе: в Германских государствах и во владениях франков.

Ингвар все эти дни метался по городам и весям Северной марки. Гасил мятежи, подавлял беспорядки и, понимая, что это только начало, сбивал коалицию владельцев и формировал ополчение. С гражданской смутой, — в особенности, без участия хорошо вооруженных и обученных профессионалов, — легко справлялись бойцы княжеских дружин и спецназ служб безопасности. Однако было очевидно, если полыхнет по-настоящему, этих сил для наведения порядка уже не хватит. Достаточно было взбунтовать пару-другу жандармских рот, не говоря уже о регулярных частях императорской армии, расквартированных на Северо-Западе — и, как назло, на три четверти состоявших из выходцев с условного Юга и Востока, — и справиться с этим, учитывая размеры территории, не смогут даже три БТГ, сформированные Ингваром для защиты Северной марки и Полоцкого княжества. Если же вспыхнет настоящая гражданская война, усугубленная иностранной интервенцией, все рухнет буквально за несколько дней. Поэтому-то Бармин и собирал ополчение, предполагая, что таковым оно будет только по названию. Ему нужна была серьезная военная сила, способная заменить собою армейские части, и события тех дней быстро доказали его правоту.

Казалось бы, что такое три дня анархии и бесчинств в масштабах имперской истории? Ерунда! Но, видно, *прогнило что-то в датском королевстве* [1]. Власти находились в растерянности и, по большей части, бездействовали, — в особенности жалкой и беспомощной предстала вдруг центральная власть, — народ же отнюдь не безмолвствовал, но, главное, начала разваливаться армия. В этих условиях Бармин принял решение не выжидать, а действовать. Уже к вечеру первого дня волнений он подал в Императорскую Канцелярию, — копии в Министерство Двора, в МВД и Военное Министерство, — петицию, призывающую к немедленным действиям, направленным «к всеобщему умиротворению и обеспечению безопасности гражданского населения». В силу увещевания он, впрочем, не верил, как и в действенность такого рода призывов. Однако, имея перед глазами печальный опыт членов своей семьи, Менгден озаботился тем, чтобы прикрыть свой собственный зад. Поэтому, с одной стороны, он постарался собрать под документом так много подписей, как только было возможно, а с другой, заявив в полный голос, — в том числе и в масс-медиа, — о своей лояльности императору и верноподданнических чувствах, он озаботился созданием значимой военной силы. Делалось это, разумеется, под лозунгом «*Сплотимся же вокруг трона!*», но, на самом деле, это была попытка спасти то, что еще можно было спасти, и в этом смысле Ингвар был отнюдь не один такой умный. С ним были солидарны такие серьезные люди, как Великий князь Русский и Литовский Михаил Ягеллон, князь Псковский Дмитрий Миркинич, князь Новгородский Василий VI, князь Глинский

князь Мурманский и князь Архангельский, не говоря уже о княгинях Полоцкой и Ижорской и герцогине Бирон. Позже в эти же дни голоса здравомыслия и подлинного патриотизма прозвучали кое-где в Восточных и Юго-восточных княжествах, в Хазарии, Татарии и Тартарии. И дело было не только в том, что эти люди подписали поданную Ингваром петицию. Был создан координационный центр в Ревеле[2] и началась мобилизация сил и потребных для обороны средств. В лучшем случае, — это если император очнется наконец от *«летаргического сна»* и приведет в порядок образовавшийся на месте страны бардак, — предполагалось радикально охладить горячие головы, чтобы *каждый сверчок знал свой шесток*, — а в худшем — защитить границу от возможного вторжения и самих себя от истребления озверевшими фанатиками.

На Северо-западе координацией общих усилий от имени Ингвара занималась Елена. Герцогиня Бирон обосновалась в замке Тоомпеа[3] и сейчас стягивала к Ревелю верных Менгденам бойцов из баронства Феллин, из графства Вирония, Нарвского графства, из Ниена[4] и Ижорского княжества. Мария Полоцкая занимаясь тем же самым в Полоцке, Браславе, Витебске и Лепеле, а Ольга и Варвара в Череповце и Вологде. Дарену, как и предполагалось, отправили с детским садом на Аляску, а Ульрику Катерину с новорожденной дочерью Луизой к брату в Швецию, — чтобы под ногами не мешалась, — однако ни Хатун, ни Иримэ никуда уезжать не захотели. Хатун занялась приемом беженцев — в графство Менгден срочно эвакуировались последние палабские и мекленбургские ободриты, среди которых было несколько семей волколаков, лужичане из Саксонии, включая две семьи оборотней-медведей, и эльфы из южной Франции и Тироля. А вот Ирина Менгден графиня Выборгская объявила Ингвару, что сидеть на попе ровно не будет, а будет, — если до этого дойдет, — воевать. Переоделась в камуфляж, обвешалась с ног до головы оружием и начала сколачивать «терроргруппу». В ее отряд вошли переселившиеся в Менгден вместе с ней сибирские альвы, пара оборотней с Большого Хингана, беглая вампирша из Моравии, одна из теток Хатун и чуть больше дюжины отмороженных на всю голову псковских и поморских ушкуйников.

Поначалу, наблюдая за ее активностью, Бармин тихо посмеивался, полагая, что, *чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не плакало*. Однако, когда в Новгороде начались уличные бои, а волнения в Твери и Москве начали стремительно превращаться в гражданскую войну, терроргруппа Иримэ показала себя исключительно эффективным инструментом тайных операций. Раз за разом они проникали в тыл противника и устраивали там диверсии, сеявшие в стане врага панику, а порой, и ужас. Впрочем, материальный ущерб они наносили тоже. То мост взорвут, то склад боеприпасов, то эшелон с горючим. Однако по-настоящему военный талант графини Выборгской раскрылся на Мировой Войне...

— *Какие вести с Севера?*

— *Сводка на твоём столе, — не оборачиваясь к Ингвару, бросила в ответ майор Менгден.*

— *Мы в споре?* — *спросил тогда Бармин.*

— *Не думаю, — холодно ответила Иримэ.*

— *Тогда рассказывай!* — *потребовал он.*

— *Копенгаген пал, — сообщила жена, сменив гнев на милость. — Зеландия оккупирована уже почти на три четверти. Шведы продвигаются к Холбеку и Престё. Идут*

тяжелые бои...

Перед началом большой войны отношения со шведами, имея в виду Ингвара Менгдена и русский Север, неожиданно испортились. Карл Август оказался на поверку ненадежным партнером. Он играл в свои сложные политические игры, пытаясь заручиться поддержкой других европейских стран, и делал это зачастую в ущерб отношениям с Великорусской империей и мужем своей сестры. Поэтому, собственно, Бармин и отослал тогда Ульрику Катерину к любимому брату. Она являлась не только его женой, но и кронпринцессой Швеции, и поскольку отношения с ее братом-королем имели характер «подвешенных в воздухе», Ингвар не мог ей поручить ни одного серьезного дела. А жаль, сейчас бы ему оченьгодились ее военное образование и опыт офицера ВМФ. Но не судьба. Как не сложилось у них с самого начала, так и пошло. Однако Карл Август, как вскоре выяснилось, умудрился переиграть самого себя. Не выручила его хитрожолая политика, и третьего октября 1985 года он был убит агентами датской разведки, а в Швеции была предпринята попытка государственного переворота. Впрочем, на этот раз Ульрика Катерина поступила не как всегда, а как следует. Немедля ни мгновения, она короновала свою шестимесячную дочь, которую Карл Август, — слава богам, — успел официально удочерить, и объявила себя и своего супруга, князя Острожского, регентами малолетней королевы.

Позвонила ночью по защищенной линии и сообщила ровным ничего не выражающим голосом, что король убит, а в Стокгольме вспыхнули беспорядки и кое-где уже идут уличные бои.

— Я знаю, Ингвар, каково твое мнение обо мне, — сказала она тогда. — И полагаю, что ты в своем праве, потому что я совершила довольно много ошибок и не всегда была надежным партнером. Поэтому сообщаю тебе, что через час мы, я и верные мне люди, возведем Лизу на престол, и я прошу тебя стать вместе со мной регентом при нашей с тобой дочери-королеве.

— Регентство полноправное? — спросил Бармин даже раньше, чем высказал уместные соболезнования по случаю гибели короля, приходящегося герцогине Сконе еще и братом.

— Более чем полноправное! — уверила его супруга. — Обещаю, что не приму ни одного серьезного решения, не согласовав его прежде с тобой.

— Это надо будет зафиксировать на бумаге, — сказал Бармин, как о чем-то само собой разумеющемся.

— Как скажешь, — коротко ответила супруга.

— Военно-политический союз с империей? — спросил тогда он.

— Естественно, — не задумываясь, ответила она. — И вот еще что, сейчас в МВД оформляют твое двойное гражданство. В качестве герцога Даларна, ты будешь иметь право командовать шведскими военнослужащими.

— Тогда, я вылетаю в Стокгольм вместе со своей дружиной, — сообщил Бармин, понимая, что время не ждет. — Держись, Рикке! Мы будем не позже восьми утра.

Ингвар и Мария, взявшаяся сопровождать мужа в этой непростой поездке, вылетели с военно-воздушной базы Тапа[5] в пять часов утра на четырех грузовых «сиринах» в сопровождении шестерки истребителей имперских ВМФ. В состав делегации, кроме князя и княгини, входил их собственный штат в количестве пятнадцати человек и двести бойцов княжеского спецназа при нескольких БМП и шести колесных бронетранспортерах. Их появление на улицах Стокгольма оказалось очень кстати, и волнения были подавлены самым решительным образом. Но дело даже не в том, что Бармин помог кронпринцессе подавить

мятеж. В этот день или, лучше сказать, в эту ночь, Ульрика Катерина приняла единственно правильное решение, — на самом деле, первое по-настоящему правильное решение за все время их знакомства, — и с этого момента в ее отношениях с Ингваром установилось наконец равновесное партнерство. При закрытых дверях герцогиня Сконе вела себя, как примерная жена, а на публике, являясь, в принципе, некоронованной королевой Швеции, она всячески подчеркивала, что регентами их малолетней дочери являются они оба, она и ее супруг. Просто князь Острожский не может покинуть в такое трудное время свои земли в Великорусской империи, а она не имеет возможности оставить без своей заботы королевство Швеция и любимую всем сердцем дочь. Так что, если не придирайтесь к мелочам, трагические события в этой скандинавской стране способствовали примирению четы Менгденов и серьезным образом облегчили Бармину жизнь. Жить порознь оказалось удобно и, по большому счету, правильно, кто бы что ни говорил по этому поводу. Да и сам факт, что его родная дочь стала королевой, положив тем самым начало новой династии шведских королей, не только грел Ингвару душу, но и работал на его авторитет. Регент королевства Швеции — это уже не просто один из имперских князей, владетель огромной, но всего лишь автономной территории.

События в Швеции, таким образом, имели весьма драматические последствия для Ингвара Менгдена именно дома, то есть в границах Великорусской империи. Его авторитет, и так уже поднявшийся выше некуда, закрепился на завоеванной высоте и, пожалуй, даже окреп еще больше. Во всяком случае, на Севере и Старом Западе, то есть, в тех землях, где исстари говорили на двух языках, русском и норне. И, прежде всего, это было связано с тем, что с его именем люди связывали скорое, — всего на всего за месяц, — прекращение гражданской смуты. Причем, уважали его за это представители всех конфессий, поскольку он защищал всех, не делая между людьми никаких различий. К сожалению, сказать подобное об Иване VIII язык не поворачивался. Император в эти дни продемонстрировал слабость, нерешительность и, что хуже всего, свою приверженность определенной идеологии, которую, на самом деле, и следовало считать причиной беспорядков. Такое не скроешь, и любви народной этим не завоеешь. Дело дошло до того, что император вынужден был покинуть негостеприимный Новгород и перенес свою ставку в Рязань. При этом, войска, полиция и жандармерия, — вообще, все государственные институты на Северо-западе, — оказались, как бы, в двойном подчинении. Они оставались лояльными императору, которому государственные служащие приносили присягу, но реально подчинялись Координационному Совету, неформальным лидером которого являлся князь Острожский. Император это знал, но вынужден был терпеть, поскольку не имел достаточных сил, чтобы развязать полномасштабную гражданскую войну, а Ингвар, в свою очередь, воевать не хотел, поскольку предполагал, — и не без оснований, — что очень скоро начнется другая война, в которую Иван VIII не верил, что бы ни докладывала ему разведка князя Северского.

Дмитрий Романович, впрочем, не усердствовал сверх меры. Он не хотел ссориться с братом, тем более, что возможная война с Австрией и Германскими государствами твердо ассоциировалась у императора с именем Ингвара Менгдена. К тому же, князь и сам был зол на собственного зятя. По его мнению, сколько бы хорошего ни сделал Менгден, его оппозиция императору, — то есть, то, что он фактически предотвратил гражданскую войну, — сводила все эти его достоинства на нет. Слишком уж он был популярен, — причем не только среди язычников, но и среди христиан, — слишком уж много он набрал силы. Ведь даже император оказался, в конце концов, вынужден давить смуту, — которая ему

идеологически даже импонировала, — прежде всего, потому что с этим успешно справлялся чертов язычник Менгден.

В общем, к осени 1985 года, в империи сложилась весьма странная ситуация, которую позже назвали Двоевластием. Император сидел в Рязани, а Ингвар перемещался между Вологдой, Ревелем и Стокгольмом, появлялся в Полоцке и Вильно, Могилеве и Риге, Ниене Новгороде и Пскове, то есть, везде на Северо-Западе. И, хотя никто не называл его королем или императором, он явно являлся чем-то большим, чем граф Менгден или князь Острожский. Все это понимали, но пониманием делу не поможешь, во всяком случае, не всегда. Ситуация, на самом деле, была патовая. Ингвар не мог уйти, поскольку, похоже, в отличие от императора и императорского двора, он и его союзники знали, *«куда ветер дует»*. И покинуть пост означало бы бросить доверившихся ему людей. Однако пока он «рулил» Старым Западом, ни о каком примирении с Иваном речи идти не могло. Император, что называется, закусил удила и никак не желал идти на компромисс. Конфликт затягивался и усложнялся. В конце концов, в Ревель прилетел князь Северский, чтобы *«разрулить возникшее недопонимание»* и выяснить отношения со своим проблематичным и конфликтным зятем. Встретились они в холодном, полном вооруженных людей замке Тоомпеа. Настроение у обоих было скверное, хотя и по разным причинам, и разговор получился трудный, поскольку Бармин апеллировал к фактам и логике, а Дмитрий Романович — к ветхозаветным традициям, имперскому законодательству и эмоциям.

— То есть, вам, Дмитрий Романович, насрать и на родину, и на народ, — спросил Ингвар прямо, отчаявшись уже объяснить Северскому, что дело не в его фанаберии, а в том, что вот-вот грянет Большая Война, — лишь бы угодить сидящему на троне злобному дураку, так что ли?

— Особа императора священна! — уже в третий или четвертый раз повторил тесть свою мантру. — Уезжай, Ингвар, в Швецию и никогда не возвращайся!

— Если я уеду в Швецию, Мария уедет со мной...

— Вот бери ее и уезжай!

Похоже, князь Северский был готов на все, лишь бы Менгден исчез из империи, и лучше, чтобы навсегда.

— Не уеду, — покачал головой Бармин. — Мне людей жалко. Погубите вы с братом страну. И знаете, что обиднее всего?

— Что же? — набычился тесть, по-видимому, ничего другого от Ингвара, на самом деле, не ожидавший.

— То, что вы, Дмитрий Романович, хороший человек, — вздохнул Бармин. — И, думаю, все-то вы понимаете, но просто не можете иначе. Не получится у нас договориться. Но вот, что скажу вам на прощание. Запомните, как только дороги просохнут... То есть, не раньше апреля, но не позже конца мая начнется война. Вы это и сами знаете, но, думаю, до конца в это все-таки не верите. Ну, или не хотите верить. Впрочем, неважно! Хочу попросить вас, Дмитрий Романович об одолжении, удержите императора от действий против нас. Хотя бы до конца мая. А потом уже решайте, что вам дороже, страна, люди или идиот на троне, пусть он вам еще и родной брат...

Трудный разговор. Неприятный. Оставивший по себе тяжелый осадок. И, как показалось тогда Бармину, бессмысленный, потому что бесполезный. Однако, время показало, что он ошибался. Северский, и в самом деле, удерживал Ивана от резких телодвижений практически всю зиму и весну. Что уж он там плел императору, какие приводил резоны,

Ингвар не знал. Видел, что Восток явно готовится к войне, — не с немцами, разумеется, а с Старым Западом, — но отчего-то не начинается. Это вселяло в его душу осторожный оптимизм, и у Бармина даже появилась робкая надежда, что все еще может как-нибудь обойтись. И не зря, как выяснилось, потому что гражданская война так и не началась, вместо нее началась война мировая. Пятого мая 1986 года в три тридцать ночи территория империи была атакована. Первый удар нанесли поляки и австрийцы. Шестого мая к ним присоединились Дания и большинство германских государств, а седьмого, в день, когда в войну вступил Халифат, Франкия объявила о своем нейтралитете. За ней восьмого и девятого о невмешательстве в военные действия объявили и все прочие большие и малые государства Европы, и Великорусская империя вместе со Швецией остались вдвоем против всех.

Начало войны сложилось для империи Ивана VIII хуже некуда, что, впрочем, не удивительно, если учесть, кто принимал политические решения и командовал войсками. И хуже всего дела пошли именно на востоке и юго-западе. К десятому мая войска халифата захватили практически весь Крымский полуостров. Держались только Феодосия и Керченский выступ на востоке и Перекопская оборонительная линия на севере. На Кавказе продвижение противника носило гораздо более скромный характер, но там оборона держалась не столько на имперских регулярных частях, сколько на том, что дружины местных князей, усиленные вовремя подошедшими хазарскими и казачьими отрядами, оседлали перевалы и горные тропы, остановив продвижение войск Халифата на линии Дербент-Рустави-Карс-Батуми.

Австрийские же войска к этому времени заняли Кишинев и Одессу, Ужгород и Черновцы и развивали наступление в направлении на Кривой Рог, Винницу и Тернополь. А вот на линии Луцк-Брест-Гродно-Мемель австрийцев и поляков тормознули еще в первые два дня войны, и теперь оборонительная линия только усиливалась за счет спешно выдвигаемых к границе резервов. Однако быстрое продвижение австрийцев в направлении на Житомир грозило императорским войскам и ополчению Менгдена фланговым охватом.

Ингвар, как и другие члены Координационного Совета, провел эти дни на фронте. Район его ответственности располагался между Алитусом и Гродно, и там было очень жарко, и речь, разумеется, не о погоде, хотя май в тех местах действительно оказался необычайно теплым. Австрийцы рвались к мостам через Неман, задействовав не только бронепехоту и авиацию, но и большое количество боевых магов. Однако, на удачу Менгдена, на этом участке фронта у них не оказалось ни одного мага выше седьмого уровня, а у северян в боях участвовали с дюжину сильных, — от девятого до двенадцатого ранга, — магов. Тем не менее, Ингвару пришлось пару раз вступать в бой самому. Не боярское это дело, конечно, самому выходить с шашкой наголо против супостата, но иногда просто не было другого выбора: или рискнуть и выйти, грохнув какую-нибудь зарвавшуюся танковую колонну *ворога и супостата*, или сдать какой-нибудь город или еще что в том же духе. Но продлились эти его военно-полевые экзерсисы совсем недолго, какие-то десять-двенадцать дней.

Четырнадцатого мая стало известно, что у государя императора Ивана, восьмого сего имени, случился апоплексический удар. Обычное дело, если подумать. В его-то возрасте, да в такой вот нервной обстановке. Но пятнадцатого мая, — слишком быстро, если подумать, и в нарушение традиции и протокола, — император отрекся от престола в пользу своего младшего сына Василия. Василию, ставшему на тот момент пятым этого имени на престоле Великорусской империи, как раз исполнилось двадцать лет, и в качестве наследника, — при

двух живых старших братьях, — он никогда не рассматривался. Тем не менее, семнадцатого он был спешно коронован в Рязани, а восемнадцатого в Координационный Совет поступила просьба, — именно просьба, а не требование или еще что, — от Коронного Совета империи о проведении официальной коронации в Новгороде. Обращение это, следует сказать, удивило не одного только Бармина. Шокированы им были все члены совета, но последовавшие за тем экспресс-переговоры, — продлившись всего-то три жалких дня, — расставили практически все диакритические знаки[6] везде, где следует. Ну, пусть не все и не везде, но, как минимум, большинство. Старших братьев молодого императора, как и почти всех старых царедворцев, — попросту говоря, людей его отца, — в Новгород не пригласили. Свиту Василия V составляли, в основном, те, кто окружал царевича в те поры, когда он проживал в Казани, то есть, в последние пять-шесть лет с тех пор, как его засунул туда еще император Константин. Из стариков рядом с новым императором ошивался один лишь князь Северский, который, судя по всему, и произвел этот дворцовый переворот. В Новгород же на коронацию вместе Василием прибывала лишь небольшая группа знати, — его крошечный двор и два десятка стариков, представляющих знатнейшие семейства империи, — с полдюжины чиновников среднего ранга, исполняющих обязанности своих мгновенно вышедших в отставку бывших начальников, да рота гвардейцев, исполняющая роль почетного эскорта. Возражать в таких обстоятельствах было бы более, чем глупо, и Координационный Совет, разумеется, просьбу Коронного совета удовлетворил. Впрочем, едва император прибыл в Новгород, Коронный совет старого состава был расформирован, а в новый кроме князей Северского и Пронского, до последнего времени исполнявшего обязанности товарища[7] военного министра, вошли так же князь Русский и Литовский Ягеллон, князь Псковский и князь Острожский. При этом на первом же заседании Совета Ингвар был утвержден во вновь введенной должности Верховного управителя Северо-Запада.

— *Какие вести с Севера?* — спросил он шестую жену.

— *Сводка на твоём столе, — не оборачиваясь к нему, бросила в ответ его собственная и, надо отдать должное, любимая альва.*

— *Мы в ссоре?* — *Характер у Ирмэ был нелегкий, что есть, то есть. Но зато она была красавицей и умницей, матерью его дочери-альвы и офицером его штаба с неограниченными полномочиями.*

— *Не думаю. — Похоже, взяла-таки себя в руки, хотя и обиделась не на шутку. Вернее, сначала испугалась, как случалось практически всегда, когда он делал опасные глупости, — типа перехода на барражирующий на десятикилометровой высоте «сирин», — потом расстраивалась и, уже пережив испуг, обижалась. Так что ничего нового, на самом деле.*

— *Тогда рассказывай!* — потребовал Бармин.

— *Копенгаген пал, — сообщила жена, сменив гнев на милость. — Зеландия оккупирована уже почти на три четверти. Шведы продвигаются к Холбеку и Престё. Идут тяжёлые бои...*

Что ж, дела шли неплохо, даже если приходилось добывать победу большой кровью. Еще час или два, и Вена падет, как неделей ранее пали Берлин, Лейпциг и Дрезден. Войска Прибалтийского фронта приближались к Гамбургу и Бремену, а шведский десант громил датчан на острове Зеландия и готовился высадиться в Алборге и на северном побережье.

Дело шло к концу. Война заканчивалась, и Бармину, уже более двух лет носящему титул Верховного Правителя империи, настало время подумать о том, под каким предлогом и как именно он сменит династию и сам наденет императорскую корону. Время пришло, а стране, в любом случае, необходим вменяемый монарх...

Конец Четвертой Книги

Больше книг на сайте - Knigoed.net

[1] Неточная цитата из Шекспировского Гамлета в переводе Михаила Лозинского: «Подгнило что-то в Датском государстве».

[2] Ревель — Таллин.

[3] Замок Тоомпеа в городе Ревель — резиденция князя Острожского, как главы Северной марки/Западной пятины.

[4] Феллин — Вильянди — город и муниципалитет в Эстонии.

Вирония — историческая область на северо-востоке Эстонии.

Ниен — Санкт Петербург.

[5] Та́па — военный аэродром в уезде Ляэне-Вирумаа Эстонии, расположенный на южной окраине города Тапа.

[6] Диакритические знаки — различные надстрочные, подстрочные, реже внутрискрочные знаки, применяемые в буквенных (в том числе консонантных) и слоговых системах письма не как самостоятельные обозначения звуков, а для изменения или уточнения значения других знаков.

[7] Должность товарища министра была учреждена наряду с должностью министра манифестом императора Александра I «Об учреждении министерств». Первоначально товарищ министра при наличии последнего на службе не имел никаких распорядительных полномочий, но в отсутствие министра, например, по болезни, товарищ министра имел право исполнять его обязанности в полном объёме.